

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»

На правах рукописи

Лазарева Виктория Владимировна

**ОСОБЕННОСТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ
МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА**

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата экономических наук

Специальность 08.00.05 –

Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика)

Научный руководитель:

доктор экономических наук, профессор

Наталья Юрьевна Власова

Екатеринбург – 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В УСЛОВИЯХ ПРИГРАНИЧНОГО ПОЛОЖЕНИЯ.....	13
1.1 Современный категорийно-понятийный аппарат в исследовании приграничных территорий.....	13
1.2 Концептуальные аспекты анализа приграничного положения в контексте теорий региональной экономики.....	26
1.3 Особенности устойчивого развития муниципальных образований приграничного региона.....	46
2 ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ).....	67
2.1 Методический подход к оценке устойчивого развития муниципальных образований приграничного региона.....	67
2.2 Типология муниципальных образований приграничного региона по уровню устойчивого развития.....	86
2.3 Диагностика детерминант устойчивого развития приграничных муниципальных образований.....	103
3 СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОТЕНЦИАЛА ПРИГРАНИЧНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ РЕГИОНА.....	117
3.1 Региональная политика устойчивого развития приграничных территорий: зарубежный и российский опыт.....	117
3.2 Анализ уровня развития потенциала приграничного положения и его использования для устойчивого развития Амурской области.....	129
3.3 Концептуально-логическая модель управления развитием потенциала приграничного положения для устойчивого развития приграничных муниципальных образований.....	145
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	176
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	187
Приложение А – Подходы к определению понятия «приграничные территории» и критерии их выделения.....	217
Приложение Б – Теоретические подходы в рамках концепции устойчивого развития.....	220

Приложение В	– Содержательный анализ функций государственной границы (по А. А. Кирееву)	221
Приложение Г	– Методические подходы к анализу асимметрии социально-экономического развития муниципальных образований.....	223
Приложение Д	– Динамика значений обобщающих показателей устойчивого развития муниципальных образований в сравнении со средними по выборке.....	225
Приложение Е	– Нарастание и отставание преимуществ муниципальных образований по обобщающим показателям, характеризующим состояние подсистем устойчивого развития, по сравнению со средним значением по выборке	231
Приложение Ж	– Рассчитанные коэффициенты для оценки уровня устойчивого развития муниципальных образований Амурской области	233
Приложение И	– Характеристика приграничных муниципальных образований по качественным признакам	238
Приложение К	– Анализ изменения состава кластеров за период 2007–2016 гг.	239
Приложение Л	– Модели пространственного развития и виды региональной политики	251
Приложение М	– Институты и инструменты федеральной региональной политики в отношении территорий ДВФО	253
Приложение Н	– Характеристика ТОСЭР, созданных на территории Амурской области	257

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность диссертационного исследования. Обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного развития страны является приоритетной целью, закрепленной в Стратегии пространственного развития Российской Федерации.

Необходимым условием перехода к устойчивому развитию является организация взаимодействия экологической, экономической и социальной подсистем, которые локализуются на территории муниципальных образований.

Большое разнообразие регионов и муниципальных образований определяет сложность и многообразие задач по обеспечению их устойчивого развития, их несводимость к единым стандартным решениям. Особого внимания заслуживают муниципальные образования приграничного региона, географическое положение которого определяет специфику протекающих на их территориях процессов, что предполагает необходимость учета их особенностей при переходе к устойчивому развитию. Вместе с тем следует иметь в виду, что влияние государственной границы и соседней страны наиболее ощутимо на территориях муниципальных образований, непосредственно прилегающих к государственной границе, поэтому при анализе особенностей устойчивого развития следует выделять внутренние и приграничные муниципальные образования.

Мировой опыт подтвердил необходимость выделения приграничных территорий в качестве самостоятельного объекта региональной политики. Данное обстоятельство предопределило значительный научный интерес к исследованию проблем и особенностей их социально-экономического развития.

Несмотря на значительный вклад ученых в исследование проблем и перспектив развития приграничных территорий, ряд вопросов не нашли полного отражения. В частности, одним из дискуссионных моментов остается вопрос выделения приграничных территорий и определение их границ. Важно отметить, что приграничные территории, будучи определенной типологической группой, в свою

очередь, значительно дифференцированы, что определяет уникальность каждого участка приграничья и диктует необходимость оценки процессов, происходящих в каждом регионе.

Нуждается в дальнейшем осмыслении теоретическое представление о потенциале приграничного положения, о том, что входит в это понятие, какими критериями и показателями следует пользоваться при оценке складывающейся ситуации в муниципальных образованиях приграничного региона. Это тем более важно, что требуется совершенствование практики не только использования имеющегося потенциала приграничного положения, но и его формирования, в том числе за счет изменений в правовом режиме границы, статусе приграничных территорий, системе преференций для хозяйствующих субъектов – резидентов приграничья. Как показывает опыт зарубежных стран, эффективное использование потенциала приграничного положения может способствовать устойчивому развитию даже самых неблагополучных территорий.

В связи с этим объективной необходимостью становится уточнение и дополнение концептуальных подходов к анализу устойчивого развития муниципальных образований приграничного региона, что определяет высокую практическую значимость решения указанных вопросов, обуславливает актуальность выбранной темы и содержание диссертационной работы.

Степень научной разработанности исследуемой проблемы. Методологическую основу диссертационного исследования составляет круг теорий, позволивший выявить ряд важнейших закономерностей в пространственном развитии регионов, представленных в трудах зарубежных ученых: Ж.-Р. Будвиля, В. Кристаллера, П. Кругмана, Х. Р. Ласуэна, А. Лёша, Т. Мори, Ф. Перру, П. Потье, Дж. Фридмана, М. Фуджиты и др. Большой вклад внесли работы ученых отечественной школы: Е. Г. Анимицы, С. С. Артоболевского, П. Я. Бакланова, Н. Н. Баранского, Л. Б. Вардомского, А. Г. Гранберга, О. В. Грицай, А. Н. Демьяненко, Н. В. Зубаревич, Г. В. Иоффе, Н. Н. Колосовского, Б. Л. Лавровского, П. А. Минакира, Т. Г. Нефедовой, Н. М. Сурниной, С. А. Суспицына, А. И. Трейвиша и др.

Особенности развития регионов различного типа и уровня анализируются в работах представителей уральской школы региональной экономики: Е. Г. Анимицы, В. С. Бочко, Е. Б. Дворянкиной, Ю. Г. Лавриковой, Н. В. Новиковой, Я. П. Силина, А. И. Татаркина, И. Д. Тургель, М. Д. Шарыгина.

Среди классических работ, заложивших теоретический фундамент анализа проблем развития приграничных территорий, следует назвать труды Х. Гирша, Х. Зиберта, В. Кристаллера, П. Кругмана, А. Леша, Б. Олина, Ф. Перру, Дж. Рауча, Дж. Фридмана, М. Фуджиты, Т. Хагерстранда, Э. Хувера, П. Хаггета, Н. Хансена и др. Среди российских исследователей, занимающихся изучением проблем приграничных территорий, следует выделить Е. Г. Анимицу, В. С. Антонюк, С. С. Артоболевского, П. А. Бакланова, Л. Л. Божко, Н. Н. Баранского, Л. Б. Вардомского, С. С. Ганзея, А. Г. Гранберга, В. Н. Дьяченко, В. Л. Каганского, В. А. Колосова, Н. Н. Колосовского, И. М. Маергойза, П. А. Минакира, Н. С. Мироненко, В. Е. Шувалова и др.

Важная роль в формировании представлений о характере процессов, протекающих в Дальневосточном регионе, и его стратегических перспективах принадлежит исследованиям, направленным на выявление общих закономерностей пространственного развития Тихоокеанской России. Особого внимания заслуживает выполненный П. Я. Баклановым анализ регионального экономико-географического и геополитического потенциала региона, а также определение П. А. Минакиром стратегических перспектив развития. Наряду с исследованиями процессов, происходящих на региональном уровне, существенные шаги сделаны В. Н. Дьяченко в анализе процессов, происходящих на уровне городских округов и муниципальных районов.

Значительный вклад в исследование проблем устойчивого развития внесли такие ученые, как Л. И. Абалкин, В. М. Баутин, С. Н. Бобылев, Х. Г. Брундтланд, В. И. Данилов-Данильян, Д. Х. Медоуз, Д. Л. Медоуз, А. И. Татаркин, Р. Тернер, А. Я. Троцкий, А. Д. Урсул и др.

Результаты исследований указанных авторов в той или иной мере повлияли на формирование научного мировоззрения соискателя. Вместе с тем, несмотря на

значительный вклад отечественных и зарубежных ученых в решение актуальных задач исследования устойчивого развития муниципальных образований, некоторые аспекты, особенно в муниципальных образованиях приграничных регионов, требуют дальнейших углубленных исследований.

Вышеизложенное обусловило выбор диссертантом объекта, предмета, а также постановку цели и задач диссертационного исследования.

Объектом исследования является приграничный регион с локализованными в его границах муниципальными образованиями.

Предметом исследования выступают условия, тенденции и особенности устойчивого развития муниципальных образований приграничного региона.

Полигон исследования – муниципальные образования Амурской области, расположенной в пределах Дальневосточного федерального округа, прилегающей к государственной границе Российской Федерации с Китайской Народной Республикой.

Цель диссертационной работы заключается в расширении теоретико-методических положений исследования особенностей устойчивого развития муниципальных образований приграничного региона и в обосновании возможных направлений их будущего развития.

Для достижения указанной цели поставлены следующие **задачи**:

1) определить сущностно-содержательную характеристику понятия «потенциал приграничного положения» в контексте теорий региональной экономики и концепции устойчивого развития; систематизировать важнейшие научные подходы к выделению приграничных территорий и определению их границ, раскрыть влияние приграничного положения на особенности развития приграничных территорий;

2) предложить методический подход к оценке устойчивого развития муниципальных образований, локализованных в границах региона, учитывающий влияние фактора приграничности;

3) оценить уровень развития и использования потенциала приграничного положения с точки зрения реализации интересов различных групп акторов

и обосновать стратегические направления его развития для устойчивого развития муниципальных образований региона.

Соответствие диссертации Паспорту научной специальности. Исследование соответствует п. 3.14 «Проблемы устойчивого сбалансированного развития регионов; мониторинг экономического и социального развития регионов» и п. 3.17 «Управление экономикой регионов. Формы и механизмы взаимодействия федеральной, региональной, муниципальной власти, бизнес-структур и структур гражданского общества. Функции и механизмы управления. Методическое обоснование и разработка организационных схем и механизмов управления экономикой регионов; оценка их эффективности» Паспорта специальности ВАК РФ 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика).

Теоретической и методологической основой исследования послужила совокупность научных воззрений, концепций, теорий отечественных и зарубежных ученых в области региональной экономики, экономического пространства, устойчивого развития, а также исследований, посвященных теоретическим и эмпирическим аспектам устойчивого развития регионов и муниципальных образований.

Основные методы исследования. В диссертационном исследовании применены общенаучные методы познания, методы системного, логического и сравнительного анализа, методы группировки и обобщения, а также методы статистического, кластерного анализа.

Информационно-эмпирическая и нормативно-правовая база исследования представлена законодательными актами, нормативными и правовыми документами органов власти РФ, субъектов РФ; официальными статистическими данными Федеральной службы государственной статистики, ее территориальных органов; материалами официальных сайтов органов управления; научными публикациями; другими информационными материалами, а также собственными методическими и аналитическими разработками автора.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующих защищаемых положениях и выводах.

1. Предложена авторская трактовка содержания понятия «потенциал приграничного положения», объединяющая ресурсный, результативный и целевой подходы и включающая оценку специфических факторов приграничного положения, что позволяет выявлять возможности и предпосылки устойчивого развития муниципальных образований приграничного региона. Это расширяет и обогащает научные представления о потенциале приграничного положения как способности приграничных территорий обеспечивать долговременное функционирование и достижение стратегических целей развития и повышение качества жизни населения на основе использования возможностей приграничного взаимодействия, определяемых близостью к государственной границе и зарубежной стране (п. 3.14 Паспорта специальности ВАК РФ 08.00.05).

2. Разработан и апробирован методический подход к оценке устойчивого развития муниципальных образований, локализованных в границах приграничного региона, отличающийся от существующих подходов использованием двухуровневой системы индикаторов и учитывающий влияние фактора приграничности, позволяющий оценить степень территориальной асимметрии, выделить приграничные муниципальные образования в отдельный объект исследования, диагностировать проблемы и определить возможные направления их решения с учетом имеющегося потенциала (п. 3.14 Паспорта специальности ВАК РФ 08.00.05).

3. Разработана концептуально-логическая модель управления развитием потенциала приграничного положения, предполагающая использование стратегического подхода и ориентированная на повышение уровня устойчивого развития муниципальных образований региона. В качестве приоритетных направлений развития потенциала приграничного положения предлагается: формирование транспортно-логистического комплекса и развитие транзитного потенциала муниципальных образований региона; использование потенциала иностранной рабочей силы для реализации стратегии импортозамещения в сельскохозяйственном производстве (п. 3.17 Паспорта специальности ВАК РФ 08.00.05).

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении научных представлений об особенностях устойчивого развития муниципальных образований приграничного региона.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применять отдельные разработанные автором методические и прикладные положения в деятельности органов власти и управления различного уровня при разработке документов стратегического планирования, при обосновании программ и проектов развития муниципальных образований приграничного региона.

Апробация результатов диссертационного исследования. Научные разработки, а также практические рекомендации, содержащиеся в диссертационном исследовании, были использованы Министерством экономического развития и внешних связей Амурской области и Аппаратом губернатора области и Правительства Амурской области при разработке программных и нормативных документов, в частности, при выработке предложений для программ развития приграничных территорий Амурской области.

Отдельные результаты и выводы диссертационного исследования были внедрены в учебный процесс при чтении лекций и проведении семинарских занятий по дисциплинам «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока», «Стратегическое управление регионом» в ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет».

Ключевые результаты работы докладывались на международных и всероссийских научно-практических конференциях и форумах, которые прошли в Москве (2016 г.), Благовещенске (2016–2017 гг.), Владивостоке (2018 г.), Екатеринбурге (2017–2019 гг.), Хабаровске (2017 г.).

Публикации. Результаты исследования нашли отражение в 31 публикации общим объемом 25,8 п. л., в том числе авторских 13,4 п. л. Из них девять статей опубликовано в изданиях, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, две статьи – в сборнике материалов конференции, индексируемом в МНБД Scopus и WoS, одна статья – в журнале, индексируемом в МНБД AGRIS, а также два раздела монографии.

Структура и объем диссертации соответствуют предмету, цели, задачам и логике исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и 12 приложений. Содержание работы изложено на 216 страницах машинописного текста и включает 21 таблицу и 26 рисунков.

Во *введении* обосновывается выбор темы диссертационного исследования, его актуальность; определяются объект и предмет исследования; формулируются цель и задачи; раскрывается информационная база; представляется научная новизна ожидаемых результатов; обосновывается их теоретическая и практическая значимость.

В *первой главе* «Теоретические и методические аспекты исследования устойчивого развития муниципальных образований в условиях приграничного положения» рассмотрены теоретические подходы к выделению приграничных территорий и определению их границ; раскрыты концептуальные аспекты анализа приграничного положения в контексте теорий региональной экономики; содержательно интерпретирована сущность понятия «потенциал приграничного положения»; выделены факторы, определяющие особенности и предпосылки устойчивого развития приграничных муниципальных образований.

Во *второй главе* «Тенденции и особенности устойчивого развития муниципальных образований приграничного региона (на примере Амурской области)» содержится комплексный анализ муниципальных образований приграничного региона на основе авторского методического подхода, позволившего оценить усиление территориальной асимметрии пространства приграничного региона, определить уровень устойчивого развития внутренних и приграничных муниципальных образований региона, выявить особенности и диагностировать проблемы приграничных муниципальных образований, а также определить возможные направления их решения с учетом имеющегося потенциала.

В *третьей главе* «Стратегические направления использования потенциала приграничного положения для устойчивого развития муниципальных образований региона» систематизирован опыт региональной политики зарубежных стран (Китай и Европейского союза) в отношении приграничных территорий, а также про-

веден анализ региональной политики на федеральном и субфедеральном уровнях в отношении приграничных территорий субъекта РФ, входящего в состав Дальневосточного федерального округа. В результате анализа использования потенциала приграничного положения в социально-экономическом развитии приграничного пространства региона определены перспективные направления его развития и использования, находящиеся в пределах компетенции региональных органов управления, на основе использования стратегического подхода, ориентированного на эффективное использование потенциала приграничного положения для повышения уровня устойчивого развития муниципальных образований региона.

В *заключении* приведена обобщенная характеристика работы и основные выводы по результатам диссертационного исследования.

В *приложениях* представлены вспомогательные аналитические материалы, иллюстрирующие отдельные положения диссертационной работы.

1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В УСЛОВИЯХ ПРИГРАНИЧНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

1.1 Современный категорийно-понятийный аппарат в исследовании приграничных территорий

Изучение развития специфичных, часто проблемных территорий, к которым относят приграничные, на сегодняшний день представляет собой одно из ведущих направлений региональной экономики.

В мировой практике повышенное внимание к социально-экономическим процессам, происходящим на приграничных территориях, было обусловлено рядом обстоятельств, среди которых следует выделить проявление на территориях, прилегающих к государственной границе, таких последствий пространственной поляризации, как экономическая деградация, формирование анклавов, охваченных депрессией, сужение экономического пространства, усиление социального неравенства, сокращение занятости, падение уровня жизни населения. Одним из значимых факторов, непосредственно привлечших внимание к пространственной асимметрии приграничных территорий, следует назвать регионализацию европейского экономического пространства, выразившуюся в формировании так называемых еврорегионов в приграничных зонах соседних государств¹.

Происходящие процессы глобализации, развития трансграничного сотрудничества способствовали превращению приграничных территорий в специальный

¹ Катровский А. П., Ридевский Г. В. Пространственная экономическая асимметрия как фактор развития российско-белорусского трансграничного региона // Региональные исследования. 2013. № 3(41). С. 128–136.

объект региональной политики и, как следствие, привели к попыткам их научного осмысления¹.

В отечественной практике принципиальные изменения в отношении к приграничным территориям произошли в связи с усилением контактных функций старых границ, определяемых движением РФ к открытой экономике, децентрализацией и либерализацией внешнеэкономических связей, а также появлением феномена «нового приграничья».

Активное участие приграничных регионов в развитии внешнеэкономических связей, повышение их роли в международном сотрудничестве, а также усиление влияния пограничного положения на их социально-экономическое развитие привели к выделению приграничных территорий в специальный объект государственной политики. Разработка программ развития приграничных территорий существенно стимулировала проведение научных исследований, получивших широкий характер. Особенно это проявляется непосредственно в приграничных субъектах. Объектами научных исследований стали территориальные образования различного экономического уровня, в том числе приграничные муниципальные образования.

В настоящее время исследование приграничных территорий является одним из актуальных научных направлений и носит междисциплинарный характер. Большой интерес для научного сообщества представляет исследование региональных особенностей приграничных территорий, которые оказывают существенное влияние на характер протекающих социально-экономических процессов, определяют их преимущества и специфику возникающих проблем, а также тенденции их развития. Региональная экономика позволяет определить специфику приграничных территорий, понять и проанализировать неоднородность приграничья, оценить индивидуальные особенности и дать рекомендации по формированию системы региональной политики применительно к приграничным территориям.

¹ См., например: Niebuhr A., Stiller S. Integration effect in border region – a survey of economic theory and empirical studies: HWWA Discussion paper. Hamburg Institute of International Economics, 2002. URL : <https://core.ac.uk/download/pdf/7010873.pdf>; Hansen N. Border regions: a critique of spatial theory and a European case study // *Annals of Regional Science*. 1977. Vol. 11. P. 1–14; Hansen N. The economic development of border regions // *Growth and Change*. 1977. Vol. 8. P. 2–8.

Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на значительный научный интерес к проблемам развития приграничных территорий, на сегодняшний день дискуссионным остается вопрос выделения приграничных территорий и определения их границ. Об этом, в частности, пишут П. Я. Бакланов и С. С. Ганзей: «...подходы и критерии выделения приграничных территорий остаются недостаточно строгими»¹.

Важность и актуальность теоретического осмысления категории «приграничные территории» объясняется не только научным интересом, но и практической необходимостью. Как справедливо отмечает П. Я. Бакланов, «данный вопрос имеет не только научное, но и большое практическое значение, поскольку влияет на определенные экономические и геополитические оценки, институциональные элементы и управленческие решения. Для таких территорий определяются специфические приоритеты и ограничения в социально-экономической и экологической политике. Основные направления геополитических интересов государств также формируются с учетом не только выгод всего государства, но и развития территорий, прилегающих к тем или иным участкам государственной границы»².

Анализ имеющихся публикаций показал, что существует большое количество разнообразных интерпретаций понятия «приграничные территории», различающихся подходами (территориальный³, административный⁴, функциональный⁵, комплексный⁶) и критериями их выделения (прилегание к государственной границе, функциональное назначение, административно-территориальное деление, свойства взаимовлияния и взаимодействия) (приложение А).

¹ Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран (проблемы и предпосылки устойчивого развития): монография / отв. ред. П. Я. Бакланов, А. К. Тулохонов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. С. 13.

² Бакланов П. Я. Структурные особенности и потенциал развития приграничных и трансграничных районов: теоретические аспекты // Региональные исследования. 2018. № 3(61). С. 19.

³ Базируется на принципах пространственного положения и обязательном наличии территориальных элементов, свойственных исключительно подобным видам территорий (к их числу относится государственная граница и наличие приграничной инфраструктуры).

⁴ Основывается на принципах административно-территориального деления.

⁵ Базируется на функциональном (содержательном) отличии приграничных территорий, связанных с непосредственным влиянием границы на прилегающую территорию.

⁶ Сочетает элементы территориального и функционального подходов.

С позиции региональной экономики наиболее полно характеризует сущность приграничных территорий комплексный подход, сочетающий элементы территориального и функционального, рассматривающий в качестве базового признака приграничных территорий факт прилегания к государственной границе, способной через свойства барьерности и контактности оказывать значительное влияние на социально-экономическое развитие, и анализирующий их содержательно через совокупность выполняемых ими функций.

Такие свойства, по мнению П. Я. Бакланова, «могут проявляться на разных территориальных уровнях – непосредственно вблизи государственной границы, как правило, формируются пограничные, таможенные, транспортные структуры, реализующие функции охраны границы и обеспечения межгосударственных связей. В пределах территории, удаленной от государственной границы на десятки километров, размещаются различные структуры внешнеэкономического сотрудничества: совместные предприятия, торговые центры, туристические фирмы, ориентированные, прежде всего, на взаимодействие с приграничными районами соседней страны. Наконец, определенное трансграничное взаимовлияние и взаимодействие отмечается в пределах административных территорий, прилегающих к государственной границе (муниципальные районы, приграничные субъекты)»¹.

Государственные границы в теории и методологии географической науки относятся к типу резких и рассматриваются как «линии, определяющие пределы того или иного государства. Они устанавливаются по соглашению между сопредельными государствами. На основе договоров проводятся делимитация и демаркация с установлением пограничных знаков»².

А. А. Киреев выделяет три подхода к исследованию феномена границы, в том числе государственной, которые различаются концептуально-методологическим аппаратом и взглядами на сущность исследуемого объекта: географиче-

¹ Бакланов П. Я. Структурные особенности и потенциал развития приграничных и трансграничных районов: теоретические аспекты // Региональные исследования. 2018. № 3(61). С. 21.

² Анимица Е. Г. Феномен территориальной границы // Географический вестник. 2007. № 1–2. С. 5–10.

ский, системный и конструктивистский¹. Сравнительная характеристика названных подходов представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Подходы к исследованию феномена границы

Подход	Содержание
Географический (конец XIX в.)	«Идея „естественной границы“». Преимущественный интерес для них имели границы государственного типа, рассматриваемые в барьерном аспекте, как оборонительные рубежи. Описан широкий спектр вариантов сопряженности линий государственной границы с различными географическими объектами, рассмотрены факторы, обуславливающие ее устойчивость или подвижность. Предложены первые классификации и типологии границ. Искусственное сужение объекта изучения, реального многообразия типов, функций и факторов формирования границ»
Системный (с 50-х гг. XX в.)	«Границы любого рода (в том числе и между государствами) стали рассматриваться как общественное явление, как атрибут социетальной системы в целом. Государственные границы стали рассматриваться как механизмы регулирования многочисленных международных и межобщностных потоков – товаров, людей, услуг, капиталов, информации. Исследователи обращаются к вопросам эффективности функционирования границ в качестве инструментов защиты национальных интересов. Вводится понятие «пограничной ситуации» (М. Фуше). Демографическое, социально-экономическое, культурное состояние каждого данного общества во многом обусловлено режимом функционирования его границ. Расширение географии изучаемых границ»
Конструктивистский (с 90-х гг. XX в.)	«Граница рассматривается как социальное представление, т. е. феномен коллективного и индивидуального сознания, зафиксированный и выражаемый в языке, символах и мифологемах, стереотипах восприятия и действия. В фокусе внимания находятся неформальные рубежи (или «ареалы идентичностей») как наиболее устойчивые и глубокие, оказывающие самое непосредственное и всеобъемлющее воздействие на поведение граждан. Сосредоточение на комплексе социокультурных функций границы. Границе отводится роль главного, самого мощного инструмента конструирования сообществ, своеобразного двигателя общественно-исторического процесса»
Примечание. Составлено автором по: Киреев А. А. Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (середина XIX – начало XXI в.) : монография. Владивосток : Изд-во ДВФУ, 2011. С. 21–32.	

В отличие от географического подхода, рассматривающего государственные границы исключительно в военно-политическом аспекте и фокусирующегося только на их барьерном предназначении, в рамках системного подхода внимание исследователей смещается на изучение контактных свойств, а «государственная граница рассматривается как механизм регулирования многочисленных международных и межобщностных потоков – товаров, людей, услуг, капиталов, информации.

¹ Киреев А. А. Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (середина XIX – начало XXI в.) : монография. Владивосток : Изд-во ДВФУ, 2011. С. 21–32.

Соотношение функций государственной границы определяет интенсивность данных потоков, а также последствия для взаимодействующих обществ и общностей»¹.

В рамках данного исследования для автора представляет интерес методология системного подхода, рассматривающего государственную границу как подсистему общественной системы, которую характеризуют протяженность (линейность), внутренний объем, собственная структурная глубина. Как справедливо отмечает И. И. Арсентьева, «де-юре понятие „государственная граница“ остается неизменным. Однако де-факто оно намного сложнее и многограннее, что обусловлено спецификой современного мирового развития. Сегодня граница рассматривается как место, где создается основа для интеграции прилегающих к ней территорий, их взаимозависимости и взаимодополняемости в различных сферах»².

В. А. Колосов и Н. С. Мироненко отмечают, что «вдоль границы создается особый тип пространства – пограничное пространство, характеризуемый разной интенсивностью взаимодействия между соседними странами, в том числе интенсивностью трансграничных потоков»³.

Как указывает С. В. Артёменко, «эти пространства насыщены объектами инфраструктуры охраны государственной границы, международной транспортно-коммуникационной инфраструктуры, хозяйственными объектами обслуживания грузо- и пассажиропотоков (в том числе транзитных), элементами инфраструктуры международного сотрудничества и взаимодействия. Часто здесь располагаются специальные формы организации хозяйственной деятельности (например, свободные экономические зоны). В то же время здесь имеются и определенные ограничения в размещении объектов хозяйства и расселения, в подвижности населения. Так, наличие границы регламентирует расположение вблизи от нее объектов, стратегически важных для государства, функционирование которых потенциально

¹ Киреев А. А. Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (середина XIX – начало XXI в.) : монография. Владивосток : Изд-во ДВФУ, 2011. С. 27.

² Арсентьева И. И. Понятие «приграничье» в современном научном дискурсе // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 6. С. 24–29.

³ Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география. М. : Аспект Пресс, 2002. С. 364.

может быть затруднено или ограничено из-за территориальной близости государственного рубежа»¹.

Пограничное (приграничное) пространство, изучение которого носит междисциплинарный характер, все чаще становится объектом региональных исследований. Между тем общепринятое определение данного понятия в настоящее время отсутствует, при этом А. А. Киреев отмечает: «...можно выделить два основных, наиболее четко различающихся подхода к интерпретации этого понятия – формально-юридический и функциональный. Согласно формально-юридическому подходу, пограничное пространство объемлет собой примыкающую к линии границы территорию, воздушную и водную среду в пределах, определенных либо международно-правовыми актами (исключительная экономическая зона, континентальный шельф), либо национальным законодательством (административно-территориальные рубежи приграничных районов или регионов)»².

Формально-юридического подхода к понятию «пограничное (приграничное) пространство» придерживаются Э. С. Надарин³, В. Е. Хвощев и Р. Ш. Муллаянов⁴, Л. Л. Фартушняк⁵. Среди достоинств данного подхода можно назвать возможность фиксации четких пределов пограничного пространства, а также его внутренней организации. Наряду с общим режимом границы⁶, существуют его разновидности, распространяемые на места пересечения государственной границы⁷ (режим в пунк-

¹ Артёменко С. В. Граница и приграничность как характеристики региона // Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. 2009. № 4. С. 182.

² Киреев А. А. Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (середина XIX – начало XXI в.) : монография. Владивосток : Изд-во ДВФУ, 2011. С. 45.

³ Надарин Э. С. Пограничное пространство Российской Федерации // Законность и правопорядок в современном обществе. 2013. № 13. С. 105–109.

⁴ Хвощев В. Е., Муллаянов Р. Ш. Пограничная политика и безопасность. Опыт регионального анализа : монография. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2001. С. 25.

⁵ Фартушняк Л. Л. Пограничное пространство как параметр геополитического статуса современной Российской Федерации // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3: Общественные науки. 2007. Т. 48, № 2. С. 72–78.

⁶ О Государственной границе Российской Федерации : закон РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-І.

⁷ Об утверждении Правил режима в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации : приказ Федерального агентства по обустройству государственной границы РФ от 27 декабря 2010 г. № 451-ОД.

тах пропуска¹⁾ и пограничная зона²⁾ (пограничный режим³⁾), размеры которой определяются с целью охраны государственной границы. При этом они значительно варьируют по странам. По законодательству РФ размер пограничной зоны составляет 5 км⁴⁾. В европейских странах «радиус пограничной зоны, исчисляемой от таможенного пункта на границе, устанавливается в зависимости от государства и действующего на его территории законодательства в пределах от 10 до 50 км»⁵⁾.

Как справедливо отмечает А. А. Киреев, «несмотря на ценность формально-юридического подхода, его существенным недостатком является исключительное рассмотрение только административно-правовых институтов и отношений. Существенно восполнить картину этого сложного, системного объекта за счет включения в нее огромного пласта его неформальных элементов и связей позволяет функциональный подход»⁶⁾.

А. П. Горкин определяет пограничное пространство как «зону вдоль государственной границы или вокруг пункта в глубине территории страны (например, международного аэропорта), в которой происходит интенсивное взаимодействие между экономическими, культурными, правовыми и политическими системами соседних и иных государств и в которой наблюдаются пограничные процессы и явления. Пограничное пространство привлекательно для многих сфер деятельности – от торгово-посреднической до криминальной – и характеризуется протяженностью (длиной), шириной (глубиной) и насыщенностью (плотностью)»⁷⁾.

¹⁾ Действует в местах пересечения границы транспортными (автомобильными, железнодорожными и др.) коммуникациями, а также реализуется в располагающихся во внутренних районах государства международных аэропортах, морских и речных портах.

²⁾ Об утверждении Правил пограничного режима : приказ ФСБ от 7 августа 2017 г. № 454.

³⁾ Пограничный режим распространяется на пограничную зону, в российской части вод пограничных рек, озер и иных водных объектов, во внутренних морских водах и в территориальном море Российской Федерации.

⁴⁾ Об утверждении Правил пограничного режима : приказ ФСБ от 7 августа 2017 г. № 454.

⁵⁾ Драгилева И. И. Трансграничная кооперация в Балтийском регионе // Балтийский регион как полюс экономической интеграции Северо-Запада Российской Федерации и Европейского союза : монография / под ред. В. П. Гутника, А. П. Клемешева. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. С. 78.

⁶⁾ Киреев А. А. Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (середина XIX – начало XXI в.) : монография. Владивосток : Изд-во ДВФУ, 2011. С. 45.

⁷⁾ География / гл. ред. А. П. Горкин. М. : РОСМЭН, 2006. 623 с.

Сходной позиции на сущность пограничного (приграничного) пространства придерживаются В. Кудияров¹, В. А. Колосов и Н. С. Мироненко², П. Я. Бакланов³, Л. Б. Вардомский⁴, Л. Л. Божко⁵, С. Н. Булашов⁶, Л. И. Попкова⁷, Т. Г. Борисова⁸.

На наш взгляд, интерпретация приграничного пространства с точки зрения функционального подхода является теоретически содержательной, но при этом создает сложности с практической стороны, так как возникает проблема фиксации пределов (глубины) пограничного пространства.

Глубина пограничного пространства на разных участках границы варьирует, поскольку «оно формируется в результате взаимодействия экономического, культурного и других пространств соседних стран и носит, следовательно, интегральный характер, его рубежи представляют собой результирующую между границами зон взаимодействия „частных“ пространств»⁹. Кроме того, как отмечает А. А. Киреев, «не менее сложной задачей является функциональный анализ и внутренней организации пограничного пространства. ...Критерием для дифференциации различных частей пограничного пространства служит степень плотности (интенсивности) формирующих его функциональных взаимодействий разного типа»¹⁰.

¹ Кудияров В. Пограничные пространства России // Границы России. 1996. № 2. С. 77–83.

² Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география. М. : Аспект Пресс, 2001. С. 364.

³ Трансграничный регион: понятие, сущность, форма : монография / под ред. П. Я. Бакланова, М. Ю. Шинковского. Владивосток : Дальнаука, 2010. 276 с.

⁴ Вардомский Л. Б. Российское порубежье в условиях глобализации. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 13.

⁵ Божко Л. Л. Теоретико-методологические основы исследования процессов экономического развития приграничных территорий : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05. Екатеринбург, 2011. С. 45.

⁶ Булашов С. Н. Экономико-правовой анализ сущности государственной границы и пограничного экономического пространства Российской Федерации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 21. С. 51–57.

⁷ Попкова Л. И. Географические аспекты устойчивого развития приграничного пространства // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Естественные и технические науки. 2013. № 2. С. 684–687.

⁸ Борисова Т. Г. Социально-экономическое развитие сельской местности в условиях приграничного положения: на примере Курганской области : дис. ... канд. геогр. наук : 25.00.24. Пермь, 2010. С. 10.

⁹ Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география. М. : Аспект Пресс, 2001. С. 365.

¹⁰ Киреев А. А. Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (середина XIX – начало XXI в.) : монография. Владивосток : Изд-во ДВФУ, 2011. С. 51.

Учитывая данное обстоятельство, большинство авторов переходят от понятия «пограничное (приграничное) пространство» к понятию «приграничье», подразумевая под ним прилегающую к границе зону, выделяемую в качестве объекта исследования на основе, как правило, административно-территориального признака¹. По мнению Л. Б. Вардомского и С. В. Голунова, «такая зона должна охватывать по крайней мере одну межгосударственную границу (но не взятый в отдельности ее региональный участок); совокупность сконцентрированных по отношению к государственной границе пространственно-временных рубежей, разделяющих административно-политические, экономические, культурные и другие системы, идентифицируемые с сопредельными государствами»².

Используя зональный подход, А. Г. Гранберг выделяет семь зон, в том числе две зоны, относящиеся к «старому» приграничью (Норвежско-Финляндское и Восточно-Сибирское – Дальневосточное) и пять зон «нового» приграничья (Казхстанское, Балтийское, Белорусское, Украинское, Северо-Кавказское)³.

Х. Б. Бадарчи и Д. Ф. Дабиев, указывая на проблему определения принадлежности некоторых регионов к выделенным зонам приграничья, выделяют шесть «зон приграничья с учетом специфики групп граничащих государств в общей со-

¹ Колосов В. А. Российское пограничье: сотрудничество и вызовы соседства // Российское пограничье: социально-политические и инфраструктурные проблемы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 11 февраля 2016 г.) / под ред. В. А. Колосова, А. Б. Володина. М. : ИП Матушкина И. И., 2016. С. 9; Вардомский Л. Б., Кузавко А. С. Особенности формирования потребительского рынка белорусско-российского приграничья // Экономический журнал. 2018. № 2(50). С. 6–25; Рыжова Н. П. Процессы региональной интеграции в российско-китайском приграничье // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2008. № 1. С. 107–113; Арсентьева И. И. Понятие «приграничье» в современном научном дискурсе // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 6. С. 24–29; Хандажапова Л. М., Лубсанова Н. Б., Дагбаева С. Д. Восточное приграничье России: современные вызовы и угрозы // Московский экономический журнал. 2018. № 5. С. 70–77; Михайленко А. Н. Современные тенденции развития российско-белорусского приграничья // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2014. № 3. С. 23–30.

² Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ / под ред. Л. Б. Вардомского, С. В. Голунова. М.–Волгоград : НОФМО, 2002. С. 78–87.

³ Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. 4-е изд. М. : Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2004, С. 335–336.

вокупности исторических и политических аспектов образования и существования государственных границ, в том числе дальневосточную»¹.

Стоит отметить, что в научном сообществе сложился общепринятый взгляд на трехуровневую структуру приграничья в рамках отдельного государства, которая обоснована в трудах А. Г. Гранберга² и С. С. Ганзей³ (рисунок 1).

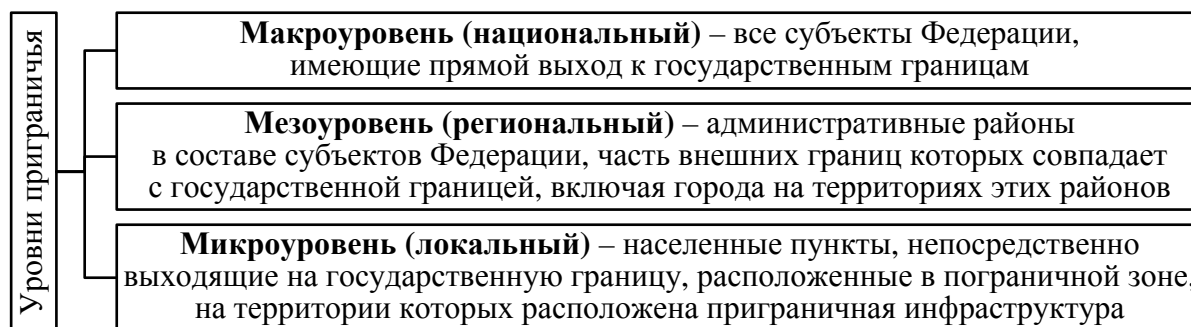

Рисунок 1 – Уровни приграничья

Как правило, в качестве объекта исследования рассматриваются субъекты РФ, относящиеся к макроуровню приграничья, что связано с наличием у них соответствующих полномочий и ресурсных возможностей⁴. Как справедливо отме-

¹ Бадарчи Х. Б., Дабиев Д. Ф. Типологический анализ приграничных регионов России по уровню социально-экономического развития (на примере Республики Тыва) // Проблемы прогнозирования. 2012. № 2. С. 92.

² Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. 4-е изд. М. : Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2004, С. 332–333.

³ Ганзей С. С. Трансграничные геосистемы юга Дальнего Востока России и Северо-Восточного КНР. Владивосток : Дальнаука, 2004. 231 с.

⁴ См., например Катровский А. П. Смоленское приграничье: от депрессии и стагнации к устойчивому развитию? // Региональные исследования. 2010. № 4. С. 70–75; Новиков А. Н., Новикова М. С. Региональные особенности приграничного положения юго-восточного Забайкалья // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Естественные науки. 2008. Т. 150, № 3. С. 229–240; Озем Г. З. Приграничное положение как фактор социально-экономического развития сельской местности // Региональные исследования. 2004. № 1(3). С. 48–54; Бильчак М. В. Интеграция в приграничном регионе : монография. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. 185 с.; Сандомирская И. К. Методы оценки и механизмы управления устойчивым развитием регионов приграничного типа: на примере Ленинградской области : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. СПб., 2011. 173 с.; Гончарова Н. П., Ноянзина О. Е., Авдеева Г. С. Миграционные процессы и социальная безопасность рынка труда приграничных регионов России // Национальная безопасность // Nota Bene. 2014. № 1(30). С. 50–60; Грибова С. Н. Развитие приграничных регионов: методология и практика : дис. ... д-ра экон. наук. Улан-Удэ, 2011. 357 с.

чает С. В. Артёменко, «...приграничная специфика искусственно распространяется на весь приграничный регион, что связано с организацией системы управления, иерархией системы расселения, экономической системы, необходимостью обеспечивать внутреннюю связанность этой территориальной социально-экономической системы»¹.

В то же время влияние государственной границы наиболее ощутимо на микро- и мезоуровнях приграничья. Об этом, в частности, говорят С. С. Артоболевский и Л. Б. Вардомский: «...к приграничным ареалам следует относить первый пояс муниципальных районов и городских округов, при наличии „выхода“ к сухопутной государственной границе и пограничной инфраструктуре. Отнесение к ним целых субъектов РФ нецелесообразно. В эту группу попадет практически половина российских регионов, самые острые проблемы большинства из которых никак не связаны с их приграничным положением»².

Сходной позиции придерживается А. Г. Гранберг, говоря о том, что «нецелесообразно разрабатывать какую-либо особую приграничную экономическую политику для обширных территорий и устанавливать для них какой-то особый приграничный статус»³. А. Н. Новиков пишет: «Проблемы регулирования развития приграничья в основном должны решаться на более низких уровнях – муниципальных районах с непременным участием властей приграничных субъектов Федерации»⁴.

Выражая собственную точку зрения, автор считает, что влияние государственной границы и соседней страны наиболее ощутимо на территориях, относящихся к мезо- и микроуровням, поэтому объектом специальной региональной

¹ Артёменко С. В. Граница и приграничность как характеристики региона // Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. 2009. № 4. С. 183.

² Артоболевский С. С., Вардомский Л. Б. Приграничные ареалы и региональная политика в Российской Федерации // Проблемы общественной географии : сб. науч. тр. / под общ. ред. П. Г. Подглушного. Киев : Ин-т географии НАН Украины, 2010. Вып. 5. С. 14–26.

³ Региональное развитие России и опыт Европейского союза : монография / А. Г. Гранберг, И. М. Бусыгина, В. Г. Введенский и др. М. : Экономика, 2000. С. 66.

⁴ Новиков А. Н. Диалектическая сущность приграничного геополитического положения регионов // Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран (проблемы и предпосылки устойчивого развития) : монография / отв. ред. П. Я. Бакланов, А. К. Тулохонов. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2010. С. 22–28.

политики должны стать муниципальные образования приграничного региона, административные границы которых совпадают с государственной границей.

Учитывая сказанное, при выделении приграничных территорий и определении их границ считаем необходимым использование таких критериев, как принадлежность территории к административному региону – субъекту РФ, часть внешних границ которого совпадает с государственной границей; совпадение административных границ территориального образования с государственной границей; наличие свойств реального и потенциального взаимодействия и взаимовлияния соседней страны.

На основе выделенных критериев в рамках данной диссертационной работы под приграничными территориями мы будем понимать территории муниципальных образований приграничных субъектов Российской Федерации, административные границы которых совпадают с государственной границей, испытывающие на себе ее наибольшее влияние, в пределах которых наблюдаются свойства реального или потенциального взаимодействия и взаимовлияния с территориями соседней страны.

В исследованиях по региональной экономике особое место занимают работы, посвященные анализу факторов регионального развития. Для приграничных территорий, наряду с традиционными факторами, особое значение имеет фактор приграничного положения, в котором, по мнению автора, заложен мощный потенциал приграничного взаимодействия, способный при целенаправленной региональной политике обеспечить устойчивое развитие.

С учетом сказанного возникает необходимость проведения анализа приграничного положения как фактора развития в контексте теорий региональной экономики.

1.2 Концептуальные аспекты анализа приграничного положения в контексте теорий региональной экономики

История исследования влияния приграничного положения на развитие территорий, прилегающих к государственной границе и зарубежной стране, и их выделение в качестве самостоятельного объекта изучения насчитывает чуть менее ста лет. Значимость влияния приграничного положения на развитие стран и районов подтверждается в трудах зарубежных и отечественных экономгеографов¹.

В рамках данного исследования значительный интерес для автора представляют теории и модели регионального развития, среди которых:

– классические теории размещения производства², рассматривающие специфику развития приграничных территорий через призму влияния границы на выбор фирмами своего расположения;

– теории международной и межрегиональной торговли, в которых рассматриваются пространственные эффекты экономической интеграции³;

– теория «центр – периферия» Дж. Фридмана, позволяющая рассмотреть приграничные территории через призму взаимоотношений регионального центра и периферии¹;

¹ См. подробнее: Ратцель Ф. Политическая география (в изложении Л. Синицкого) // Геополитика : хрестоматия / сост. Б. А. Исаев. СПб., 2007. С. 15–36; Fujita M., Krugman P. R., Venables A. J. *The Spatial Economy: cities, regions, and international trade*. Cambridge : MIT Press, 1999. 367 p.; Баранский Н. Н. Становление советской экономической географии: избр. тр. М. : Мысль, 1980. С. 128–129; Маергойз И. М. Уникальность экономико-географического положения советского Дальнего Востока и некоторые проблемы его использования в перспективе // Вестник Московского университета. 1974. № 4. С. 3–8.

² Christaller W. *Central Places in Southern Germany* / translated by C. W. Baskin. N. Y. : Prentice Hall, 1933. 230 p.; Лёш А. Пространственная организация хозяйства / под ред. А. Г. Гранбергa. М. : Наука, 2007. 663 с.; Lösch A. *The Economic of Location*. New Haven : Yale University Press, 1954. 558 p.; Giersch H. Economic Union between nations and the location of industries // *Review of Economic Studies*. 1949–1950. Vol. 17(43). P. 87–97; Hoover E. M. *The Location of Economic Activity*. N. Y. : McGraw Hill, 1948. 310 p.

³ Ohlin B. *Interregional and International Trade*. Revised Edition. Cambridge : Harvard University Press, 1967. 324 p.; Rauch J. E. Increasing returns to scale and the pattern of trade // *Journal of International Economics*. 1989. Vol. 26. P. 359–369; Rauch J. E. Comparative advantage, geographic advantage and the volume of trade // *The Economic Journal*. 1991. Vol. 101. P. 1230–1244.

– модели и концепции новой экономической географии, позволяющие исследователям оценить потенциальное воздействие международной экономической интеграции на перераспределение экономических агентов в пространстве².

Специфика развития территорий в условиях приграничного положения согласно названным теориям представлена в таблице 2.

Таблица 2 – Специфика развития территорий в условиях приграничного положения в теориях и концепциях региональной экономики

Теория	Специфика развития в условиях приграничного положения
Теория центральных мест В. Кристаллера	Экономическая уязвимость приграничных территорий обусловлена тем, что государственные границы искусственно рассекают пространственно взаимозависимые регионы. В случае, когда национальные границы начинают изменяться из-за войн, приграничные города могут потерять емкость своих рынков
Теория организации экономического пространства А. Лёша	Специфичность развития приграничных регионов связывается с тарифами, по сути являющимися торговыми барьерами, увеличивающими экономическое расстояние (дистанцию) между двумя странами и ограничивающими емкость локальных рынков. Приграничные территории рассматриваются как необитаемые, пустынные территории, куда товары поступают только по межрегиональному обмену
Теории размещения Х. Гирша, Э. Хувера	Пока границы препятствуют физическому потоку товаров, приграничные регионы находятся в невыгодном положении и становятся привлекательными для размещения фирмами своих производств только после открытия границ, так как снижаются затраты выхода на внешние рынки
Теории международной торговли (Б. Олин, Дж. Рауч)	В силу близости к зарубежным рынкам приграничные районы имеют географическое преимущество в привлечении фирм-экспортеров. Приграничные регионы с относительно низкими издержками доступа на зарубежные рынки являются естественными производственными площадками
Теория «центр – периферия» Дж. Фридмана	Государственная граница оказывает влияние на приграничные территории через призму взаимоотношений регионального центра и периферии, через взаимоотношения с приграничными районами данной страны и соседней страны

¹ Перру Ф. Экономическое пространство: теория и приложения // Пространственная экономика. 2007. № 2. С. 77–93; Friedmann J. Regional Development Policy. Boston : MIT Press, 1966. 317 p.

² Hanson G. H. Regional adjustment to trade liberalization // Regional Science and Urban Economics. 1998. Vol. 28/ P. 419–444; Krugman P., Elizondo P. L. Trade policy and the third world metropolis // Journal of Development Economics. 1996. Vol. 49. P. 137–150; Fujita M., Mori T. The role of ports in the making of major cities: self-agglomeration and hub-effect // Journal of Development Economics. 1996. Vol. 49. P. 93–120; Krugman P. On the relationship between trade theory and location theory // Review of International Economics. 1993. Vol. 1, no. 2. P. 110–122; Venables A. J. Equilibrium locations of vertically linked industries // International Economic Review. 1996. Vol. 37, no. 2. P. 341–359.

Продолжение таблицы 2

Теория	Специфика развития в условиях приграничного положения
Модели и концепции новой экономической географии	В случае участия страны в международных интеграционных процессах приграничные территории могут получить агломерационные эффекты, что связано с пространственным перемещением фирм к внешним границам с целью получения экономии на масштабе. В условиях усиливающейся интеграции приграничные регионы претендуют на роль центральных, имеющих преимущества перед внутренними, так как на объединенном рынке интеграция заменяет их периферийное положение на центральное в масштабе страны
Примечание. Составлено по: Niebuhr A., Stiller S. Integration effect in border region – a survey of economic theory and empirical studies: HWWA Discussion paper. Hamburg Institute of International Economics, 2002. URL : https://core.ac.uk/download/pdf/7010873.pdf ; Лёш А. Пространственная организация хозяйства / под ред. А. Г. Гранберга. М. : Наука, 2007. С. 266–267; Рыжова Н. П. Экономическая интеграция приграничных регионов : монография. Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2013. С. 21–31.	

Одними из первых ученых, которые обратились к проблеме влияния приграничного положения, в частности таможенных сборов, связанных с пересечением государственной границы, на размещение населенных пунктов и производства, были В. Кристаллер и А. Лёш. В трудах классиков региональной экономики приграничные территории являются неблагоприятным пространством с точки зрения экономики, так как его функционирование нарушено рассеченностью. В то же время приграничные территории, по их мнению, обладают дополнительными возможностями, определяемыми их положением вблизи государственных границ.

Учитывая стабильность границ, В. Кристаллер выделял два типа приграничных городов: «города вблизи „находящихся под ударом“ границ, которые имеют внутренний, ограниченный рынок; города, расположенные вблизи стабильных границ, имеющие более широкий рынок, так как есть возможность поставлять произведенную продукцию для внешней торговли»¹. Кроме этого, такие города «способны успешно развивать те виды экономической деятельности, которые связаны с существованием границы, в том числе торговлю, хранение товаров и взимание таможенных пошлин»².

¹ Рыжова Н. П. Пространственные эффекты международной экономической интеграции (случай российских регионов) // Пространственная экономика. 2012. № 4. С. 28–48.

² Christaller W. Central Places in Southern Germany / translated by C. W. Baskin. N. Y. : Prentice Hall, 1933. 230 p.

По мнению А. Лёша, политические и экономические границы «нарушают правильную форму ячеек сети, которые заменяются относительно нерентабельными типами зон»¹. Государственные границы он рассматривал как искусственные препятствия для торговли: «...пошлины напоминают реки, которые разделяют свои берега в экономическом отношении больше, чем на свою фактическую ширину»².

«В случае, когда барьерная функция превалирует над контактной, граница разделяет региональные рынки, способствуя искажению рыночных сетей, что в свою очередь снижает рыночный потенциал фирм. Поэтому фирмы не только уходят с таких рынков, но и предпочитают не размещать производства на „искаженных“ границами рынках. Как следствие, приграничные территории характеризуются низкой экономической активностью, где располагаются фирмы, обслуживающие узкие локальные рынки»³. Приграничные регионы А. Лёш ассоциировал с «необитаемыми, пустынными территориями, куда товары могут поступать только по межрегиональному обмену»⁴. Но и такие регионы могут извлечь выгоду из своего приграничного положения в случае, если будут созданы более привлекательные условия для фирм (уровень налогообложения и система оплаты труда).

Следует отметить, что вопросы влияния границы на территориальное размещение фирм не были центральной проблемой в исследованиях В. Кристаллера и А. Лёша. В отличие от них, Х. Гирш сфокусировал свое внимание именно на границах⁵. Он подчеркивал важность того, что «чем больше рыночное пространство внутри страны (емкость рынка, на которую могут претендовать фирмы), тем меньше предпринимателей хотят разместиться именно около границы. Иначе говоря, он утверждал, что чем ниже транспортные издержки и чем больше внутренний рынок страны, тем он привлекательней для фирм, которые в противном слу-

¹ Лёш А. Пространственная организация хозяйства / под ред. А. Г. Гранберга. М. : Наука, 2007. С. 266.

² Там же. С. 267.

³ Рыжова Н. П. Пространственные эффекты международной экономической интеграции (случай российских регионов) // Пространственная экономика. 2012. № 4. С. 28–48.

⁴ Lösch A. The Economic of Location. New Haven : Yale University Press, 1954. P. 196–208. Цит. по: Рыжова Н. П. Пространственные эффекты международной экономической интеграции (случай российских регионов) // Пространственная экономика. 2012. № 4. С. 28–48.

⁵ Giersch H. Economic Union between nations and the location of industries // Review of Economic Studies. 1949–1950. Vol. 17(43). P. 87–97.

чае могли бы принять решение о размещении у границы. В своей модели местоположения Х. Гирш в конце 1940-х – начале 1950-х годов исследовал пространственное влияние экономического союза в европейских странах и предсказал благоприятное развитие приграничных территорий»¹.

По мнению Э. Хувера, «границы препятствуют миграции рабочей силы, капитала и предприятий так же, как они препятствуют торговле»². Э. Хувер резюмирует значение границ в традиционной теории местоположения, указывая, что тарифы и другие ограничения международной торговли увеличивают транспортные расходы, искажают рыночные площади и сети поставок и увеличивают издержки производителей, расположенных вблизи границ. Следовательно, «производители, по всей вероятности, будут избегать территории вблизи торгового барьера, который ограничит их рынок или зону поставок...». Поэтому фирмы при размещении производства ориентируются на внутреннюю часть территории, огороженной границами. Однако автор отмечает, что снижение барьеров в международной торговле может кардинально изменить экономическое положение приграничных регионов. Открытие границы повышает доступную рыночную площадь приграничного региона, что может способствовать переориентации размещения фирм вблизи границы. Новые продукты, для которых национальный рынок был слишком мал, можно выгодно поставлять в интегрированную рыночную зону, если фирма расположена недалеко от ее центра. Таким образом, приграничные регионы на стыке внутреннего и внешнего рынков могут привлекать фирмы в процессе интеграции³.

Таким образом, согласно классическим теориям размещения, в абсолютно закрытой экономике влияние приграничного положения на территории, расположенные вблизи государственных границ, отрицательное, а сами территории развиты слабо. Но при отсутствии барьеров такие территории могут иметь преимущества перед внутренними регионами, определяемые близостью к иностранным рынкам.

¹ Рыжова Н. П. Экономическая интеграция приграничных регионов : монография. Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2013. С. 22.

² Hoover E. M. *The Location of Economic Activity*. N. Y. : McGraw Hill, 1948. 310 p.

³ Niebuhr A., Stiller S. *Integration effect in border region – a survey of economic theory and empirical studies*: HWWA Discussion paper. Hamburg Institute of International Economics, 2002. URL : <https://core.ac.uk/download/pdf/7010873.pdf>.

В рамках теорий международной торговли, являющихся составной частью теории международной экономической интеграции, были рассмотрены эффекты, которые получают от торговли различные страны. Однако, как справедливо отмечает Н. П. Рыжова, «анализируя эффекты, которые дает торговля разным странам, теория не обращала внимания на пространственную дифференциацию внутри стран»¹.

Б. Олин одним из первых попытался преодолеть «непространственность» торговых моделей на базе интеграции теории местоположения и международной торговли. Он пришел к выводу, что в целом существенные результаты по международной торговле можно применить и к межрегиональным торговым отношениям².

Также следует отметить модель Дж. Рауча, «сочетающую в себе элементы городской экономики и теории торговли, которая строится на предположениях о том, что межрегиональные и межстрановые транспортные расходы определяют объемы межрегиональной и международной торговли. Портовые города являются экономически привлекательными, так как они имеют низкую стоимость доступа на зарубежные рынки»³. При условии равновесия численности населения ставка заработной платы и ставка аренды жилья в городах должны сокращаться пропорционально отдалению от прибрежного порта. Следует отметить, что торговля осуществляется не только через морские порты, товары перевозятся и через сухопутные границы. Таким образом, приграничные районы также могут иметь географическое преимущество в привлечении фирм-экспортеров из-за их близости к зарубежным рынкам. На основании этой модели можно утверждать, что приграничные регионы с относительно низкими издержками доступа на зарубежные рынки являются естественными производственными площадками⁴.

¹ Рыжова Н. П. Экономическая интеграция приграничных регионов : монография. Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2013. С. 22.

² Ohlin B. *Interregional and International Trade*. Revised Edition. Cambridge : Harvard University Press, 1967. 324 p.

³ Rauch J. E. Increasing returns to scale and the pattern of trade // *Journal of International Economics*. 1989. Vol. 26. P. 359–369. Цит. по: Рыжова Н. П. Пространственные эффекты международной экономической интеграции (случай российских регионов) // *Пространственная экономика*. 2012. № 4. С. 28–48.

⁴ Рыжова Н. П. Экономическая интеграция приграничных регионов : монография. Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2013. С. 29.

Применительно к проблемам приграничья наибольшего внимания заслуживают теория полюсов роста Ф. Перру¹, теория «центр – периферия» Дж. Фридмана², которые заложили методологическую базу диагностики региональных систем и оказали значительное влияние на направления современных региональных исследований. Периферийность как свойство многих приграничных территорий обусловила широкие возможности их рассмотрения через призму взаимоотношений регионального центра и периферии.

Существенное расширение эвристических возможностей этого подхода при анализе особенностей регионального развития связано с использованием теоретического потенциала новой экономической географии (НЭГ), модели П. Кругмана «ядро – периферия»³.

Как отмечает А. Н. Пилясов, «заслугой П. Кругмана стало то, что он увязал процесс агломерирования с глобализацией и развитием международной торговли. Под влиянием экономической интеграции, которая усиливается в последние десятилетия в результате снижения торговых барьеров и транспортных издержек, происходят сдвиги в размещении производительных сил»⁴.

В соответствии с положениями НЭГ появление центра есть результат взаимодействия центростремительных и центробежных сил⁵. В моделях НЭГ было доказано, что в условиях закрытой экономики наиболее сильно проявляются центростремительные силы. Ослабевание центростремительных сил происходит в условиях открытой экономики, когда ряд факторов производства могут быть импортированы в страну, а произведенная продукция получает сбыт по экспорту. Таким

¹ Перру Ф. Экономическое пространство: теория и приложения // *Пространственная экономика*. 2007. № 2. С. 77–93.

² Friedmann J. *Regional Development Policy*. Boston : MIT Press, 1966. 317 p.

³ Krugman P. Increasing returns and economic geography // *Journal of Political Economy*. 1991. Vol. 99, no. 3. P. 483–499.

⁴ Пилясов А. Н. Новая экономическая география: предпосылки, идейные основы и применимость моделей // *Известия Российской академии наук. Сер. геогр.* 2011. № 4. С. 7–17.

⁵ Центростремительные силы подталкивают производство к сосредоточению в пространстве, центробежные – связаны с неподвижностью тех или иных факторов производства (плата за городские земли, издержки ежедневных миграций от места жительства к месту работы и обратно, рассредоточенно расположенные ресурсы).

образом, формированию крупных центральных метрополий способствуют закрытые рынки, а также высокий уровень торгового протекционизма¹.

В своей монографии Н. П. Рыжова отмечает: «Исследователи обратили внимание на то, что приграничные регионы могут ожидать получения агломерационных эффектов благодаря участию страны в международных интеграционных процессах. Агломерационные эффекты возникают, так как фирмы, ориентированные на получение экономии на масштабе, получают стимулы для пространственного перемещения ближе к внешним рынкам, т. е. к периферийным регионам. Агломерационные эффекты могут проявляться в изменении специализации периферийных регионов (количества и качества размещенных на территории этих регионов фирм), в количестве проживающего населения, а также в его благосостоянии»².

Как справедливо отмечает Н. П. Рыжова, «...представления классической экономической географии о периферийных регионах ограничивались тем, что эти регионы могут „догнать“ внутренние, если границы будут выполнять контактную функцию. Напротив, подходы НЭГ позволяют предположить, что приграничные регионы могут стать центральными, т. е. регионами, имеющими преимущества даже перед внутренними регионами, поскольку интеграция заменяет периферийность их позиции в национальном масштабе на центральную позицию на объединенном рынке»³.

Намного раньше на важность социалистических интеграционных процессов на развитие приграничных территорий указывали отечественные исследователи в рамках учения об экономико-географическом положении⁴. Об этом, в частности, говорит И. М. Маергойз: «Интеграция стимулирует развитие приграничных терри-

¹ Krugman P., Elizondo R. Trade policy and the third world metropolis // Journal of Development Economics. 1996. Vol. 49. P. 137–150.

² Рыжова Н. П. Экономическая интеграция приграничных регионов : монография. Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2013. С. 30.

³ Там же. С. 31.

⁴ Машбиц Я. Г. Географическое положение // Комплексное страноведение. Смоленск : Изд-во Смол. гуманитар. ун-та, 1998. С. 101–112; Становление советской экономической географии: избр. тр. / Н. Н. Баранский. М. : Мысль, 1980. 287 с.; Маергойз И. М. Уникальность экономико-географического положения советского Дальнего Востока и некоторые проблемы его использования в перспективе // Вестник Московского университета. 1974. № 4. С. 3–8.

торий. Периферийное пограничное положение района открывает возможность для превращения его в зону контакта с соседними странами. Объективная основа превращения пограничных территорий в такие зоны заключается в том, что здесь сочетаются выгоды соседства стран в целом со специфическими выгодами пограничного характера (значительно облегчается охват сферой международного разделения труда не только отдельных отраслей, но и „пронизывание“ им взаимосвязанных производств или целых территориально-производственных комплексов; совместное использование ресурсов местного порядка)»¹.

Важным свидетельством адекватности выводов моделей НЭГ, заключающихся в том, что приграничное положение может стать фактором, обеспечивающим значительные преимущества приграничных территорий, является практика европейских стран. Приграничность до начала интеграционных процессов в Европе рассматривалась исключительно как сдерживающий фактор. Однако с развитием интеграционных процессов, как справедливо отмечает С. В. Артёменко, «приграничные регионы стали потенциально равноценными с центральными, приморскими, ресурсными и даже приобрели некоторые преимущества в сравнении с ними»².

Вопросы влияния приграничного положения на развитие приграничных территорий не теряют своей актуальности. Объектами исследования при этом выступают приграничные территории на макро-, мезо- и микроуровнях приграничья.

В целом обзор отечественных публикаций позволил автору выделить две группы исследований по характеру влияния приграничного положения на развитие территорий.

1. Исследования, раскрывающие конструктивный характер влияния приграничного положения на развитие территорий (П. Я. Бакланов, А. П. Латкин,

¹ Маергойз И. М. Методика мелкомасштабных экономико-географических исследований. М. : Изд-во МГУ, 1981. С. 27, 38.

² Артёменко С. В. Граница и приграничность как характеристики региона // Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. 2009. № 4. С. 183.

В. И. Суржиков¹, Н. П. Рыжова², Л. Л. Божко³, С. С. Артоболевский, Л. Б. Вардомский⁴, Ю. В. Савельев⁵, С. Н. Грибова⁶, И. П. Черная⁷, З. И. Калугина, О. П. Фадеева⁸, В. Н. Дьяченко⁹, М. И. Костюченко¹⁰, С. В. Панкова, В. В. Попов¹¹, А. П. Катровский¹², Г. З. Озем¹³, М. В. Бильчак¹⁴, В. А. Колосов, М. Д. Горячко¹⁵).

Так, Л. Л. Божко отмечает, что «непосредственная близость границы определяет новые условия развития приграничных территорий: влияние фактора государственной границы проявляется в наличии составляющих, обеспечивающих

¹ Приграничное сотрудничество российского Дальнего Востока с Китайской Народной Республикой: маркетинговый анализ и проблемы развития : монография / А. П. Латкин, П. Я. Бакланов, В. И. Суржиков и др. ; под общ. ред. А. П. Латкина. Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2017. 138 с.

² Рыжова Н. П. Развитие окраинных регионов КНР: роль «приграничного пояса открытости» // *Пространственная экономика*. 2008. № 4. С. 36–59.

³ Божко Л. Л. Теоретико-методологические основы исследования процессов экономического развития приграничных территорий : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05. Екатеринбург, 2011. С. 80.

⁴ Артоболевский С. С., Вардомский Л. Б. Приграничные ареалы и региональная политика в Российской Федерации // *Проблемы общественной географии* : сб. науч. тр. / под общ. ред. П. Г. Подглушного. Киев : Ин-т географии НАН Украины, 2010. Вып. 5. С. 14–26.

⁵ Особенности социально-экономического развития и модернизации приграничного региона / под общ. ред. Ю. В. Савельева, О. В. Толстогузова. Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2014. С. 139.

⁶ Грибова С. Н. Развитие приграничных регионов: методология и практика : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05. Улан-Удэ, 2011. 404 с.

⁷ Черная И. П. Приграничное сотрудничество как конкурентный ресурс регионов ДВФО // *Региональная экономика: теория и практика*. 2007. № 7. С. 25.

⁸ Калугина З. И., Фадеева О. П. Восточное приграничье России: альтернативы сельского развития // *Восток России: проблемы освоения – преодоления пространства* : сб. науч. тр. Новосибирск : Ин-т экономики и орг. пром. пр-ва СО РАН, 2017. С. 220–232.

⁹ Дьяченко В. Н. Особенности программирования развития российско-китайского приграничья // *Экономика и предпринимательство*. 2016. № 3-1(68). С. 262–265.

¹⁰ Костюченко М. И. Приграничное положение как фактор регионального развития Смоленской области : дис. ... канд. геогр. наук : 25.00.24. М., 2003. 177 с.

¹¹ Панкова С. В., Попов В. В. О формировании особых экономических зон на территориях муниципальных образований // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2015. № 7 (292). С. 16–24.

¹² Катровский А. П. Смоленское приграничье: от депрессии и стагнации к устойчивому развитию? // *Региональные исследования*. 2010. № 4. С. 70–75.

¹³ Озем Г. З. Приграничное положение как фактор социально-экономического развития сельской местности // *Региональные исследования*. 2004. № 1(3). С. 48–54.

¹⁴ Бильчак М. В. Интеграция в приграничном регионе : монография. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. 185 с.

¹⁵ Горячко М. Д., Колосов В. А. Потенциал приграничного взаимодействия и развитие регионов на юге Дальнего Востока и Сибири // *Российское пограничье: социально-политические и инфраструктурные проблемы* : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 11 февраля 2016 г.) / под ред. В. А. Колосова, А. Б. Володина. М. : ИП Матушкина И. И., 2016. С. 55–72.

устойчивое конкурентное преимущество приграничной территории и создающих благоприятные условия для дальнейшего развития»¹.

Ю. В. Савельев пишет, что «на экономику приграничных регионов оказывает влияние фактор приграничности, который при современных вызовах становится возможностью для международных интеграционных процессов в развитии регионов, а при определенных условиях становится конкурентным преимуществом перед другими регионами РФ»².

С. Н. Грибова отмечает, что «для приграничного региона преимущественные возможности связаны с его близостью к сопредельным странам и связанностью с экономикой соседних районов этих стран. Географическая близость с другими странами дает выгоды по перевозке грузов и пассажиров для местных нужд, предполагает возможности в оказании транспортного транзита, использования ресурсов соседних стран по взаимовыгодной торговле, инвестиционному, научно-техническому сотрудничеству, возможности отдыха и туризма, успешное приграничное сотрудничество предполагает развитие приграничной инфраструктуры»³.

Ряд исследователей отмечают благоприятное влияние приграничного положения на развитие территорий, но при этом, указывая на необходимость проведения специальной региональной политики, И. П. Черная пишет: «В решении проблем дальневосточных приграничных регионов на пути к переходу к устойчивому развитию особую роль может сыграть приграничное сотрудничество, но не как „подручное“ средство для „латания дыр“ местной экономики, а как стратегический конкурентный ресурс территории, развитие которого при эффективном управлении может стать основой для создания необходимых условий превращения конкурентных недостатков территории в ее сравнительные преимущества»⁴.

¹ Божко Л. Л. Теоретико-методологические основы исследования процессов экономического развития приграничных территорий : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05. Екатеринбург, 2011. С. 80.

² Особенности социально-экономического развития и модернизации приграничного региона / под общ. ред. Ю. В. Савельева, О. В. Толстогузова. Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2014. С. 139.

³ Грибова С. Н. Грибова, С. Н. Развитие приграничных регионов: методология и практика : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05. Улан-Удэ, 2011 С. 158.

⁴ Черная И. П. Приграничное сотрудничество как конкурентный ресурс регионов ДВФО // Региональная экономика: теория и практика. 2007. № 7. С. 25.

Как справедливо отмечают авторы коллективного доклада на заседании Объединенного научного совета по фундаментальным географическим проблемам РАН и Международной ассоциации академий наук, «приграничное сотрудничество между сопредельными государствами должно рассматриваться как форма региональной политики, направленной на социально-экономическое развитие каждой из сторон благодаря координации усилий и получению совместных выгод»¹.

2. Исследования, показывающие неоднозначное влияние приграничного положения на развитие территорий (Л. Б. Вардомский², А. Н. Новиков и М. С. Новикова³, И. П. Глазырина, А. А. Фалейчик и Л. М. Фалейчик⁴, Х. Б. Бадарчи и Д. Ф. Дабиев⁵, О. П. Фадеева⁶, В. С. Антонюк и Е. Л. Корниенко⁷ и др.).

Х. Б. Бадарчи и Д. Ф. Дабиев по результатам оценки влияния фактора приграничности, проведенного на макро- и мезоуровнях приграничья, сделали вывод о том, что «приграничное положение региона не дает однозначного преимущества в его развитии, скорее, наоборот, в современных условиях оно является определенным препятствием». Кроме того, как отмечают авторы, «потенциал пригра-

¹ Артоболевский С. С., Бабурин В. Л., Бакланов П. Я., Касимов Н. С., Колосов В. А., Котляков В. М., Люри Д. И., Тишков А. А. Стратегии пространственного развития в Российской Федерации: географические ресурсы и ограничения // Известия Российской академии наук. Сер. геогр. 2009. № 3. С. 15.

² Вардомский Л. Б. Новые приграничные регионы России в меняющемся постсоветском пространстве // Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации: монография / под ред. Л. Б. Вардомского, Л. И. Попковой, Ц. Мадры. Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2017. С. 209–221.

³ Новиков А. Н., Новикова М. С. Региональные особенности приграничного положения юго-восточного Забайкалья // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Естественные науки. 2008. Т. 150, № 3. С. 229–240.

⁴ Глазырина И. П., Фалейчик А. А., Фалейчик Л. М. Приграничное сотрудничество в свете инвестиционных процессов: пока минусов больше, чем плюсов // ЭКО. 2011. № 9. С. 50–70.

⁵ Бадарчи Х. Б., Дабиев Д. Ф. Типологический анализ приграничных регионов России по уровню социально-экономического развития (на примере Республики Тыва) // Проблемы прогнозирования. 2012. № 2. С. 89–101.

⁶ Фадеева О. П. Приграничные сельские территории Забайкалья: развитие или деградация? (Заметки социолога) // ЭКО. 2014. № 11(485). С. 36–54

⁷ Антонюк В. С., Корниенко Е. Л. Теоретические аспекты устойчивого социально-экономического развития приграничных территорий // Инновации и инвестиции. 2016. № 12. С. 181–183.

ничного положения многими регионами России не используется в достаточной мере»¹.

В. С. Антонюк и Е. Л. Корниенко отмечают, что приграничное положение открывает возможности приграничного сотрудничества, которое, в свою очередь, может иметь как положительные, так и отрицательные эффекты для социально-экономического развития приграничных территорий. Так, в качестве положительных эффектов авторы называют расширение занятости и повышение экономической активности населения, повышение инновационной активности, активизацию развития региональной экономики, повышение инвестиционной привлекательности территорий и др. Среди отрицательных эффектов выделены развитие теневой экономики, торговая экспансия, увеличение транспортной нагрузки, социально-экономическая несбалансированность в развитии. Поэтому управление развитием приграничных территорий по мнению авторов предполагает «усиление положительных и сглаживание отрицательных эффектов»².

Ряд авторов утверждает, что негативное влияние на социально-экономическое развитие оказывает не само приграничное положение, а отсутствие должной институциональной среды, позволяющей извлекать преимущества из приграничного положения.

В своей работе И. П. Глазырина, А. А. Фалейчик и Л. М. Фалейчик указывают, что «надежды на преодоление нынешнего кризиса часто связывают с подъемом мировой экономики, одним из „локомотивов“ которого называют Китай. В этой связи логично предположить, что граничащие с КНР российские регионы в этом контексте получают дополнительный шанс, поскольку имеют очевидные преимущества для экономического сотрудничества. Однако тщательный анализ процессов, происходящих в относительно благополучный докризисный период, показывает, что при существующих институтах приграничное положение являет-

¹ Бадарчи Х. Б., Дабиев Д. Ф. Типологический анализ приграничных регионов России по уровню социально-экономического развития (на примере Республики Тыва) // Проблемы прогнозирования. 2012. № 2. С. 92.

² Антонюк В. С., Корниенко Е. Л. Теоретические аспекты устойчивого социально-экономического развития приграничных территорий // Инновации и инвестиции. 2016. № 12. С. 183.

ся и серьезным фактором риска: используемый формат сотрудничества одновременно служит тормозом развития регионов и лишь углубляет отставание от приграничных регионов Китая»¹.

Хотя исследователи расходятся во мнениях по вопросу влияния приграничного положения на территориальное развитие, они солидарны в том, что положение вблизи государственной границы дает территориям *специфический потенциал*.

В частности, о дополнительном потенциале развития и международного сотрудничества приграничных территорий говорят П. Я. Бакланов и С. С. Ганзей, называя его «специфическим потенциалом приграничья»².

И. И. Драгилева упоминает о контактном потенциале, использование которого «может и должно стать базой для вывода приграничных регионов России из нынешнего депрессивного состояния»³.

Г. А. Хмелева и С. К. Умербаева определяют экономический потенциал приграничного расположения как «совокупность факторов и условий, определяющих способность региона к осуществлению приграничного сотрудничества для социально-экономического развития»⁴.

Как справедливо отмечает В. Н. Дьяченко, «наиболее значимым свойством приграничного положения является потенциал взаимодействия соседних государств, определяемый непосредственным прилеганием к государственной границе, от состояния которой... зависит обладание территорией дополнительным

¹ Глазырина И. П., Фалейчик А. А., Фалейчик Л. М. Приграничное сотрудничество в свете инвестиционных процессов: пока минусов больше, чем плюсов // ЭКО. 2011. № 9. С. 52.

² Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран (проблемы и предпосылки устойчивого развития): монография / отв. ред. П. Я. Бакланов, А. К. Тулохонов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. С. 14.

³ Драгилева И. И. Трансграничная кооперация в Балтийском регионе // Балтийский регион как полюс экономической интеграции Северо-Запада Российской Федерации и Европейского союза: монография / под ред. В. П. Гутника, А. П. Клемешева. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. С. 77.

⁴ Хмелева Г. А., Умербаева С. К. Экономический потенциал приграничного расположения как фактор повышения уровня социально-экономического развития региона // Вестник Самарского государственного университета. Сер.: Экономика и управление. 2015. № 9/1(131). С. 48–54.

потенциалом или существенными ограничениями в социально-экономическом развитии»¹.

Несмотря на значительное количество работ, посвященных проблемам влияния приграничного положения на региональное развитие, понятие «*потенциал приграничного положения территории*» еще не получило четкой однозначной трактовки.

Для того чтобы раскрыть сущностно-содержательную характеристику данного понятия, считаем необходимым рассмотреть существующие подходы к содержательной характеристике категории «потенциал». В самом общем виде потенциал трактуется как «средства, запасы, источники, имеющиеся в наличии и могущие быть мобилизованы, приведены в действие, использованы для достижения определенной цели, осуществления плана, решения какой-либо задачи; возможности отдельного лица, общества, государства в определенной области»². Такая широкая трактовка категории «потенциал» позволяет применить его к различным отраслям науки, разным видам ресурсов и запасов.

В настоящее время категорию «потенциал» в экономических исследованиях применительно к различным объектам исследования принято раскрывать через: совокупность ресурсов (ресурсный подход), совокупность возможностей (результативный подход), совокупность «способностей» (целевой или стратегический подход).

Стоит отметить, что данные подходы не противоречат друг другу, а только дополняют. Поэтому считаем, что содержательная характеристика понятия «потенциал приграничного положения территории» должна основываться на единстве названных подходов (рисунок 2).

¹ Дьяченко В. Н. Использование приграничного положения в развитии внешнеэкономических связей // Управление экономическими системами. 2014. № 9(69). Режим доступа: <http://uecs.ru/uecs69-692014/item/3039-2014-09-16-11-04-05>.

² Большая советская энциклопедия : в 30 т. / под ред. А. М. Прохорова. М. : Сов. энцикл., 1975. Т. 20. С. 428.

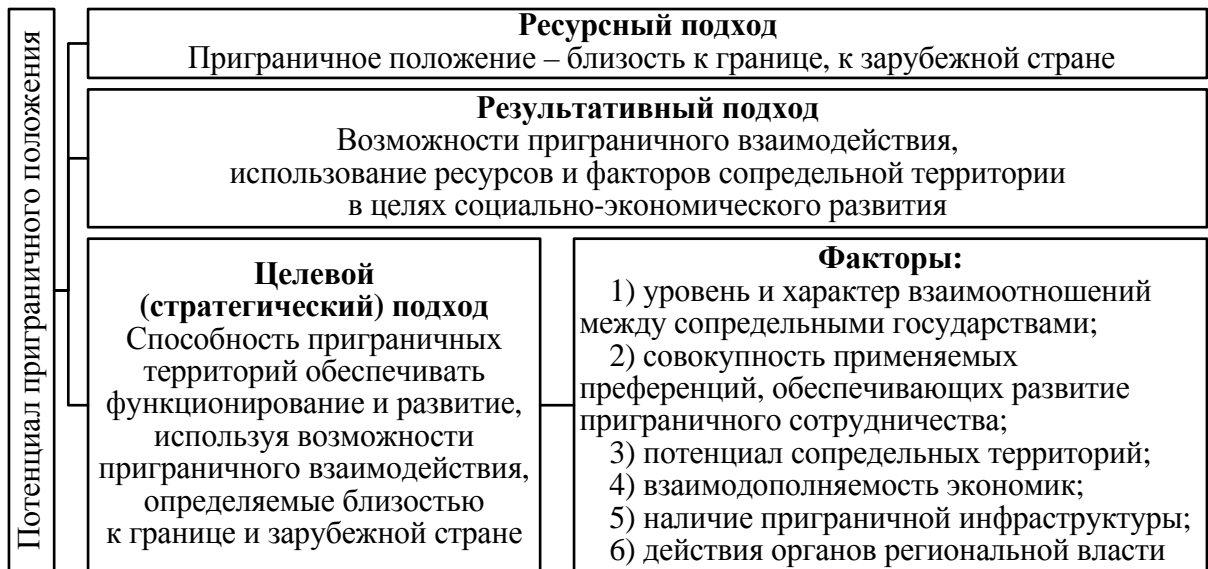

Рисунок 2 – Содержательная характеристика понятия «потенциал приграничного положения»

Когда мы говорим о потенциале приграничного положения территории, то, безусловно, отталкиваемся именно от положения по отношению к границе. Иначе говоря, речь идет о том, что ее отличает от других территориальных образований, являющихся внутристрановыми, удаленными от границы. С этой позиции потенциал приграничного положения территории выступает как конкурентный ресурс.

Рассматривая близость к границе в качестве ресурса, К. Зон выделяет ряд преимуществ приграничного положения¹. К таким преимуществам он относит позиционное преимущество, преимущество дифференциации, преимущество гибридизации, маркетинговое преимущество².

¹ Sohn C. The border as a resource in the global urban space: a contribution to the cross-border metropolis hypothesis // International Journal of Urban and Regional Research. 2013. No. 38(5). P. 1697–1711.

² Позиционное преимущество состоит в низких транспортных издержках и привилегированном выходе на рынок сопредельного государства. Преимущество дифференциации подразумевает возможность использования ценовых различий (на труд, землю, воду, недвижимость и пр.), различий в системах налогообложения и нормативно-правовой базе, регулирующей вопросы занятости и экологических стандартов. Преимущество гибридизации основано на трансформации приграничья в зону институциональных инноваций, экспериментального мышления и действия, противостоящего логике оптимизации и направленного на адаптацию к различиям сопредельных территорий. Маркетинговое преимущество означает возможность использования границы как символа мультикультурализма и глобализованности приграничных территорий для привлечения инвестиций и туристов, продвижения территорий интересов в центральном правительстве.

Как справедливо отмечает Е. В. Михайлова: «...как следует из краткого изложения преимуществ приграничного положения по К. Зону, использование границы в качестве ресурса требует от органов управления и жителей приграничной территории активной позиции. В противном случае ресурс остается незадействованным или недоиспользованным»¹.

Результативный подход предполагает рассмотрение понятия «потенциал приграничного положения» через совокупность возможностей приграничного взаимодействия. Как указывает В. Н. Дьяченко, «приграничное положение уже само по себе содержит возможность в более широком масштабе использовать потенциал, содержащийся в трансграничном сотрудничестве, являющемся мощным фактором развития региона»².

Автору близка точка зрения П. Я. Бакланова и С. С. Ганзея, раскрывающих составляющие специфического потенциала приграничья через ряд возможностей³ (рисунок 3).

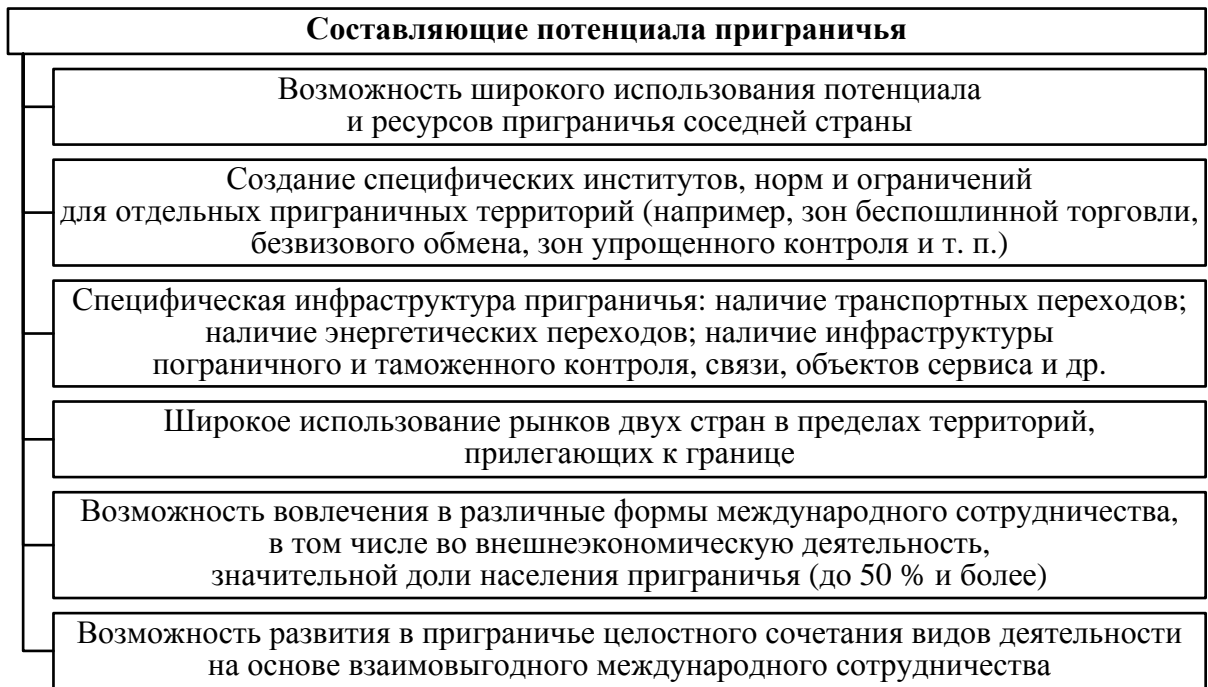
Кроме этого, авторы в качестве важного элемента потенциала приграничного положения выделяют инфраструктурную составляющую, которая может быть рассмотрена как связующая между ресурсной и результативной, и выражающая способности приграничных территорий использовать приграничное положение для осуществления приграничного взаимодействия.

В рамках данного исследования значительный интерес представляет целевой подход, с позиции которого потенциал приграничного положения рассматривается как способность приграничных территорий обеспечивать долговременное функционирование и достижение стратегических целей развития на основе использования возможностей приграничного взаимодействия, определяемых близостью к границе.

¹ Михайлова Е. В. Сотрудничество в трансграничных системах на примере городов-близнецов России и стран-соседей : дис. ... канд. геогр. наук : 25.00.24. М., 2018. С. 18

² Дьяченко В. Н. Использование приграничного положения в развитии внешнеэкономических связей // Управление экономическими системами. 2014. № 9(69). Режим доступа : <http://uecs.ru/uecs69-692014/item/3039-2014-09-16-11-04-05>.

³ Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран (проблемы и предпосылки устойчивого развития) : монография / отв. ред. П. Я. Бакланов, А. К. Тулохонов. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2010. С. 14; Бакланов П. Я. Структурные особенности и потенциал развития приграничных и трансграничных районов: теоретические аспекты // Региональные исследования. 2018. № 3(61). С. 19–24.

Примечание. Составлено автором по: Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран (проблемы и предпосылки устойчивого развития) : монография / отв. ред. П. Я. Бакланов, А. К. Тулохонов. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2010. С. 14.

Рисунок 3 – Составляющие потенциала приграничного положения

С учетом данных положений автор предлагает рассматривать потенциал приграничного положения территории как способность приграничных территорий обеспечивать долговременное функционирование и достижение стратегических целей развития и повышение качества жизни населения на основе использования возможностей приграничного взаимодействия, определяемых близостью к государственной границе и зарубежной стране.

Мы солидарны с мнением В. Н. Дьяченко, что «реализация имеющегося потенциала приграничного положения особенно важна для дальневосточных регионов, территориальная удаленность которых предопределяет ограниченность возможностей развития экономических связей с другими регионами страны»¹. В то же время их транспортно-географическое положение создает наиболее благоприят-

¹ Дьяченко В. Н. Использование приграничного положения в развитии внешнеэкономических связей // Управление экономическими системами. 2014. № 9(69). Режим доступа : <http://uecs.ru/uecs69-692014/item/3039-2014-09-16-11-04-05>.

ятные условия для развития внешнеэкономических связей со странами Тихоокеанского региона, среди которых наибольшие перспективы открываются для развития приграничного сотрудничества с Китаем.

К настоящему времени накоплен богатый опыт использования и развития приграничного потенциала на региональном, муниципальном и поселенческом уровнях. Достигнутые результаты, однако, далеко не в полной мере его исчерпывают и соответствуют сложившимся и перспективным потребностям. Несмотря на активную политику федеральных властей по интеграции Дальнего Востока в Азиатско-Тихоокеанский регион и расширение региональной самостоятельности в рамках политики «нового регионализма», зачастую развитие приграничных территорий традиционно рассматривается с геополитических позиций, а в таком ракурсе экономическая и социальная эффективность отходит на второй план.

Достижение устойчивого развития приграничных территорий за счет более эффективного использования преимуществ приграничного положения должно быть закреплено в качестве *стратегической цели*. А. А. Шишкин на основе проведенного исследования практики стратегического планирования в приграничных регионах делает вывод, что «использование фактора приграничного расположения недостаточно отображается в стратегиях регионов при формулировании целей и определении основных направлений развития. Выявлено, что российские регионы по большей части мало используют свое приграничное расположение»¹.

Оценивая уровень развития и использования потенциала приграничного положения как специфических возможностей, связанных с близостью к границе и зарубежной стране, следует иметь в виду, что он может быть значительно дифференцирован в силу действия факторов, не позволяющих использовать потенциал приграничного положения в целях развития приграничных территорий. Эти

¹ Шишкин А. А. Стратегическое планирование в приграничных регионах России // Экономика и управление. 2015. № 5(115). С. 28–33.

факторы приводят к кризису ряда приграничных территорий, тем самым блокируя их взаимодействие и совместное развитие¹.

Как справедливо отмечает В. Н. Дьяченко, среди таких факторов в первую очередь следует выделить *«уровень и характер взаимоотношений, складывающийся между сопредельными государствами, степень либерализации международных связей, совокупность применяемых преференций, обеспечивающих развитие приграничного сотрудничества. Другую группу факторов составляют потенциалы сопредельных регионов, включающие в себя, помимо выгод экономико-географического положения, природно-ресурсный, социально-экономический и демографический потенциалы территории. Существенное значение имеет и взаимодополняемость экономик, наличие в них таких различий, которые бы благоприятствовали обмену товарами и услугами»*².

Как справедливо отмечают С. С. Артоболевский и Л. Б. Вардомский, «основной проблемой следует считать *периферийность территорий* (и не только в чисто географическом пространстве, но и в других – экономическом, социальном, культурном...), ибо „борьба“ с ней весьма „трудоемка“ и не всегда реальна. Очевидно, что некоторые приграничные территории сохраняют свою периферийность в обозримом будущем»³.

Кроме этого, следует особо отметить важность осознания региональными органами власти необходимости выделения приграничных территорий в отдельный объект управления, требующий использования особых инструментов, несводимых к единым и определяемым спецификой разных участков приграничья.

Разнообразие выделенных факторов обуславливает уникальность каждого отдельно взятого участка приграничья, определяя особенности и предпосылки ус-

¹ Артоболевский С. С., Вардомский Л. Б. Приграничные ареалы и региональная политика в Российской Федерации // Проблемы общественной географии : сб. науч. тр. / под общ. ред. П. Г. Подглушного. Киев : Ин-т географии НАН Украины, 2010. Вып. 5. С. 14–26.

² Дьяченко В. Н. Использование приграничного положения в развитии внешнеэкономических связей // Управление экономическими системами. 2014. № 9(69). Режим доступа : <http://uecs.ru/uecs69-692014/item/3039-2014-09-16-11-04-05>.

³ Артоболевский С. С., Вардомский Л. Б. Приграничные ареалы и региональная политика в Российской Федерации // Проблемы общественной географии : сб. науч. тр. / под общ. ред. П. Г. Подглушного. Киев : Ин-т географии НАН Украины, 2010. Вып. 5. С. 14–26.

тойчивого развития муниципальных образований приграничных регионов, и требует дифференцированного подхода к управлению их устойчивым развитием.

1.3 Особенности устойчивого развития муниципальных образований приграничного региона

Прежде чем перейти к анализу особенностей устойчивого развития муниципальных образований приграничного региона, определимся с концептуальными установками теории устойчивого развития, возникшей в поисках ответа на глобальные вызовы современности.

Первоначально проблема устойчивого развития сводилась к эксплуатации человеком ресурсов окружающей среды. Однако постепенно проблемное поле политики устойчивого развития было расширено. Наряду с проблемами охраны окружающей среды и рационального использования ресурсов были выделены нищета, голод, проблема дискриминации различных категорий, обеспечение безопасности в мире и др. Так, на Всемирной конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. в качестве основополагающих принципов устойчивого развития были названы «экологическое равновесие, экономическая стабильность, социальное благополучие, международная солидарность»¹.

В принятом на Конференции плане действий по устойчивому развитию, получившем название «Повестка дня на XXI век», даны рекомендации странам принять национальную стратегию устойчивого развития. Эту стратегию рекомендовано строить на базе различных отраслевых видов политики, проводимых в стране (в области экономики, социальной сферы и окружающей среды), и тем самым гармонизировать их. Общей целью этих стратегий должно стать социально ответ-

¹ Программа действий. Встреча на высшем уровне «Планета Земля». «Повестка дня на XXI век» и другие документы конференции в Рио-де-Жанейро в популярном изложении / пер. : Е. Миридонов, И. Погуляев ; сост. М. Китинг. Женева : Центр «За наше общее будущее», 1993. 70 с.

ственное экономическое развитие при неременной защите ресурсной базы и окружающей среды с учетом интересов и благополучия будущих поколений.

С 1 января 2016 г. вступили в силу 17 целей устойчивого развития, изложенные в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.:

- «1) повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах;
- 2) ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства;
- 3) обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте;
- 4) обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех;
- 5) обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек;
- 6) обеспечение наличия и рационального использования водных ресурсов и санитарии для всех;
- 7) обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех;
- 8) содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех;
- 9) создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям;
- 10) сокращение неравенства внутри стран и между ними;
- 11) обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов;
- 12) обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства;
- 13) принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями;
- 14) сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития;

15) защита и восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное лесопользование, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель, прекращение процесса утраты биоразнообразия;

16) содействие построению миролюбивого и открытого общества... обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях;

17) укрепление средств осуществления и активизация работы в рамках глобального партнерства в интересах устойчивого развития»¹.

Осознание необходимости перехода к новой модели развития стимулировало рост числа научных публикаций по проблемам устойчивого развития. Несмотря на это, до сих пор не сложилось общепринятого определения понятия «устойчивое развитие», что связано с многообразием теоретических подходов не только к содержательной интерпретации данного понятия, но и к самой проблеме устойчивого развития и предлагаемым моделям ее реализации.

Необходимым условием перехода к устойчивому развитию является организация взаимодействия ее ресурсных подсистем – экологической, экономической и социальной. В настоящее время сложилось несколько групп исследований по направленности проблематики, в силу различных теоретических подходов, различающихся взглядами на значимость данных подсистем (приложение Б)²:

1) исследования с ярко выраженной экологической направленностью³. В их основе лежит общепризнанное определение устойчивого развития, под которым

¹ Повестка дня в области устойчивого развития. Режим доступа : <https://www.un.org/sustainable development/ru/about/development-agenda>.

² Мингалева Ж. А. Идеи устойчивого развития: «яблоко раздора» или платформа для объединения? // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. 2017. № 6. С. 23–41.

³ См., например: Смолькин В. П. Устойчивое экологическое развитие: основные подходы и понятия // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 5. С. 135–139; Абдурахманов Г. М., Гасанов Ш. Ш., Ахмедова Л. Ш., Раджабова Р. Т. Еще раз об устойчивом развитии с позиции экологических измерений // Юг России: экология, развитие. 2014. № 4. С. 7–16; Choi Y. Sustainable governance in Northeast Asia: challenges for the sustainable frontier // Sustainability. 2017. Vol. 9, no. 191. P. 1–7; Урсул А. Д. О разработке концепции устойчивого развития // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2014. № 6(138). С. 95–99.

понимают «развитие, при котором удовлетворение потребностей настоящего времени не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности»¹;

2) исследования, подчеркивающие необходимость использования сбалансированного подхода, в основе которого лежит экономико-экологическая устойчивость², а устойчивое развитие трактуется как «развитие, при котором воздействия на окружающую среду остаются в пределах хозяйственной емкости биосферы, так что не разрушается природная основа для воспроизводства жизни человека»³;

3) исследования социально-экономической направленности⁴. В основе исследований данной группы лежит определение, предложенное в докладе «О развитии человеческого потенциала», где устойчивое развитие характеризуется как «развитие не только порождающее экономический рост, но справедливо распределяющее его результаты, восстанавливающее окружающую среду в большей мере, чем разрушающее ее, увеличивающее возможности людей, а не объединяющее их. Это развитие, которое отдает приоритет бедным, расширению их возможностей и обеспечению участия их в принятии решений, затрагивающих их жизнь. Это развитие, в центре которого человек, ориентированное на сохранение природы,

¹ Наше общее будущее: доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) : пер. с англ. / под ред. С. А. Евтеева, Р. А. Перелета. М. : Прогресс, 1989. С. 69.

² См., например: Данилов-Данильян В. И. Устойчивое развитие – будущее Российской Федерации // Россия на пути к устойчивому развитию. М. : РЭФИА, 1996. С. 5; Akgün A. A., Baycan T., Nijkamp P. Rethinking on sustainable rural development // European Planning Studies. 2014. No. 23(4). P. 1–15; Хаматханов Т. М. Оценка эколого-экономической устойчивости Республики Ингушетия на основе применения показателя истинных сбережений // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 29. С. 69–77; Небылова Я. Г. Экологический аспект устойчивого социально-экономического развития региона (на примере Краснодарского края) // Проблемы современной экономики. 2014. № 17. С. 65–72; Бирмамитова А. А., Губачиков Б. А., Дикинов А. Х. Экологически устойчивое развитие экономики: предметно-сущностное содержание, эволюция критериев, направления исследований // Вестник экспертного совета. 2017. № 1(8). С. 92–99.

³ Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С. Экологический вызов и устойчивое развитие. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 416 с.

⁴ См., например: Киселева Н. Н. Устойчивое развитие социально-экономической системы региона: методология, исследования, модели, управление. Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2008. 288 с.; Лоскутова М. В., Кулаев Р. В. Устойчивое развитие: социально-экономический аспект // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2006. № 3-2(43). С. 104–108; Грибова Е. В. Качество жизни населения как аспект устойчивого социально-экономического развития общества // Актуальные вопросы экономических наук. 2014. № 37. С. 157–161.

направленное на обеспечение занятости, предполагающее реализацию прав женщин»¹.

Оценивая место каждой из составляющей устойчивого развития, мы выражаем согласие с авторами В. Н. Дьяченко и Е. А. Бурлаевым в том, что «особое значение среди них имеет социальная устойчивость. Это определяется, прежде всего, тем, что целевым ориентиром устойчивого развития является качество жизни населения, его экономическое и экологическое благополучие. В то же время именно население является одновременно производителем материальных ценностей и источником прямого или косвенного воздействия на окружающую среду, выполняя тем самым системообразующую функцию, вокруг которой должны выстраиваться приоритеты обеспечения устойчивости развития»².

Для достижения устойчивого развития крайне важно согласовать три основных элемента – экономический рост, социальную интеграцию и охрану окружающей среды. Эти элементы взаимосвязаны и крайне важны для благополучия отдельных лиц и общества в целом³.

В рамках данной работы для автора представляет значительный интерес классификация устойчивого развития, предложенная Р. Тернером, основанная на идеях техноцентризма и экоцентризма⁴.

К лагерю «слабой устойчивости»⁵ Р. Тернер относит сторонников техноцентризма, при этом подразделяя их на группы «очень слабой устойчивости» и «сла-

¹ Путь в XXI век (стратегические проблемы и перспективы российской экономики) / под ред. Д. С. Львова. М. : Экономика, 1999. С. 167–168.

² Дьяченко В. Н., Бурлаев Е. А. Демографический аспект устойчивого развития приграничных территорий в условиях Дальнего Востока // Управление экономическими системами. 2016. № 10(92). Режим доступа : <http://uecs.ru/uecs-92-922016/item/4115-2016-10-21-06-18-41>.

³ Дьяченко В. Н., Бурлаев Е. А. Демографический аспект устойчивого развития приграничных территорий в условиях Дальнего Востока // Управление экономическими системами. 2016. № 10(92). Режим доступа : <http://uecs.ru/uecs-92-922016/item/4115-2016-10-21-06-18-41>.

⁴ Turner R., Pearce D., Bateman I. Environment and ethics // Environmental Economics. Baltimore : The John Hopkins University Press, 1993. P. 28–40.

⁵ Основываясь на принципе замещаемости капитала, эти авторы определяют устойчивость как поддержание постоянного основного капитала. При этом основной капитал понимается как сумма капитала, созданного человеком, и физического капитала, включающего природный капитал. Поскольку капитал, созданный человеком, может замещать природный капитал, поддержание постоянного основного капитала требует замены истощенного природного капитала капиталом, созданным человеком.

бой устойчивости»¹. Сторонников экоцентризма Р. Тернер причисляет к лагерю «сильной устойчивости», при этом выделяя группу «сильной устойчивости»² и группу «очень сильной устойчивости»³.

В рамках данной работы автор придерживается подхода, основанного на идеях «сильного устойчивого развития», предполагающего возможность экономического роста при использовании достижений научно-технического развития и сохранении экологического равновесия.

В качестве базиса для дальнейшего исследования автор предлагает рассматривать устойчивое развитие как *поступательное развитие, целью которого является повышение уровня и качества жизни населения на основе расширенного воспроизводства, которое достигается при взаимодействии и целостном развитии экологической, экономической и социальной подсистем.*

Повышение уровня и качества жизни населения предполагает не только повышение материального благосостояния населения, но и максимальное удовлетворение всего комплекса потребностей и интересов людей.

Естественной ареной взаимодействия экономической, социальной и экологической подсистем служит территория, под которой А. Г. Гранберг понимает «ограниченную часть твердой поверхности Земли, характеризующуюся определенной площадью, географическим положением и другими признаками»⁴. Таким образом, в качестве объекта исследования могут быть выбраны территории от-

¹ Идеи представителей «очень слабой устойчивости» и «слабой устойчивости» в целом совпадают: они допускают экономический рост при условии, что будущее поколение будет обеспечено не меньшим уровнем материального и природного капитала, чем настоящее. Отличие теории «слабой устойчивости» от «очень слабой устойчивости» состоит в том, что она рассматривает экономический рост как возможный, если темпы технологических изменений, обеспечивающих развитие экономики, не нарушая поставленные ограничения, больше темпов экономического роста. Таким образом, теории «очень слабой устойчивости» и «слабой устойчивости» можно рассматривать как усовершенствованные концепции охраны окружающей среды, нацеленные на сохранение и некоторую корректировку нынешнего антропоцентрического характера социально-экономического развития.

² Сторонники модели «сильное устойчивое развитие» считают возможным экономический рост, который требует технологической реорганизации и модернизации производства для устранения экологических последствий.

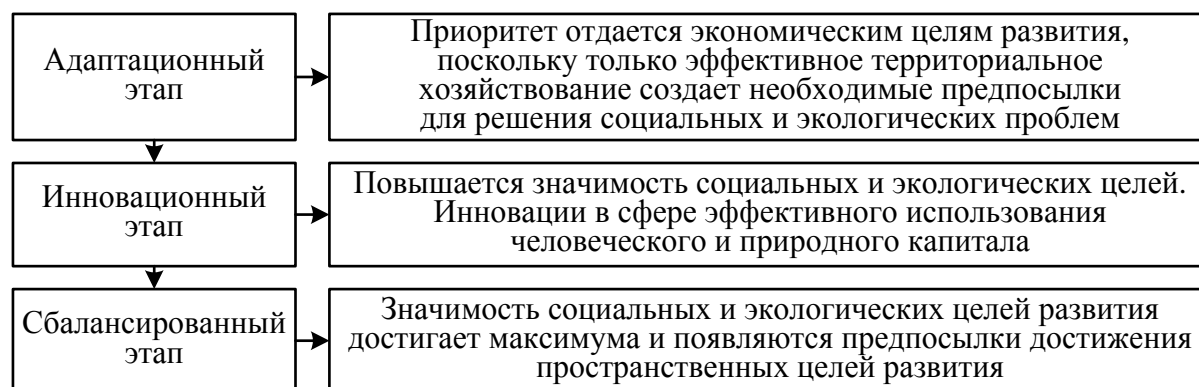
³ В теории «очень сильной устойчивости» признается необходимость нулевого экономического роста и нулевого прироста населения.

⁴ Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. 4-е изд. М. : Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2004. С. 15.

дельных стран, территории регионов и территории местных сообществ, к которым обычно принято относить муниципальные образования.

Проблемой большинства муниципальных образований РФ является недостаточный уровень социально-экономического развития, периферийное положение и, соответственно, низкий уровень жизни населения. Поэтому переход муниципальных образований к устойчивому развитию в большей степени связан с комплексным решением острых экономических и социальных проблем¹.

Как справедливо отмечает ряд авторов, выход на траекторию устойчивого развития муниципальных образований предполагает реализацию трех последовательных этапов (рисунок 4).

Примечание. Составлено автором по: Управление сбалансированным развитием территориальных систем: вопросы теории и практики : монография / под ред. А. И. Татаркина. Челябинск : ЧелГУ, 2016. С. 54.

Рисунок 4 – Этапы перехода на траекторию устойчивого развития

Вместе с тем большое разнообразие субъектов Российской Федерации, муниципальных образований предопределяет сложность и многообразие задач по

¹ См., например: Победин А. А. Внутрорегиональная дифференциация муниципальных образований как проблема социально-экономического развития Свердловской области // Научный вестник Уральской академии государственной службы: политология, экономика, социология, право. 2010. № 4(13). С. 100–116; Ворошилов Н. В. Тенденции и проблемы развития муниципальных районов Вологодской области // Вопросы территориального развития. 2014. № 1(11). Режим доступа : <http://vtr.isert-ran.ru/article/1377>; Ускова Т. В. О потенциале развития российских территорий // Проблемы развития территории. 2018. № 5(97). С. 7–17.

обеспечению их устойчивого развития, их несводимость к единым стандартным решениям.

Особого внимания заслуживают муниципальные образования приграничного региона, чье географическое положение определяет специфику их развития, предполагает учет их особенностей при переходе к устойчивому развитию. Следует учесть, что влияние государственной границы и соседней страны наиболее ощутимо на территориях муниципальных образований, непосредственно прилегающих к государственной границе, поэтому при анализе особенностей устойчивого развития следует выделять *внутренние и приграничные муниципальные образования*.

Приграничность (пограничность), будучи фундаментальной особенностью приграничных муниципальных образований, способна оказывать значительное влияние на их социально-экономическое развитие через базовые свойства государственной границы – барьерность и контактность.

Характеризуя государственные границы государств или региона, стоит отметить, что здесь сочетаются и контактная, и барьерная функция. Барьерная функция связана с требованиями национальной безопасности, сохранением ее территориальной целостности, а также выполнением оборонных задач. Значительная барьерность границы закрепляет в развитии приграничных территорий черт периферийности, экономической слабости, инфраструктурной отсталости, ограниченности демографического и трудового потенциала. Усиление контактной функции границы, связанное с формированием добрососедских взаимоотношений между сопредельными государствами, способствует не только углублению внешнеэкономических связей, но и расширению сфер приграничного сотрудничества, что создает дополнительные условия для устойчивого социально-экономического развития территорий, прилегающих к государственной границе¹.

¹ Лазарева В. В., Дьяченко В. Н. Проблемы развития и эффективного использования экономического потенциала приграничных регионов (на материалах Амурской области) // Россия: тенденции и перспективы развития : ежегодник. Вып. 12. М., 2017. Ч. 2. С. 862–866. См. также: Дьяченко В. Н. Особенности программирования развития российско-китайского приграничья // Экономика и предпринимательство. 2016. № 3-1(68). С. 262–265.

Как справедливо отмечает И. И. Драгилева, «приграничность служит источником специфических пространственных, социально-экономических, социально-культурных, политических, законодательных и иных проблем, которые, наряду с собственно приграничным положением, позволяют выделить их в особый тип»¹.

Важно отметить, что приграничные муниципальные образования, будучи определенной типологической группой, в свою очередь, значительно неоднородны, что определяет неравномерность их развития, особенности и предпосылки устойчивого развития. Различия между ними предопределены множеством факторов, которые условно можно подразделить на две группы.

К первой группе относятся пространственные факторы (природно-климатические условия, экономико-географическое положение, агломерационные эффекты, человеческий капитал, эффективные институты и т. п.).

Говоря о пространственных факторах, следует сказать, что теории и концепции пространственного развития по-разному интерпретируют факторы и условия, определяющие пространственную неравномерность (таблица 3).

Таблица 3 – Теории и концепции, объясняющие неравномерность пространственного развития

Модель/теория	Факторы и условия
Классические теории и модели регионального роста	
Теория сравнительных преимуществ Д. Рикардо; теория абсолютных преимуществ А. Смита	Природные условия, техническое и технологическое оснащение производства, трудовые ресурсы, их объем и качество
Соотношение факторов производства Э. Хекшера – Б. Олина	Наличие и отсутствие определенной комбинации факторов
Теории и модели регионального экономического роста неоклассического направления	
Модель Дж. Бортса	Количество и качество природных ресурсов, общая численность и квалификация трудовых ресурсов, запасы капитала и уровень технологии
Модели сходимости: Р. Солоу – Т. Свана; Дж. Мэнкью – Д. Ромера – Д. Уэйла и др.	Разделяют факторы капитала на физические (или материальные) и человеческие (за исключением модели Солоу и Свана), что позволяет определять степень взаимозаменяемости труда и капитала

¹ Драгилева И. И. Трансграничная кооперация в Балтийском регионе // Балтийский регион как полюс экономической интеграции Северо-Запада Российской Федерации и Европейского союза : монография / под ред. В. П. Гутника, А. П. Клемешева. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. С. 77–78.

Продолжение таблицы 3

Модель/теория	Факторы и условия
Теория регионального роста Х. Зиберга	К факторам производства добавляются транспортные затраты и социальные факторы. Также учитываются внешние факторы экономического роста территорий, имеющих тесные экономические связи с другими регионами и зарубежными странами
Мультифакторная модель регионального роста Р. Холла, Ч. Джонса	К факторам производства добавляются социальные, институциональные, политические факторы и географическое положение страны
Теории кумулятивного роста	
Концепция взаимной и кумулятивной обусловленности Г. Мюрдаля	Преимущества определенных местностей, центров (полюсов) роста ведут к ускорению их развития и большому отставанию отсталых регионов
Концепция полюсов роста Ф. Перру, Ж. Р. Будвиля, П. Потье, Х. Ласуэна	Неравенство объективно возникает из различий в размерах производства и капитала, из неодинаковой степени информированности партнеров, из их принадлежности к разным областям хозяйства. Неравенство хозяйствующих единиц имеет своим следствием деформацию экономического пространства
Модель интегральной обусловленности и городской агломерации Х. Ричардсона	Базируется на внутренних немобильных ресурсах и привлечении мобильных ресурсов из других регионов. Эффект агломерации и личные предпочтения инвесторов – ключевой элемент регионального роста. В модели учитываются также технический прогресс и социально-политические факторы
Модель «вулкан» Х. Гирша	Крупная городская агломерация с ее развитой промышленностью и мощной научной базой обладает наиболее высоким уровнем доходов на душу населения, что обеспечивается периодическими импульсами инновационной деятельности
Новые теории и модели регионального роста	
Базовые теории НЭГ (модель потенциала рынка Дж. Харриса; модель «базового мультипликатора» регионального дохода А. Преда и др.)	Возрастающий эффект масштаба на уровне предприятий и расширение регионального рынка выступают главными факторами образования региональной агломерации, а она, в свою очередь, становится главной причиной неравномерного экономического развития регионов и всей экономики страны
Теории экономического районирования и образования региональных комплексов	
А. Н. Челинцев, А. И. Скворцов, К. И. Арсеньев, Е. Ф. Канкрин, Н. Н. Баранский, И. Г. Александров, Н. Н. Колосовский, П. М. Алампиев, Б. Н. Книпович, И. И. Белоусов, Т. Н. Калашникова, А. Н. Демьяненко и др.	Неоднородность проявляется в формировании территориальных экономических образований: полос, районов, местностей, краев. В качестве факторов, определяющих разнообразие экономической деятельности в различных частях региона, выделяют естественно-исторические, экономические, диспозиционные (положенческие), исторические, этнографические и религиозные
Примечание. Составлено автором по: Анимича Е. Г., Силин Я. П., Сбродова Н. В. Теории регионального и местного развития. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2015. 151 с.; Факторы устойчивого развития регионов России : монография / В. В. Виноцына, О. С. Гайфутдинова, П. М. Горшенина и др. ; под общ. ред. С. С. Чернова. Новосибирск : ЦРНС, 2009. Кн. 6. 326 с.; Гаджиев Ю. А. Зарубежные теории регионального экономического роста и развития // Экономика региона. 2009. № 2. С. 45–62.	

Вторую группу составляют так называемые специфические факторы, которые присущи только приграничным территориям. К специфическим факторам, определяющим неравномерность развития приграничных территорий и обуславливающим особенности и предпосылки устойчивого развития, авторы предлагают относить следующие.

1. Соотношение между функциями государственной границы на различных участках приграничья. Л. Б. Вардомский и Н. С. Мироненко выделяют три основные функции границы: контактную, фильтрующую и барьерную¹. В. Е. Шувалов в своих работах говорит о двух функциях границы – барьерной и контактной, при этом фильтрующая функция рассматривается им как разновидность барьерной². Наиболее полный содержательный анализ функций государственной границы представлен А. А. Киреевым (приложение В)³.

«Сочетание контактной и барьерной функции характерно практически для любой границы. Уровень проявления ограничительной и стимулирующей тенденций и их сочетание на разных участках границы в разные периоды могут существенно различаться, определяя особенности складывающейся ситуации. Одной из важнейших задач для государства в сфере развития международных отношений и для приграничных муниципальных образований в контексте устойчивого развития территории является определение оптимального баланса между контактной и барьерной функциями каждого конкретного участка границы»⁴.

Как справедливо отмечает Л. Г. Осмоловская, «установленное соотношение между контактной и барьерной функциями для приграничных регионов, по сути, является контекстом, в котором происходит развитие приграничных связей между сопредельными территориями. Но при этом сами приграничные регионы не могут

¹ Вардомский Л. Б., Мироненко Н. С. К проблеме изучения границ экономико-географических систем // Географические границы : сб. ст. М. : Изд-во МГУ, 1982. С. 40.

² Шувалов В. Е. Географическая граница как фактор районообразования // Географические границы : сб. ст. / под ред. Б. Б. Родомана, Б. М. Эккеля. М. : Изд-во МГУ, 1982. С. 33–34.

³ Киреев А. А. Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (середина XIX – начало XXI в.) : монография. Владивосток : Изд-во ДВФУ, 2011. 474 с.

⁴ Лазарева В. В., Дьяченко В. Н. Проблемы развития и эффективного использования экономического потенциала приграничных регионов (на материалах Амурской области) // Россия: тенденции и перспективы развития : ежегодник. Вып. 12. М., 2017. Ч. 2. С. 862–866.

напрямую изменять баланс государственной границы, а могут лишь инициировать вопрос о пересмотре этих функций, исходя из собственных интересов с обязательным учетом интересов государства»¹.

Для оценки различий в уровне развития связей, складывающихся между приграничными территориями, расположенными по обе стороны границы, несомненный интерес представляет типология, авторами которой являются Б. ван дер Вельде и Р. Мартин². Л. Г. Осмоловская адаптировала данную типологию с учетом развития мировых процессов, при усилении влияния глобализации и регионализации³. Предложенная типология основывается на соотношении барьерной и контактной функций границы, при этом выделяются открытые (безбарьерные)⁴, взаимозависимые (кооперационные)⁵, активно взаимодействующие⁶, локально взаимодействующие⁷, изолированные (отчужденные)⁸ приграничные регионы.

В работе В. А. Колосова и Н. С. Мироненко государственные границы «с точки зрения степени развития контактных функций в военной, экономической, культурной и политической сферах разделены на четыре типа: отчуждающие, по-

¹ Осмоловская Л. Г. Функции границы как фактор развития приграничных регионов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2016. № 1. С. 45–54.

² Van der Velde B., Martin R. So many regions, so many borders // A behavioural approach in the analysis of border effects: Paper prepared for the 37th European Congress of the European Regional Science Association (Rome, Italy, Aug. 26–29). Rome, 1997. 18 p.

³ Осмоловская Л. Г. Функции границы как фактор развития приграничных регионов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2016. № 1. С. 45–54.

⁴ Тип приграничных регионов, где присутствие границы номинально, так как барьерная функция отсутствует, а значит, отсутствует и сама граница.

⁵ Тип приграничных регионов с преобладающей контактной функцией границы, в то время как роль барьерной функции минимизирована. Приграничные регионы не просто взаимодействуют между собой в экономической, социальной, культурной и иных сферах, между ними созданы тесные интеграционные и кооперационные сетевые структуры.

⁶ Тип приграничных регионов, где в равной степени сочетаются контактная и барьерная функции. По сути, наблюдается оптимальное для государства соотношение. Приграничное сотрудничество активно развито во всех сферах (экономической, общественной, культурной, природоохранной и др.). При этом барьерная функция обеспечивает фильтрацию приграничных потоков и защиту внутренней территории от негативных эффектов.

⁷ Тип приграничных регионов, разделяемых государственной границей с преобладающей барьерной функцией, но уже имеющей и контактную функцию.

⁸ Тип приграничных регионов, государственная граница между которыми абсолютно непроницаема для каких-либо формальных или неформальных контактов (контактная функция отсутствует полностью, граница выполняет исключительно барьерную функцию).

лупроницаемые, соединяющие и интеграционные. При этом диапазон специфики ситуаций включает такие вариации: от полной закрытости до общей глобально-региональной военной стратегии, от отсутствия каких-либо обменов до формирования единого экономического пространства, от ощущения коренным населением своей особенности до развития „интернационалистской“ культуры. Во внутренней политике возможны варианты: от особой регламентации центром развития региона до организации специальной политики стимулирования, развития в регионе зоны контакта и делегирования ему части специальных полномочий»¹.

Особенности развития приграничных территорий, определяемые положением территории у границы, по мнению Л. Л. Божко, «объясняются набором специфических функций, посредством которых она реализует себя в качестве „барьера“, зоны „входа“ в страну. Осуществление этих функций позволяет территории приграничного пояса извлекать соответствующие выгоды из преимуществ такого положения, используя в качестве источника дополнительные ресурсы»².

Сходной точки зрения придерживаются Ю. В. Савельев и О. В. Толстогузова: «Особенность приграничных территорий предполагает взаимодействие функций границы и функций приграничья, последние из которых определяют роль территории по отношению к более общей системе, в которую она включена в качестве составной части и которая является для него внешней средой»³.

Обобщая исследования ряда авторов⁴, всю совокупность функций, выполняемых приграничными территориями, можно разбить на два группы (рисунок 5).

¹ Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2001. С. 365–367.

² Божко Л. Л. Теоретико-методологические основы исследования процессов экономического развития приграничных территорий : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05. Екатеринбург, 2011. С. 76.

³ Особенности социально-экономического развития и модернизации приграничного региона / под общ. ред. Ю. В. Савельева, О. В. Толстогузова. Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2014. С. 48.

⁴ См., например: Вардомский Л. Б. Приграничное сотрудничество: механизмы, факторы и тенденции развития // Проблемы приграничных регионов России / под ред. Ю. Г. Липеца. М. : ИГ РАН, 2004. С. 12; Бакланов П. Я., Винокуров Ю. И., Снытко В. А., Тулохонов А. К., Чибилев А. А. Географические и геополитические проблемы устойчивого развития приграничных регионов Азиатской России // Трансграничные проблемы стран СНГ. М. : ОПУС, 2003. С. 142.

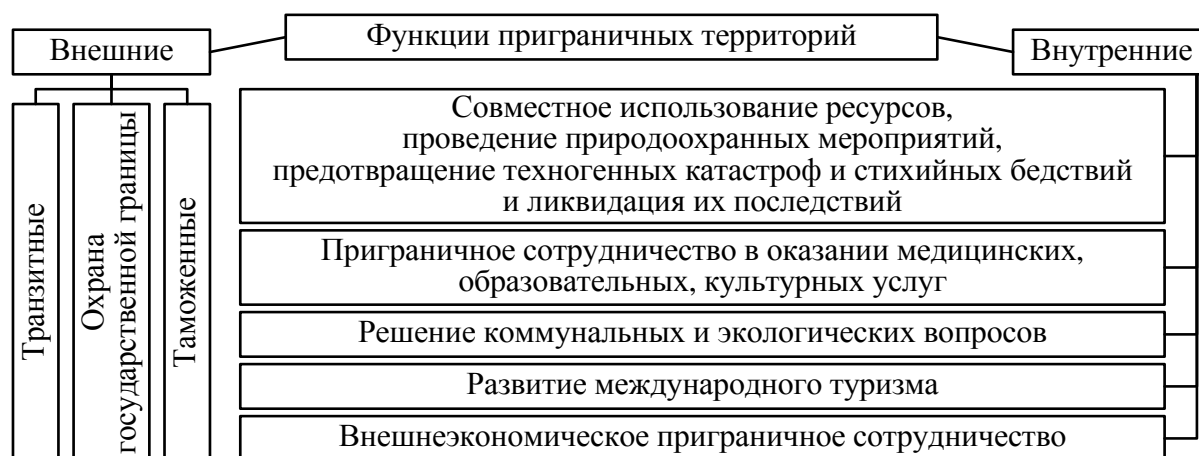

Рисунок 5 – Функции приграничных территорий

Выполнение приграничными территориями названных функций способствует преодолению их периферийности и отсталости, а приграничное сотрудничество регионов-соседей сопредельных государств способствует развитию межгосударственных связей.

На интенсивность формирования и реализацию функций на разных участках государственных границ влияет ряд факторов, которые условно можно разделить на две группы: к первой относятся факторы, определяемые действиями федеральных и региональных органов власти¹; ко второй – факторы, обусловленные внутренними особенностями приграничных территорий и районов сопредельных государств².

¹ Институциональный (полномочия властей различного уровня в осуществлении региональной политики в пределах приграничных территорий, приграничного сотрудничества); режим государственных границ (усиление барьерной функции границ влияет на увеличение оборонных и таможенных функций приграничных территорий и снижение функций, связанных с сотрудничеством сопредельных территорий); политическая стабильность сопредельных территорий (добрососедские отношения между сопредельными государствами создают благоприятные условия для сотрудничества; напряженные политические отношения, приграничные споры между сторонами значительно усложняют отношения различного уровня и характера).

² Природно-ресурсный (обеспеченность природными ресурсами, при их различии между районами разных стран складываются отношения взаимодополняемости и кооперации в переработке и использовании ресурсов); этнокультурный (низкий контраст этноконфессионального состава, отсутствие лингвистических барьеров, наличие родственных связей населения сопредельных территорий определяет более тесное взаимодействие местного населения); демографический (система расселения, плотность населения, общее движение населения определяет обеспеченность трудовыми ресурсами); социально-экономический (состояние сферы обслуживания, степень развития транспортных коммуникаций, уровень экономического развития, отраслевая структура, что влияет на взаимодополняемость хозяйства).

Резюмируя сказанное, можно заключить, что соотношение барьерной и контактной функций границы, степень открытости экономики, определяя функциональное предназначение приграничной территории, в значительной мере влияют на состояние каждой из подсистем устойчивого развития (рисунок 6).

Рисунок 6 – Характер влияния соотношения функций государственной границы на составляющие устойчивого развития

Если преобладает барьерная функция, то граница имеет вид линии рубежа, а приграничная территория является зоной буфера со свойствами периферийности. Низкая хозяйственная освоенность, непривлекательность территорий как мест жительства препятствуют устойчивому развитию буферных территорий. Усиление контактной функции трансформирует государственную границу в зону контакта, при этом приграничные территории представляют собой пространства взаимодей-

ствия с соседней страной, которое меняет их периферийное положение в национальном масштабе на центральное.

2. Значительное влияние на развитие приграничных муниципальных образований оказывает фактор соседства и уровень развития соседней страны. Как отмечает В. М. Булаев, «в географическом положении большую роль играет присутствие территорий-соседей, гранича с которыми регион либо усиливает свои потенциалы, либо теряет их, выглядя „серой тенью“ на фоне более развитых и благополучных территорий»¹.

И. М. Маергойз писал: «Главный смысл соседства заключается в возможности непосредственного взаимодействия приграничных районов, а через них и территориальной структуры хозяйства соседних стран в целом»².

По мнению Л. Б. Вардомского, «в соседстве заложен определенный ресурс развития, связанный с близостью к рынку соседней страны, к ее финансовым и технологическим ресурсам, трудовому потенциалу. Однако соседство становится важным ресурсом развития только при условии добрососедских отношений»³.

Большое количество стран-соседей с различными экономическими и политическими системами определяет значительную дифференциацию экономических и институциональных условий приграничного сотрудничества. В первом приближении перспективность соседства прямо пропорциональна уровню экономического развития соседа: с развитой страной/регионом граничить выгодно.

Проведенное исследование позволило авторам Х. Б. Бадарчи и Д. Ф. Дабиеву сделать вывод, что «уровень социально-экономического развития приграничного региона имеет явную связь с особенностями граничащего государства (группы

¹ Булаев В. М. Этнонациональные особенности формирования населения Восточного Забайкалья (социально-географическая интерпретация). Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. 171 с.

² Маергойз И. М. Методика мелкомасштабных экономико-географических исследований. М. : Изд-во МГУ, 1981. С. 39.

³ Вардомский Л. Б. Российская политика соседства // Социально-экономическая география – 2011: теория и практика : материалы Междунар. науч. конф. Калининград : Изд-во Балт. федер. ун-та им. И. Канта, 2011. С. 225–228.

государств)»¹. Так, в группу высокоразвитых и развитых регионов попали субъекты РФ, имеющие общую границу с европейскими странами и Казахстаном.

Л. Б. Вардомский² все многообразие условий приграничного сотрудничества и особенности его конкретного содержания предлагает рассматривать в трех основных типах: постсоветском³, китайском⁴, европейском⁵.

Кроме этого, как справедливо отмечает А. Г. Пылин, «соседство стран с пограничными государствами автоматически не ведет к интенсивному обмену товарами, услугами, капиталом и рабочей силы между ними на взаимовыгодной основе. Для этого необходимо наличие определенных условий, среди которых общие

¹ Бадарчи Х. Б., Дабиев Д. Ф. Типологический анализ приграничных регионов России по уровню социально-экономического развития (на примере Республики Тыва) // Проблемы прогнозирования. 2012. № 2. С. 89–101.

² Вардомский Л. Б. Приграничное сотрудничество на «новых и старых» границах России // Евразийская экономическая интеграция. 2008. № 1. С. 90–108.

³ Главными факторами приграничного сотрудничества России и стран СНГ являются безвизовый режим (за исключением Грузии) и внешнеторговые преференции, определяемые двусторонними соглашениями о свободной торговле и соглашениями о многостороннем сотрудничестве. Среди направлений приграничного сотрудничества стран СНГ особое место занимает кооперация по смягчению барьерного эффекта вновь образованной государственной границы. Это важная особенность приграничного сотрудничества стран СНГ, поскольку появление новых границ вызвало у приграничных территорий сильный шок. Большая часть экономических связей в новых условиях оказалась неэффективной. Спад производства и переориентация связей предприятий в приграничном регионе в основном связаны с появлением таможенных и транзитных барьеров, высокими транспортными издержками, финансовыми и таможенными рисками взаимных экономических связей.

⁴ Китайская модель приграничного сотрудничества, построенная в основном на торговле и экспорте трудовых ресурсов в Россию, способствует консервации сырьевой направленности экономики прилежащих российских регионов, причем на тех стадиях, на которых создается минимальная добавленная стоимость. Для российских регионов приграничного сотрудничества с китайскими регионами весьма важно с точки зрения компенсации ослабления хозяйственных связей с регионами европейской России, Урала, Западной и Восточной Сибири из-за резкого роста транспортных тарифов. Для Китая приграничного сотрудничества выступает важным каналом реализации стремительно растущих объемов производства потребительских товаров и получения необходимого сырья. Китай в отличие от России проводит активную политику по использованию потенциала приграничного сотрудничества, которая выражается в предоставлении приграничным территориям налоговых и таможенных преференций, дополнительных прав местным властям по ведению приграничного сотрудничества.

⁵ Характерной чертой европейского типа приграничного сотрудничества является широкое развитие институтов сотрудничества при довольно жестком таможенном и визовом режиме трансграничного движения. Для этого типа характерно широкое участие в нем органов власти субъектов РФ и местного самоуправления на основе договоров с аналогичными территориальными органами власти соседних стран. Сферой сотрудничества являются транспорт, торговля, экология, образование, культура, информация, новые технологии. Оно реализуется на основе совместно или согласованно разрабатываемых программ и проектов.

эффективные институты (комиссии по экономическому сотрудничеству, договоры о взаимной торговле, благоприятный инвестиционный климат), региональная инфраструктура, обеспечивающая движение факторов производства, а также определенные стимулы (преференции в доступе на рынки, поощрение региональной специализации и кооперации)»¹.

Наряду с огромными преимуществами, определяемыми близостью к зарубежной стране, здесь скрываются серьезные риски и угрозы. О проблемах, связанных с соседством, пишет Л. Л. Божко, выделяя «снижение конкурентоспособности местного производства, трансграничную миграцию, предотвращение контрабанды, защиту природных ресурсов»².

К факторам, негативно влияющим на развитие приграничных территорий, связанным с близостью к соседней стране, П. Я. Бакланов относит «неполноту информации о соседней территории зарубежной страны, важной для принятия управленческих решений; вредные экологические воздействия с территории соседней страны при трансграничных водных и атмосферных переносах; включение некоторых приграничных территорий в зону особых геополитических интересов соседней страны и связанный с этим рост напряженности в двусторонних отношениях и др. Существенным негативным фактором может стать и рост конкуренции на рынках отдельных видов товаров и услуг»³.

Мы разделяем точку зрения В. А. Колосова, который подчеркивает, что «фактор соседства может быть рассмотрен, с одной стороны, как возможность использования выгод приграничного положения, для реализации которых, как правило, требуется специальная региональная политика, а с другой – как вызов развитию приграничных регионов, создающий определенные ограничения и дополни-

¹ Пылин А. Г. Соседство как фактор развития торгово-экономических связей стран СНГ: возможности и перспективы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2010. № 2. С. 333–342.

² Божко Л. Л. Теоретико-методологические основы исследования процессов экономического развития приграничных территорий : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05. Екатеринбург, 2011. С. 78.

³ Бакланов П. Я. Структурные особенности и потенциал развития приграничных и трансграничных районов: теоретические аспекты // Региональные исследования. 2018. № 3(61). С. 22.

тельные проблемы»¹. К таким вызовам соседства автор относит экологические, социально-экономические, демографические и политические, при этом отмечает, что их набор сильно различается от одной пары границ к другой.

3. Наличие и функционирование приграничной инфраструктуры, реализующей функции охраны границы и обеспечения межгосударственных связей, оказывающее влияние на привлекательность территории для потенциальных внешнеэкономических партнеров и хозяйствующих субъектов, дислоцированных в других регионах и заинтересованных использовать возможности приграничья для развития внешнеэкономической деятельности.

Об этом, в частности, говорят В. С. Антонюк и Г. В. Эрлих, отмечая, что «одним из важнейших факторов благоприятного социально-экономического развития приграничных регионов является уровень развития таможенной инфраструктуры, включая пункты пропуска через государственную границу. От ее качества, потенциала и достигнутых мощностей зависит социально-экономическое развитие приграничных территорий, что проявляется в наличии отрицательных² и положительных³ эффектов, воздействующих на социальный и хозяйственный комплекс региона»⁴.

¹ Колосов В. А. Российское пограничье: сотрудничество и вызовы соседства / В. А. Колосов // Российское пограничье: социально-политические и инфраструктурные проблемы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 11 февраля 2016 г.) / под ред. В. А. Колосова, А. Б. Володина. М. : ИП Матушкина И. И., 2016. С. 10–11.

² Государственная граница формирует пограничное пространство, которое обеспечивает для приграничных областей расширение приграничной торговли и рынка, содействует занятости населения, создает стимулы для развития региональной экономики и тем самым вызывает мультипликационный эффект роста валового регионального и национального продукта, что в конечном итоге увеличивает собираемость платежей в государственный бюджет. Возрастает инвестиционная привлекательность приграничной территории для иностранных инвесторов вследствие благоприятных транспортных условий, особенностей инвестиционного климата, низких ставок местных налогов, потенциальной емкости осваиваемого рынка и сокращения транзакционных издержек, связанных с пересечением государственной границы.

³ Увеличивается транспортная нагрузка на приграничные города; появляются чрезмерные встречные товарные потоки; сокращаются транзитные возможности приграничного региона; усиливается неравномерность инфраструктурного обеспечения между внутренними и приграничными субъектами страны. Данные проблемы усугубляются слабой технической оснащённостью средствами контроля и связи таможенной службы, приводящей к увеличению времени для выполнения процедур осмотра, досмотра и пропуска грузов, туристов.

⁴ Антонюк В. С., Эрлих Г. В. Совершенствование таможенной инфраструктуры как фактор развития приграничных территорий РФ // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Экономика и менеджмент. 2016. № 10(4). С. 7–11.

Сходной позиции придерживаются С. Мун и С. Накагама, выделяя в качестве одного из важных условий развития приграничных муниципалитетов наличие таможенной и транспортной инфраструктуры¹.

Как пишет Л. Л. Божко, «приграничное положение – это лишь потенциальное благо, удача с точки зрения географического положения. Оно может давать отдачу лишь при соответствующем обустройстве – развитии приграничной транспортной инфраструктуры – строительстве новых объектов, модернизации уже существующих, улучшении качества обслуживания»².

По мнению П. В. Павлова, наличие развитой приграничной инфраструктуры на территории муниципальных образований, обеспечивающей прохождение экспортных и импортных товарных потоков, способствует повышению привлекательности таких территорий³.

Кроме этого, следует отметить, что развитая приграничная инфраструктура не только обслуживает потребности предприятий, но и служит интересам городов, районов, населения региона, связанным с реализацией проектов социальной, культурной, гуманитарной направленности.

Дифференциация перечисленных факторов обуславливает уникальность каждого отдельно взятого участка приграничья, определяя особенности и предпосылки устойчивого развития приграничных муниципальных образований (рисунок 7).

Резюмируя сказанное, следует заключить, что приграничность муниципальных образований, определяя специфику их устойчивого развития, делает их в значительной мере уникальными объектами региональной политики и требует дифференцированного подхода к управлению их устойчивым развитием.

¹ Mun S., Nakagama S. Pricing and investment of cross-border transport infrastructure // *Regional Science and Urban Economics*. 2010. Vol. 40. P. 228–240.

² Божко Л. Л. Теоретико-методологические основы исследования процессов экономического развития приграничных территорий : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05. Екатеринбург, 2011. С. 196.

³ Павлов П. В. Приграничная торговля как часть приграничного сотрудничества России с иностранными государствами: проблемы административно-правового регулирования // *Вестник Административного права и практики администрирования*. 2013. № 2. Режим доступа : https://enotabene.ru/al/article_607.html.

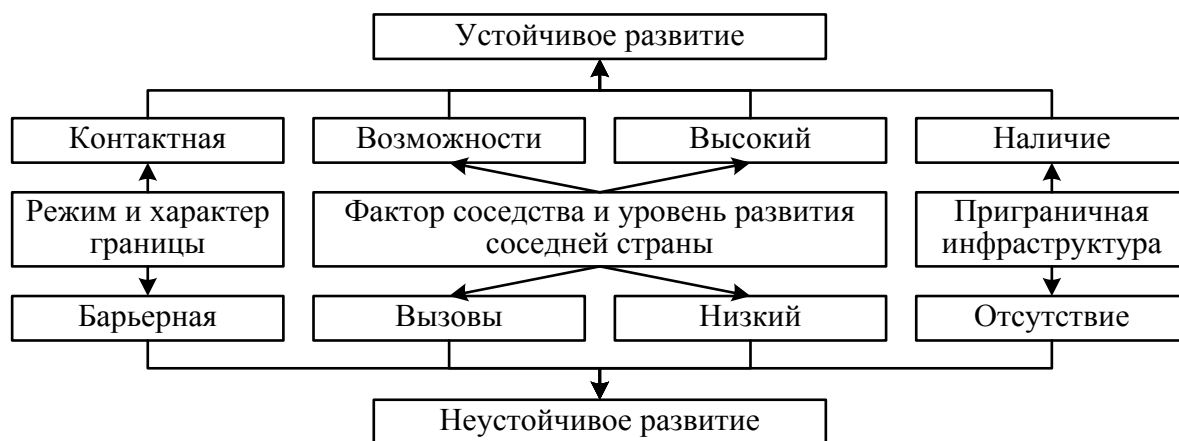

Рисунок 7 – Специфические факторы, определяющие особенности и предпосылки устойчивого развития приграничных МО

Управление устойчивым развитием муниципальных образований приграничного региона предполагает необходимость выявления условий и факторов, обуславливающих их текущее состояние и тенденции развития. В связи с этим возникает необходимость проведения *комплексной оценки, которая позволит разработать мероприятия организационно-экономического характера, направленные на обеспечение их устойчивого развития, с учетом имеющегося потенциала.*

2 ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

2.1 Методический подход к оценке устойчивого развития муниципальных образований приграничного региона

Попытки создания методики оценки устойчивости развития муниципальных образований, учитывающей влияние не только экономических, но и социальных и экологических факторов, широко представлены в работах отечественных исследователей. Однако в отношении муниципальных образований приграничного региона данные вопросы требуют уточнения.

Анализ научных исследований и публикаций показывает, что наиболее проработанной в методическом плане является оценка устойчивого развития приграничных территорий, относящихся к макроуровню приграничья (регион – субъект РФ). Так, например, Н. Р. Вязьмина предлагает комплексную методику оценки устойчивости социально-экономического развития приграничного региона, «основанную на использовании концепции пороговых значений индикаторов, экспертно-параметрического метода оценки интегрального показателя уровня устойчивости и позволяющую учитывать специфику социально-экономического положения региона»¹.

И. К. Сандомирская предлагает комплексную методику устойчивого развития региона, «основанную на расчете скорректированного интегрального показателя устойчивого развития, с учетом приграничного положения региона»².

¹ Вязьмина Н. Р. Повышение устойчивости социально-экономического развития приграничного региона : автореф. дис. ... кан. экон. наук : 08.00.05. Н. Новгород, 2009. 25 с.

² Сандомирская И. К. Методы оценки и механизмы управления устойчивым развитием регионов приграничного типа: на примере Ленинградской области : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. СПб., 2011. 173 с.

Так как данные методики ориентированы на использование на региональном уровне, то, по нашему мнению, их простое копирование на муниципальный уровень просто невозможно или некорректно. С учетом данного обстоятельства представляется необходимым конкретизировать методику оценки устойчивого развития муниципальных образований приграничного региона.

С целью определения влияния фактора приграничности на устойчивое развитие муниципальных образований нам представляется целесообразным выделение двух типов муниципальных образований – внутренних и приграничных. Основным критерием для типологии служит совпадение административных границ муниципальных образований с государственной границей.

Важным моментом при оценке устойчивого развития является определение системы индикаторов, позволяющих оценить состояние и проблемы развития различных территориальных систем, осуществить контроль за достижением целей устойчивого развития, управление этим процессом, а также дать оценку эффективности используемых средств и уровня достижения поставленных целей. Вместе с тем проблема выбора индикаторов при оценке устойчивого развития еще не решена, что стимулирует значительный интерес исследователей и практиков к разработке стратегий и программ развития территориальных систем разного уровня¹.

¹ См., например: Белозерова Т. П. Методический подход к формированию системы комплексной оценки устойчивого развития муниципальных образований // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Экономика и управление. 2012. № 3(10). С. 11–13; Коробейников И. Н., Егорычев С. А. Методика оценки региональных тенденций устойчивого развития муниципальных образований // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2014. № 4(48). С. 210–214; Егорычев С. А. Методическое обеспечение комплексного анализа устойчивого развития муниципальных образований // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 5(166). С. 251–257; Сербулов А. В., Беляева О. И. Интеграционный подход к разработке методики оценки эффективности реализации стратегии социально-экономического развития муниципального образования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 4-1. С. 126–135; Коваленко М. А. Расчет интегрального показателя устойчивого развития муниципального образования туристско-рекреационной специализации (на примере города-курорта Сочи) // Наукосведение. 2014. Вып. 3. Режим доступа : <https://naukovedenie.ru/PDF/148EVN314.pdf>; Рабканова М. А. Устойчивое социально-экономическое развитие сельских территорий (на материалах Омской области) : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. Новосибирск, 2014. 27 с.

Анализ имеющихся публикаций показал, что наиболее часто используется подход, основанный на построении агрегированного (интегрального) индикатора, на основе которого можно судить о степени устойчивости социально-экономического развития¹.

По нашему мнению, методики оценки устойчивого развития, основанные на построении интегрального индикатора, имеют ряд недостатков. Одной из очевидных, на наш взгляд, слабостей данного подхода являются крайне ограниченные возможности интерпретации полученных результатов, зачастую сводимых к констатации качественной оценки групп муниципальных образований по уровню устойчивого развития. Такая общая оценка обладает низкой эвристической ценностью в силу того, что ставящийся «диагноз» неизбежно объединяет в одну группу муниципальные образования, имеющие абсолютно разные «болезни», формируемые под влиянием различных факторов. Нельзя не отметить и существенные методологические затруднения, вытекающие из стремления учесть широкий спектр статистических показателей, фиксируемых на муниципальном уровне. Использование значительной их части в формализованном виде либо не имеет однозначной оценки, либо затруднено крайней малочисленностью населения, приводящей к значительным изменениям показателей в малых временных диапазонах, увеличивающих статистическую погрешность и искажающих происходящие процессы².

В связи с этим нам представляется целесообразным построение системы индикаторов, каждый из которых отражает отдельные аспекты устойчивого развития. При построении такой системы индикаторов могут быть использованы

¹ См., например: Зайцева О. О. Применение методики трехмерных ранжировок для оценки уровня устойчивости сельских муниципальных образований республики Мордовия // Системное управление. 2013. Вып. 4(21). Режим доступа : http://sisupr.mrsu.ru/2013-4/PDF/zajceva_o_o_statya.pdf; Громов Е. И. Методика социо-эколого-экономической оценки и прогнозирования параметров устойчивого развития аграрно-ориентированных территорий // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5: Экономика. 2014. № 3(150). С. 125–132; Кусакина О. Н., Дыкань Ю. А. Методика оценки устойчивого развития сельских территорий // Фундаментальные исследования. 2015. № 5-4. С. 748–752.

² Дьяченко В. Н., Бурлаев Е. А., Лазарева В. В. Развитие территориальной асимметрии в формировании населения муниципальных образований Амурской области // Экономика и предпринимательство. 2017. № 9-2(86). С. 371–377.

различные варианты ее структуры: тема/проблема – индикатор¹; цели – задачи – индикаторы²; компактная система ключевых/базовых индикаторов³; тема – подтема – индикатор⁴; дифференциация структуры индикаторов на показатели «давление – состояние – реакция»⁵.

При построении системы индикаторов в рамках данной работы использована комбинация двух подходов:

1) компактная система ключевых/базовых индикаторов, представленная обобщающими показателями, позволяющими судить о состоянии целой подсистемы изучаемого объекта (показатели состояния);

2) структура «тема/проблема – индикатор». Данные индикаторы позволяют оценить динамику относительно эталонного значения и таким образом определить проблемные места, требующие выработки управленческих решений⁶.

С учетом рассмотренных положений автором разработана методика оценки устойчивого развития муниципальных образований приграничного региона, которая представлена в виде двух последовательных этапов (рисунок 8).

¹ Определенной проблеме соответствует свой индикатор. Обычно выделяются три группы индикаторов: экономические, социальные и экологические (Томская область).

² Иерархическая структура подхода к разработке индикаторов. Цели и задачи могут быть только сформулированы и не иметь – в отличие от индикаторов – количественного выражения (Костромская область и Чувашская Республика).

³ Ключевые индикаторы должны быть подобраны таким образом, чтобы отразить приоритетные проблемы и специфику региона, в том числе особенности современного периода его развития (Самарская область).

⁴ Выделены четыре области/подсистемы индикаторов: социальная, экономическая, экологическая, институциональная. По каждой из областей определяются ключевые темы, которые детализируются по подтемам и затем сводятся к минимальному набору индикаторов.

⁵ Модель «давление – состояние – реакция» выявляет причинно-следственные связи между экономической деятельностью и экологическими и социальными условиями и помогает лицам, принимающим решения, и общественности увидеть взаимосвязь этих сфер и выработать политику для решения этих проблем.

⁶ Лазарева В. В. Мониторинг как инструмент повышения эффективности управления устойчивым развитием сельских территорий // Оценка регулирующего воздействия: стратегическое партнерство органов власти, бизнеса и НКО : сб. науч. тр. Междунар. молодежн. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 18–20 апреля 2018 г). Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2018. С. 142–145.

Рисунок 8 – Методика оценки устойчивого развития муниципальных образований приграничного региона

Целью первого этапа методики является анализ асимметрии и выделение типов муниципальных образований приграничного региона по уровню устойчивого развития. Реализация первого этапа предложенной методики начинается с *выбора индикаторов, характеризующих состояние отдельных подсистем устойчивого развития*. Построение системы индикаторов сопряжено с рядом ограничений и барьеров, в качестве которых следует назвать:

1) отсутствие программ устойчивого развития региона. В ряде регионов индикаторы устойчивого развития разрабатываются с учетом ключевых проблем и вопросов, которые обозначены в рамках общей политики устойчивого развития.

Для Амурской области в условиях отсутствия комплексных документов устойчивого развития набор индикаторов может быть определен на основе анализа имеющихся данных по разным аспектам устойчивого развития, а также перечня показателей, обозначенных в рамках других документов. Стратегические приоритеты и цели развития региона, изложенные в Стратегии развития Амурской области до 2025 г.¹ и программе «Экономическое развитие и инновационная экономика Амурской области на период 2014–2020 гг.»², в ряде аспектов учитывают цели устойчивого развития. Отдельные показатели в разрезе муниципальных образований обозначены в подпрограмме «Устойчивое развитие сельских территорий»³, «Программе развития приграничных территорий Амурской области до 2025 г.»⁴;

2) дефицит необходимой информации. Как справедливо отмечает В. Н. Дьяченко, «при использовании статистических показателей в качестве индикаторов ситуации... в муниципальных образованиях имеется ряд сложных и трудно преодолимых проблем, что определяется рядом обстоятельств. Во-первых, суще-

¹ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Амурской области на период до 2025 г. : постановление Правительства Амурской области от 13 июля 2012 г. № 380.

² Об утверждении государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика Амурской области» : постановление Правительства Амурской области от 25 сентября 2013 г. № 445.

³ Об утверждении государственной программы «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия Амурской области» : постановление Правительства Амурской области от 25 сентября 2013 г. № 447 (с изм. на 1 февраля 2019 г.).

⁴ Об утверждении программы «Развитие приграничных территорий Амурской области до 2025 г.» : постановление Правительства Амурской области от 28 сентября 2016 г. № 420.

ственное значение имеет применяемая при формировании статистических показателей методология, использование различных способов сбора исходных данных, используемых для формирования показателей муниципальной статистики. Немаловажное значение имеют правовые основания сбора, обработки и использования статистических показателей. Помимо организационно-правовых ограничений, значительные сложности в развитии муниципальной статистики носят методологический характер, определяемый неоднородностью объектов наблюдения»¹;

3) конкретная интерпретация индикаторов – в виде валовых натуральных показателей или удельных показателей. С. Н. Бобылев отмечает, что «выбор между этими показателями должен определяться целями и областями использования индикатора. Так, для оценки структурно-технологических тенденций, изменения структуры экономики больше подходят удельные показатели. Валовые индикаторы лучше подходят для анализа сложившейся ситуации, степени ее благоприятности для человека и среды»²;

4) необходимость учета в процессе разработки индикаторов интересов различных групп акторов. Одной из заинтересованных сторон являются региональные и муниципальные администрации, которые отвечают за внедрение индикаторов устойчивого развития. Другими заинтересованными сторонами могут выступать субъекты бизнес-структур и различные некоммерческие организации, деятельность которых направлена на обеспечение устойчивого развития.

С учетом этих ограничений и проблем автором сформирована компактная система базовых показателей на основе использования методов экспертного анализа (метод анкетного опроса³)⁴. Достоинством метода анкетного опроса является

¹ Дьяченко В. Н. Проблемы использования статистического инструментария при оценке развития муниципальных образований // Региональная экономика и управление. 2018. № 4(56). Режим доступа : <https://eee-region.ru/article/5603>.

² Бобылев С. Н. Индикаторы устойчивого развития: региональное измерение: пособие по региональной экологической политике. М. : Акрополь ; ЦЭПР, 2007. С. 26–27.

³ Метод предполагает разработку анкет, содержащих перечень вопросов по решаемой задаче. Анкеты размножаются по числу экспертов, направляются по соответствующим адресам, затем обрабатываются с использованием статистических методов обработки экспертной информации.

⁴ Лазарева В. В. Региональные особенности устойчивого развития приграничных муниципальных образований (на примере Амурской области) // Региональная экономика и управление. 2019. № 2(58). Режим доступа : <https://eee-region.ru/article/5808>.

возможность сбора большого объема информации за достаточно короткий срок и независимость суждений экспертов. В качестве опрошенных экспертов выступили руководители муниципальных образований региона, руководящие работники профильных министерств Амурской области, представители бизнес-структур, а также руководители НКО. Всего было роздано сто анкет, из которых сто признано годными для обработки.

При отборе индикаторов устойчивого развития учтено требование необходимости выражения обобщающими показателями характеристических (наиболее значимых, характерных, репрезентативных) свойств подсистем устойчивого развития и сочетание нескольких простых показателей (таблица 4).

Таблица 4 – Обобщающие показатели, характеризующие состояние подсистем устойчивого развития муниципального образования

Обобщающий показатель	Характеристика	Направленность происходящих изменений
Валовый муниципальный продукт на душу населения, тыс. р. на чел.	Показатель экономической деятельности МО. Характеризует экономический потенциал и конкурентоспособность МО	Положительная динамика обобщающего показателя характеризует устойчивое развитие экономической и социальной подсистем МО
Объем инвестиций в основной капитал на душу населения, млн р. на чел.	Характеризует тренды развития экономики в средне- и долгосрочной перспективе	Положительная динамика обобщающего показателя характеризует устойчивое развитие экономической подсистемы МО
Плотность населения, чел. на 1 км ²	Характеризует степень хозяйственной освоенности территории МО	Положительная динамика обобщающего показателя характеризует устойчивое развитие экономической и социальной подсистем МО
Миграционный прирост (убыль) на 1 000 чел., %	Характеризует степень привлекательности территории МО как мест проживания	Положительная динамика обобщающего показателя характеризует устойчивое развитие социальной, экономической и экологической подсистем МО
Доля улавливаемых и обезвреживаемых загрязняющих атмосферу веществ в общем объеме, %	Характеризует состояние окружающей среды, снижение отрицательного влияния экономики на здоровье населения	Положительная динамика обобщающего показателя характеризует устойчивое развитие экологической подсистемы МО

Для расчета валового муниципального продукта в данной работе используется методика UN-Habitat. С учетом доступной для российских исследователей официальной статистики из существующих методик UN-Habitat для оценки ВМП может использоваться только метод А (формула (1))¹:

$$GVA_M = \sum_{\text{по всем } i} GVA_{R_i} \frac{NE_{M_i}}{NE_{R_i}} \frac{AW_{M_i}}{AW_{R_i}}, \quad (1)$$

где GVA_M – валовый муниципальный продукт; GVA_{R_i} – валовая добавленная стоимость по виду экономической деятельности i ; NE_{M_i} , NE_{R_i} – среднесписочная численность работников организаций в муниципальном образовании и регионе по виду экономической деятельности i ; AW_{M_i} , AW_{R_i} – среднемесячная заработная плата работников организации в муниципальном образовании и регионе по виду экономической деятельности i .

Следующим шагом первого этапа является *анализ уровня асимметрии устойчивого развития* муниципальных образований приграничного региона. Асимметричность является сигналом для органов государственной власти о необходимости разработки и реализации политики, направленной на снижение диспропорций пространственного развития региона. Это обстоятельство во многом определяет необходимость детальной и глубокой оценки процессов, складывающихся в муниципальных образованиях регионов².

Б. Л. Лавровский и В. В. Масаков выделяют три типа регионального развития: «асимметричный (дисгармоничный), при котором территории, имеющие относительное преимущество по тому или иному показателю в начале периода, в дальнейшем его наращивают, при этом отставание других увеличивается; сим-

¹ Гафарова Е. А. Валовой муниципальный продукт как показатель уровня экономического развития муниципальных образований региона (на материалах Республики Башкортостан) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2017. Т. 10, № 4. С. 91–103.

² Дьяченко В. Н., Бурлаев Е. А., Лазарева В. В. Развитие территориальной асимметрии в формировании населения муниципальных образований Амурской области // Экономика и предпринимательство. 2017. № 9 2(86). С. 371–377.

метричный (гармоничный) – разрыв в уровне показателей сокращается; нейтральный – соотношение в уровне показателей в течение периода остается неизменным»¹.

При оценке уровня асимметрии исследователями применяются различные методические подходы (приложение Г). Для анализа уровня асимметрии в работе использован метод вариационного анализа, пользующийся значительной популярностью в научных исследованиях².

Важным достоинством подхода является высокая степень достоверности и точности получаемых результатов в силу детальной проработки соответствующих методов в статистической литературе. Для оценки асимметричности устойчивого развития муниципальных образований приграничного региона рассчитаны следующие показатели.

1. Среднее значение – показывает типичное значение (меру центральной тенденции) рассматриваемого социально-экономического показателя. Для объемных показателей рассчитывается по формуле (2), для удельных показателей – по формуле (3)³:

$$\bar{x} = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N x_i, \quad (2)$$

где \bar{x} – среднее значение; x_i – значение показателя по i -му району; N – количество анализируемых территориальных единиц;

¹ Лавровский Б. Л., Масаков В. В., Лавровский Б. Л. К вопросу о методологии и технике региональной классификации // Региональная политика, направления на сокращение социально-экономической и правовой асимметрии: сб. тр. / под ред. В. Е. Селиверстова. Новосибирск : НГТУ, 2000. Вып. 2. С. 65–86.

² См., например: Оценка потенциала саморазвития муниципальных образований: теория и практика : монография / И. Д. Тургель, А. А. Победин, О. М. Трофимова и др. Екатеринбург : УрИ РАНХиГС, 2012. 212 с.; Польшин А. О. Межрегиональная экономическая дифференциация: методология анализа и государственного регулирования. М. : УРСС, 2003. 208 с.; Проект СИРЕНА: методы измерения и оценки региональной асимметрии / В. И. Клисторин, А. М. Поздняков, Л. М. Самков и др. ; под ред. С. А. Суспицына. Новосибирск : Изд-во ИЭиОПП СО РАН, 2002, 248 с.

³ Елисеева И. И., Юзбашев М. М. Общая теория статистики / под ред. И. И. Елисеевой. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Финансы и статистика, 2004. С. 120.

$$\bar{x} = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N x_i a_i, \quad (3)$$

где a_i – вес района i , рассчитываемый по формуле (4):

$$a_i = \frac{p_i}{P}, \quad (4)$$

где p_i – численность населения района i ; P – суммарная численность населения всех районов.

2. Среднеквадратическое отклонение – показывает, на сколько в целом значения отклоняются от общего по рассматриваемой совокупности. Соответственно, чем выше данная величина, тем выше степень асимметрии.

Для объемных и удельных показателей стандартное отклонение рассчитывается по формуле (5)¹:

$$\partial = \sqrt{\frac{1}{N} \sum_{i=1}^N [x_i - \bar{x}]^2}, \quad (5)$$

где ∂ – среднеквадратическое отклонение; \bar{x} – среднее значение; x_i – значение показателя по i -му району.

3. Коэффициент вариации – показывает, сколько процентов от среднего составляет стандартное отклонение, т. е. каковы (в целом) колебания значений признака в процентах от среднего значения (формула (6)):

$$V = \frac{\partial}{\bar{x}}, \quad (6)$$

где V – коэффициент вариации.

¹ Елисеева И. И., Юзбашев М. М. Общая теория статистики / под ред. И. И. Елисеевой. 5 е изд., перераб. и доп. М. : Финансы и статистика, 2004. С. 140.

В статистике совокупности, имеющие стандартное отклонение более чем 1/3 среднего значения, т. е. коэффициент вариации больше 33 %, принято считать неоднородными.

4. Коэффициенты асимметрии и эксцесса – являются мерами расхождения фактических данных и нормального распределения и рассчитываются по формулам (7) и (8)¹:

$$A = \frac{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^3 x_i}{\partial^3 \sum_{i=1}^n x_i}, \quad (7)$$

где A – коэффициент асимметрии;

$$E = \frac{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^4 x_i}{\partial^4 \sum_{i=1}^n x_i}, \quad (8)$$

где E – коэффициент эксцесса.

Важным шагом первого этапа методики является *оценка уровня устойчивого развития муниципальных образований региона*. При определении уровня устойчивого развития муниципальных образований автором предлагается использовать классификацию Р. Тернера², адаптированную нами с учетом выбранных показателей состояния³, а также целей и приоритетов этапов перехода к устойчивому развитию, рассмотренных нами в п. 1.3⁴.

¹ Елисеева И. И., Юзбашев М. М. Общая теория статистики / под ред. И. И. Елисеевой. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Финансы и статистика, 2004. С. 154.

² Turner R., Pearce D., Bateman I. Environment and ethics // Environmental Economics. Baltimore : The John Hopkins University Press, 1993. P. 28–40.

³ Лазарева В. В. Методика оценки устойчивого развития муниципальных образований дальневосточного приграничья // Российский экономический интернет-журнал. 2018. № 4. Режим доступа : <http://www.e-rej.ru/Articles/2018/Lazareva.pdf>.

⁴ Управление сбалансированным развитием территориальных систем: вопросы теории и практики : монография / под ред. А. И. Татаркина. Челябинск : ЧелГУ, 2016. С. 54.

Так как устойчивое развитие предполагает поступательное социо-эколого-экономическое развитие, необходимо рассчитать среднегодовые темпы прироста показателей за исследуемый период. Среднегодовой темп прироста исчисляется в следующей последовательности:

1) по формуле (9) определяем коэффициенты роста цепные, которые показывают относительную скорость изменения временного ряда¹:

$$k_{p.ц} = \frac{y_i}{y_{i-t}}, \quad (9)$$

где $k_{p.ц}$ – коэффициент роста цепной; y_i – значения показателя сравниваемого периода; y_{i-t} – значения показателя предшествующего периода;

2) рассчитываем среднегодовой коэффициент роста по формуле средней геометрической (формула (10))²:

$$\overline{k_{p.ц}} = \sqrt[n]{k_{p.ц_1} \times k_{p.ц_2} \times k_{p.ц_n}}, \quad (10)$$

где $\overline{k_{p.ц}}$ – среднегодовой коэффициент роста цепной; n – число коэффициентов;

3) определяем среднегодовой темп прироста по формуле (11)³:

$$\overline{T_{пр}} = \overline{k_{p.ц}} - 1, \quad (11)$$

где $\overline{T_{пр}}$ – среднегодовой темп прироста. При $\overline{T_{пр}} > 0$ значения показателя в рассматриваемый период имеют тенденцию к увеличению; $\overline{T_{пр}} = 0$ – значения показателя в рассматриваемый период стабильны; $\overline{T_{пр}} < 0$ – значения показателя в рассматриваемый период имеют тенденцию к снижению.

¹ Елисеева И. И., Юзбашев М. М. Общая теория статистики / под ред. И. И. Елисеевой. Общая теория статистики перераб. и доп. М. : Финансы и статистика, 2004. С. 453.

² Там же.

³ Там же.

С учетом рассчитанных среднегодовых темпов прироста типологизируем муниципальные образования по следующим критериям (рисунок 9).

Рисунок 9 – Критерии определения уровня устойчивого развития муниципальных образований приграничного региона

Результатом первого этапа методики является оценка уровня асимметрии устойчивого развития муниципальных образований приграничного региона, определение величины разрыва по отдельным показателям, определение динамики процессов усиления территориальной асимметрии, выделение типов муниципальных образований приграничного региона по уровню устойчивого развития.

Учитывая специфику развития муниципальных образований, административные границы которых совпадают с государственной границей, определяемую рядом факторов, которые были подробно охарактеризованы в п. 1.3, в качестве

объекта второго этапа методики были выбраны только приграничные муниципальные образования, а в качестве цели определена диагностика детерминант устойчивого развития, позволяющая выделить типы приграничных муниципальных образований по схожести проблемных мест и определить возможные направления их решения с учетом имеющегося потенциала.

Важно отметить, что приграничные муниципальные образования, будучи определенной типологической группой, в свою очередь, значительно неоднородны, что определяет неравномерность их развития, а также характер возникающих проблем. С учетом данного обстоятельства первым шагом второго этапа является *типология приграничных муниципальных образований по качественным признакам*.

К настоящему времени советской, российской и зарубежной наукой накоплен определенный опыт построения различных типологий. При этом при построении типологий используют два подхода. Первый основывается на выборе критериев отнесения объектов к уже известным типам. Второй подход предполагает описание объектов по набору характеристик, а затем объединение близких по параметрам в одну группу. Поскольку эти подходы имеют ряд недостатков, при построении типологии в работе оба подхода интегрированы.

Типология приграничных муниципальных образований основывается на авторской гипотезе значительного влияния на способность к устойчивому развитию таких факторов, как положение в системе расселения и условий жизнедеятельности, а также характер государственной границы и наличие действующей приграничной инфраструктуры.

Диагностика детерминант устойчивого развития предполагает определение системы индикаторов. В данном случае наиболее подходящим подходом к построению системы индикаторов является использование структуры «тема/проблема – индикатор».

При отборе индикаторов автор исходил из следующих требований: «мультифакторность, т. е. отражать влияние нескольких тенденций одновременно; интерпретация результатов должна быть понятна для лиц, принимающих решения;

индикатор должен количественно выражать состояние объекта анализа; давать возможность четко определить направленность происходящих изменений (положительная или отрицательная); формироваться преимущественно на основе существующей системы национальной статистики при сравнительно простой процедуре сбора информации и расчетов; давать возможность оценки объекта обследования в динамике»¹.

Выявление проблемных мест определяет необходимость оценки выбранных индикаторов относительно эталонных значений. В качестве эталонного значения приняты пороговые значения по предложенным индикаторам, которые выбраны таким образом, чтобы соответствовать нормативам и средним значениям соответствующих показателей в России (таблица 5).

Таблица 5 – Индикаторы состояния отдельных элементов подсистем и их пороговые значения

Индикаторы, их пороговые значения	Характеристика	Обоснование выбора индикатора
Естественный прирост (убыль) на 1 000 населения, ‰ ($S_1 < 1,2$)	Характеризует превышение родившихся над умершими в расчете на 1 000 чел. населения	Значение индикатора ниже порогового значения свидетельствует о низком уровне жизни населения
Удельный вес населения в возрасте 60 лет и старше в общей численности населения, % ($S_2 > 12$)	Показывает нагрузку на население территории непроизводительным населением	Значение индикатора выше порогового свидетельствует о старении населения и создает проблему трудоустройства экономики
Покупательная способность заработной платы, раз ($S_3 < 3,5$)	Определяет отношение номинальной средней заработной платы к величине прожиточного минимума в среднем на душу населения	Значение индикатора ниже порогового свидетельствует о низком уровне обеспеченности базовых потребностей населения
Отношение затрат на охрану окружающей среды к объему ВМП, % ($N_2 < 1,5$)	Характеризует соотношение общего объема затрат на охрану окружающей среды и ВМП	Значение индикатора ниже порогового свидетельствует о разбалансированности экологических и экономических интересов
Отношение инвестиций в экономику к объему ВМП, % ($E_1 < 25$)	Показывает долю инвестиций в ВМП	Значение индикатора ниже порогового свидетельствует о нарушении воспроизводственного процесса

¹ Фролов В. И., Агафонова Е. О. Методические подходы к разработке показателей устойчивого развития сельских территорий // Экономическое возрождение России. 2011. № 4(30). С. 76–89.

Продолжение таблицы 5

Индикаторы, их пороговые значения	Характеристика	Обоснование выбора индикатора
Бюджетная обеспеченность в расчете на 1 жителя, р. ($E_2 < \text{среднее по МО}$)	Фактические объемы бюджетных средств, направляемых на финансирование социально-экономического развития территории	Значение индикатора ниже порогового свидетельствует о низком уровне удовлетворения минимальных муниципальных социальных стандартов
Уровень безработицы, % ($E_3 > 4$)	Показывает долю незанятого населения, зарегистрированного в органах службы занятости и получающего пособие по безработице, в общей численности экономически активного населения	Превышение порогового значения выступает важной причиной бедности населения
Примечание. Составлено автором по: Дворядкина Е. Б., Новикова Н. В. Экономическая безопасность. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2010. 177 с.; Кораблева А. А., Карпов В. В. Индикаторы экономической безопасности региона // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2017. № 3(23). С. 36–42; Митяков С. Н., Митяков Е. С., Романова Н. А. Экономическая безопасность регионов Приволжского федерального округа // Экономика региона. 2013. № 3(35). С. 81–91; Сенчагов В. К., Максимов Ю. М., Митяков С. Н., Митякова О. И. Инновационные преобразования как императив экономической безопасности региона: система индикаторов // Инновации. 2011. № 5. С. 56–61; Леонтьева А. Г. Демографические аспекты социальной защиты населения региона // Экономика региона. 2012. № 2. С. 320–326.		

Следующим шагом является построение типологии приграничных муниципальных образований по схожести проблематики развития отдельных элементов подсистем устойчивого развития с использованием методов многомерного анализа.

Позиционирование выполнено посредством многомерной классификации на основе иерархического метода кластерного анализа¹. Его достоинство заключается в том, что он «позволяет производить разбиение объектов не по одному параметру, а по целому набору признаков. Кроме того, в отличие от большинства математико-статистических методов, он не накладывает никаких ограничений на

¹ Задача кластерного анализа заключается в том, чтобы на основании данных, содержащихся во множестве X , разбить множество объектов $X_i \in X$ на m (m – целое) кластеров (подмножеств) Q_1, Q_2, \dots, Q_m так, чтобы каждый объект X_j принадлежал одному и только одному подмножеству разбиения (кластеру Q_i) и чтобы объекты, принадлежащие одному и тому же кластеру, были сходными, а объекты, принадлежащие разным кластерам, – разнородными. Иерархические алгоритмы связаны с построением дендрограмм и делятся на агломеративные, характеризующиеся последовательным объединением исходных элементов и соответствующим уменьшением числа кластеров, и дивизимные (делимые), в которых число кластеров возрастает, в результате чего образуется последовательность расщепляющихся групп.

вид рассматриваемых объектов и позволяет рассматривать множество практически произвольно взятых исходных данных»¹.

В качестве метода кластерного анализа в работе использован метод Варда², наряду с которым применяют меру расстояния – квадрат евклидова расстояния³. Процедура кластеризации выполнена с помощью пакета прикладных программ STATISTICA 13.0. Для анализа изменения состава кластеров приграничных муниципальных образований процедура кластеризации проведена по данным за период 2007–2017 гг. Для ряда показателей данные за 2017 г. взяты из прогноза социально-экономического развития Амурской области.

Поскольку показатели измеряются в различных единицах, а обязательным условием анализа является сопоставимость и однородность данных, то на следующем этапе происходит их нормирование. В работе использован способ нормирования, учитывающий величину допустимых отклонений показателей от нормы, но использующий при этом имеющиеся границы нормы для показателей (формула (12)):

$$S_{ij} = \begin{cases} 1 - \frac{x_{j_{norm}} - x_{ij}}{x_{j_{norm}} - x_{j_{min}}}, & x_{ij} < x_{i_{norm}}, x_{j_{norm}} > x_{j_{min}}; \\ 1 - \frac{x_{ij} - x_{j_{norm}}}{x_{j_{max}} - x_{j_{norm}}}, & x_{ij} > x_{i_{norm}}, x_{j_{max}} > x_{j_{norm}}; \\ 1, & x_{ij} = x_{j_{norm}}, \end{cases} \quad (12)$$

¹ Близоруков М. Г. Статистические методы анализа рынка. Екатеринбург : Ин-т управления и предпринимательства Урал. гос. ун-та, 2008. С. 30.

² Метод Варда минимизирует сумму квадратов для любых двух (гипотетических) кластеров, которые могут быть сформированы. На каждом шаге объединяются такие два кластера, которые приводят к минимальному увеличению целевой функции, т. е. внутригрупповой суммы квадратов. Этот метод направлен на объединение близко расположенных кластеров и имеет тенденцию к нахождению (или созданию) кластеров приблизительно равных размеров и имеющих гиперсферическую форму. В целом метод представляется очень эффективным, однако он стремится создавать кластеры малого размера.

³ Данная мера расстояния используется в тех случаях, когда требуется придать большее значение более отдаленным друг от друга объектам. Это расстояние вычисляется следующим

образом:
$$P = \sum_{i=1}^n (A_i - B_i)^2.$$

где S_{ij} – нормированный коэффициент j -го показателя i -го муниципального образования; x_{ij} – значение j -го показателя i -го муниципального образования в исходной шкале; $x_{j_{\min}}$, $x_{j_{\max}}$ – минимальное и максимальное значение j -го показателя по всем МО; $x_{i_{norm}}$ – «эталонное» значение j -го показателя.

Таким образом, нормированные показатели можно интерпретировать следующим образом: при $S_{ij} \geq 1$ состояние элемента способствует устойчивому развитию подсистемы (отсутствие проблем); при $0 < S_{ij} < 1$ изменения элемента носят деструктивный характер (наличие проблемы); при $S_{ij} = 0$ для элемента подсистемы характерно кризисное состояние, угроза целостности подсистемы.

На основе полученных кластеров рассчитаны средние значения нормированных индикаторов и построены лепестковые диаграммы для наглядной интерпретации полученных результатов.

Результатом второго этапа предложенной методики является выделение типов приграничных муниципальных образований по схожести проблемных мест, препятствующих устойчивому развитию. Полученные результаты позволяют сформулировать общие рекомендации по решению проблем в целях обеспечения устойчивого развития выделенных типов.

Таким образом, разработанная методика оценки и выявления особенностей устойчивого развития муниципальных образований приграничного региона позволит определить уровень асимметрии развития муниципальных образований приграничного региона, оценить уровень их устойчивого развития, диагностировать проблемы приграничных муниципальных образований и определить возможные направления их решения с учетом имеющегося потенциала.

Данная методика отличается универсальностью и может быть использована при оценке устойчивого развития муниципальных образований приграничных субъектов РФ. Апробация предложенной методики проведена на примере муниципальных образований субъекта Федерации, входящего в состав ДВФО. К субъектам Федерации, входящим в состав ДВФО, на территории которых расположены дальневосточные приграничные территории, относятся Приморский и Хабаров-

ский края, Амурская область и Еврейская автономная область¹. Наличие принципиально различных отношений на морских и сухопутных границах, характер и масштабы приграничного сотрудничества, складывающегося в приграничных субъектах, делают их в значительной мере уникальными объектами исследования. В качестве объекта исследования выбрана Амурская область, имеющая самую протяженную границу с КНР. Отсутствие в исследовании подхода, основанного на сравнении муниципальных образований разных приграничных регионов, объясняется тем, что сочетание природно-климатических условий, социально-экономических факторов, функций границ и взаимоотношений, складывающихся между сопредельными государствами, делает каждый из приграничных регионов уникальным.

Выбор Амурской области в качестве объекта исследования обусловлен тем, что складывающиеся в рамках региона территориальные различия дополняются сохранявшимся до последнего времени сочетанием различных режимов границы, наличием действующей приграничной инфраструктуры².

2.2 Типология муниципальных образований приграничного региона по уровню устойчивого развития

Анализ уровня асимметрии устойчивого развития муниципальных образований приграничного региона.

Приступая к анализу складывающейся асимметрии устойчивого развития муниципальных образований региона, в первую очередь необходимо хотя бы

¹ Об утверждении Концепции развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа и Байкальского региона : распоряжение от 28 октября 2015 г. № 2193-р.

² Лазарева В. В. Методика оценки устойчивого развития муниципальных образований дальневосточного приграничья // Российский экономический интернет-журнал. 2018. № 4. Режим доступа : <http://www.e-rej.ru/Articles/2018/Lazareva.pdf>; Лазарева В. В., Власова Н. Ю., Дьяченко В. Н. Неравномерность развития муниципальных образований дальневосточного приграничья // Известия Уральского государственного экономического университета. 2019. Т. 20, № 1. С. 61–77.

кратко охарактеризовать его особенности с точки зрения существования так называемой естественной асимметрии, включающей в себя различия отдельных его частей по природно-климатическим показателям, географическому положению, обеспеченности природными ресурсами, степени освоенности территории. Другими словами, речь идет о тех характеристиках территории, которые в рамках новой экономической географии принято называть факторами «первой природы»¹.

Амурская область, занимая 13-е место по площади среди субъектов Федерации, имеет значительную протяженность как с севера на юг, так и с запада на восток. Рельеф территории области формируют горы и равнины. В области достаточно много заболоченных земель и болот. Сельскохозяйственные угодья занимают 7,6 % всех земель, пашня – 3,5 %. Амурская область относится к многолесистой территории (лесистость 64 %). Леса на всей территории горные, более половины растет на вечной мерзлоте, остальные – на почвах с длительной сезонной мерзлотой, лесистость уменьшается с севера на юг. В средней и северной частях Амурской области – островная многолетняя мерзлота максимальной мощностью 70–80 м.

Амурская область располагается на юге Дальнего Востока, что определяет значительное разнообразие природно-климатических условий и ресурсного потенциала в направлении «север – юг». Около 80 % территории занимает Север Амурской области. Суровые природно-климатические условия предопределяют значительные инфраструктурные ограничения для дальнейшего развития минерально-сырьевой и лесосырьевой базы. Юг области является более промышленно и инфраструктурно развитым, здесь расположен административный центр области – город Благовещенск, являющийся научным, образовательным, культурным центром.

В области выделяются южная², центральная¹, северная² и горно-таежная³ зоны, границы которых совпадают с природными зонами специфических агрокли-

¹ Дьяченко В. Н., Бурлаев Е. А., Лазарева В. В. Развитие территориальной асимметрии в формировании населения муниципальных образований Амурской области // Экономика и предпринимательство. 2017. № 9-2(86). С. 371–377.

² Южная зона: Архаринский МР, Белогорский МР, Благовещенский МР, Ивановский МР, Константиновский МР, Михайловский МР, Тамбовский МР, ГО Благовещенск, ГО Белогорск.

матических условий. Различия природно-климатических условий в выделенных зонах во многом определили дифференциацию муниципальных образований по уровню хозяйственной освоенности и заселенности территории. Для муниципальных образований, расположенных в южной зоне, занимающей 8,4 % площади региона и сосредотачивающей более 50 % населения области, плотность населения составляет 13,8 чел. на 1 км². Для муниципальных образований северной зоны, занимающей 60,1 % площади региона, на территории которой проживает 12,7 % населения, плотность населения составляет 0,5 чел. на 1 км². Благоприятные природно-климатические условия южной и центральной зон предопределили развитие промышленного и сельскохозяйственного производства. Северная и горно-таежная зона отличаются суровыми условиями для проживания и ведения сельского хозяйства и значительными запасами природных ресурсов. Основу экономики данных зон составляет золотодобыча и лесозаготовка. Специализация сельскохозяйственного производства – животноводство и производство кормового зерна. Следует отметить, что значительную роль в экономике этих зон играет железнодорожный транспорт⁴.

Одним из важнейших факторов, определяющих тенденции в развитии Амурской области в целом и ее муниципальных образований в частности, является ее положение как региона, граничащего с Китаем. С учетом критериев отнесения территорий к приграничным, определенных в п. 1.1 настоящей работы, к приграничным относятся 10 муниципальных районов и 3 городских округа, занимающие 1/4 территории области (рисунок 10).

¹ Центральная зона: Бурейский МР, Завитинский МР, Октябрьский МР, Ромненский МР, Серышевский МР, Свободненский МР, ГО Прогресс, ГО Райчихинск, ГО Свободный, ЗАТО Циалковский.

² Северная зона: Зейский МР, Мазановский МР, Шимановский МР, ГО Зея, ГО Шимановск.

³ Горно-таежная зона: Магдагачинский МР, Селемджинский МР, Сковородинский МР, Тындинский МР, ГО Тында.

⁴ Дьяченко В. Н. Пространственная дифференциация условий жизни как фактор привлекательности российско-китайского приграничья // Управление экономическими системами. 2016. № 9(91). Режим доступа : <http://uecs.ru/demografiya/item/4085-2016-09-08-11-20-44>.

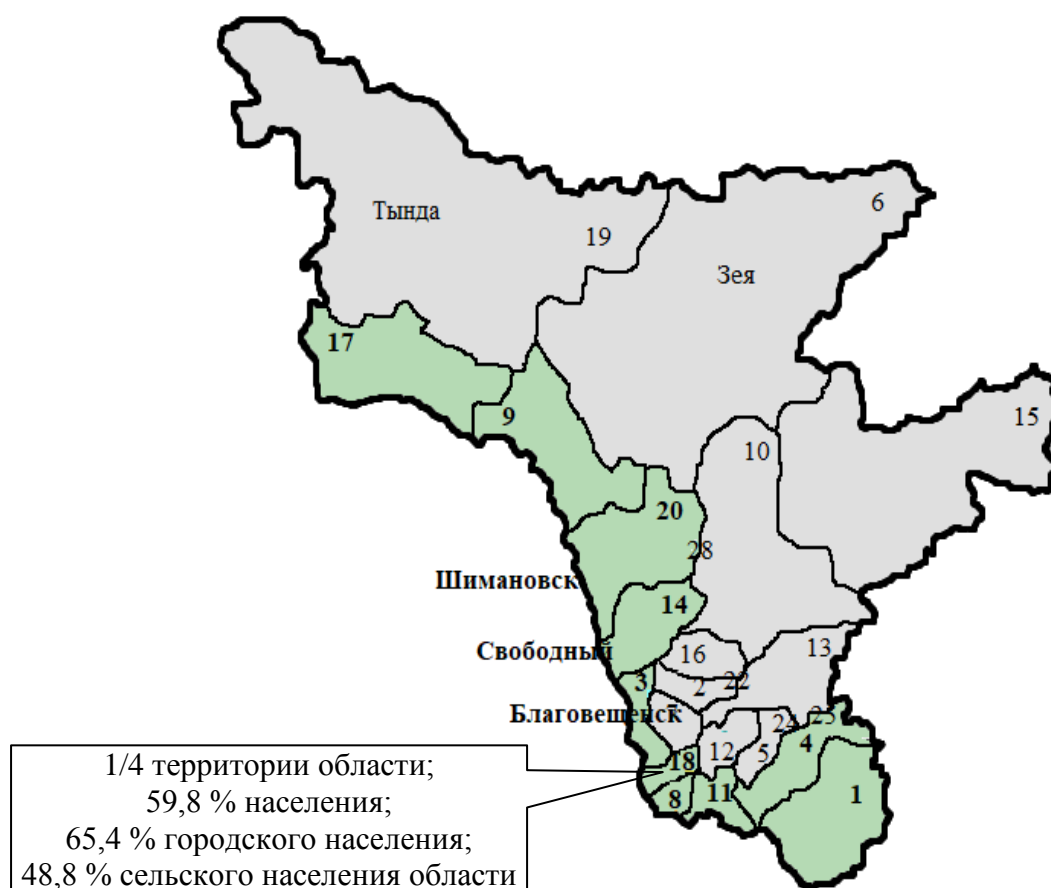

Рисунок 10 – Муниципальные образования Амурской области:

- 1** – Архаринский район; **2** – Белогорский район; **3** – Благовещенский район; **4** – Бурейский район;
5 – Завитинский район; **6** – Зейский район; **7** – Ивановский район; **8** – Константиновский район;
9 – Магдагачинский район; **10** – Мазановский район; **11** – Михайловский район;
12 – Октябрьский район; **13** – Ромненский район; **14** – Свободненский район;
15 – Селемджинский район; **16** – Серышевский район; **17** – Сковородинский район;
18 – Тамбовский район; **19** – Тындинский район; **20** – Шимановский район; **21** – ГО Благовещенск;
22 – ГО Белогорск; **23** – ГО Зeya; **24** – ГО Прогресс; **25** – ГО Райчихинск; **26** – ГО Свободный;
27 – ГО Тында; **28** – ЗАТО Циалковский; **29** – ГО Шимановск

Рассматривая переход к устойчивому развитию муниципальных образований приграничного региона как последовательную смену целей и приоритетов, от адаптивного этапа («очень слабой устойчивости») к сбалансированному этапу («сильной устойчивости»), в первую очередь необходимо оценить *экономический потенциал муниципальных образований и их конкурентоспособность, используя показатель «валовой муниципальный продукт на душу населения».*

В таблице 6 представлены данные, характеризующие уровень асимметрии муниципальных образований приграничного региона по данному показателю.

Таблица 6 – Уровень асимметрии приграничных муниципальных образований Амурской области по показателю «валовой муниципальный продукт на душу населения»

Год	Среднее значение	Минимум	Максимум	Размах	Стандартное отклонение	Коэффициент вариации	Асимметрия	Экссесс
2007	86,4	13,3	323,4	310,1	72,5	84,0	1,6	2,8
2008	103,1	17,3	426,1	408,8	97,6	94,7	1,9	3,6
2009	118,7	19,7	590,6	570,9	125,2	105,4	2,5	7,2
2010	154,2	29,2	668,3	639,2	153,4	99,5	2,1	4,3
2011	201,8	40,5	827,0	786,4	215,6	106,8	2,1	3,6
2012	206,2	43,7	814,1	770,4	207,8	100,8	2,1	3,7
2013	187,9	49,4	633,9	584,6	160,9	85,6	1,9	2,9
2014	209,7	49,9	721,0	671,1	177,8	84,8	1,8	2,7
2015	287,5	48,3	1 279,0	1 230,7	314,2	109,3	2,2	4,3
2016	300,0	46,7	1 282,7	1 236,0	325,2	108,4	2,2	4,4
2017	303,2	45,4	1 295,6	1 250,2	329,4	108,6	2,2	4,4
<i>В среднем</i>	<i>196,2</i>	<i>36,7</i>	<i>805,6</i>	<i>768,9</i>	<i>198,1</i>	<i>98,9</i>	<i>2,1</i>	<i>4,0</i>

Примечание. Рассчитано автором по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst10/DBInet.cgi>; Амурский статистический ежегодник, 2018 : стат. сб. / Амурстат. Благовещенск, 2018. 416 с.; Прогноз социально-экономического развития Амурской области на 2017 г. и на плановый период 2018 и 2019 гг. Режим доступа : https://www.amurobl.ru/upload/iblock/9a6/Prognoz-sotsialno_ekonomicheskogo-razvitiya-oblasti-na-2017-god-i-na-period-do-2019-goda.pdf.

По показателю «валовой муниципальный продукт на душу населения» среди муниципальных образований Амурской области присутствует значительная асимметрия, которая сохранялась в течение исследуемого периода. В среднем за исследуемый период коэффициент вариации составил 98,9 %. Разрыв по данному показателю между минимальным и максимальным значением составляет почти 22 раза. При этом наблюдается ежегодное увеличение разрыва.

За весь исследуемый период в число муниципальных образований с уровнем ВМП на душу населения выше среднего показателя попали пять муниципальных районов, в том числе три приграничных (Бурейский МР, Магдагачинский МР, Сковородинский МР), и три городских округа, один из которых является приграничным (ГО Благовещенск). Динамика значений валового муниципального продукта на душу населения муниципальных образований в сравнении со средними по выборке представлена в таблице Д.1 (приложение Д).

Характеризуя экономический потенциал данных муниципальных образований, следует учитывать, что структура их экономик различна. В муниципальных районах горно-таежной зоны ведущей отраслью экономики является промышленность. Так, в Магдагачинском и Сковородинском районах это добыча полезных ископаемых, а также лесозаготовки. В Бурейском районе, расположенном в центральной зоне, – производство электроэнергии, кранов мостовых, кранов козловых, теплоэнергии, камня, щебня, а также сельское хозяйство.

В городской округ Благовещенск входит семь населенных пунктов, включая Благовещенск, являющийся административным, торговым, культурным, научным и транспортным центром. Здесь производятся широкая номенклатура пищевых продуктов, электрическая и тепловая энергия, издательская и полиграфическая продукция, электрооборудование, разнообразные строительные материалы и мебель. Кроме этого, здесь сосредоточена приграничная инфраструктура, обеспечивающая 98 % внешнеторгового оборота области.

Значение коэффициента асимметрии за период говорит о правосторонней асимметрии. За весь период исследования абсолютное значение показателя превышает 1, что говорит о сильной скошенности распределения (рисунок 11).

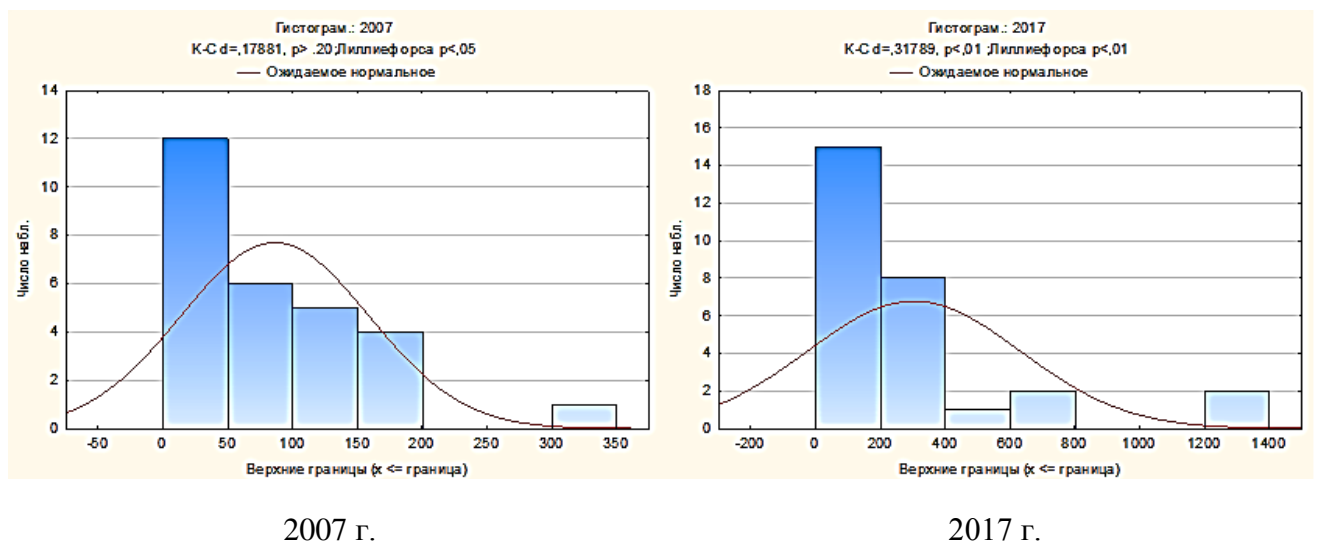

Рисунок 11 – Гистограммы распределения муниципальных образований по показателю ВМП на душу населения в 2007 и 2017 гг.

Коэффициент эксцесса за исследуемый период указывает на то, что распределение было островершинным (показатель положительный). Абсолютное значение коэффициента эксцесса свидетельствует о значительной крутизне. В целом по показателю «валовой муниципальный продукт на душу населения» в 2007–2017 гг. отмечается тенденция увеличения асимметрии между муниципальными образованиями Амурской области.

Важным показателем, характеризующим тренды развития экономики в средне- и долгосрочной перспективе, является *объем инвестиций в основной капитал на душу населения*.

В таблице 7 представлены данные, характеризующие уровень асимметрии муниципальных образований по показателю инвестиций в основной капитал за счет всех источников финансирования на душу населения.

Таблица 7 – Уровень асимметрии муниципальных образований по показателю «инвестиции в основной капитал за счет всех источников финансирования на душу населения»

Год	Среднее значение	Минимум	Максимум	Размах	Стандартное отклонение	Коэффициент вариации	Асимметрия	Эксцесс
2007	19,7	0,2	229,2	229,1	47,6	241,8	3,8	15,0
2008	25,9	0,2	201,3	201,1	50,1	193,6	2,7	6,5
2009	31,7	0,5	258,0	257,5	61,7	194,8	2,6	6,7
2010	32,1	1,7	228,7	227,0	50,7	157,7	2,6	7,9
2011	40,1	1,9	169,6	167,7	52,7	131,5	1,6	1,4
2012	49,1	1,2	357,9	356,7	82,6	168,2	2,7	7,5
2013	44,7	1,9	257,5	255,6	59,6	133,1	2,2	5,4
2014	60,1	0,4	430,3	429,9	93,1	154,8	2,8	9,0
2015	71,8	0,5	628,1	627,7	126,7	176,3	3,4	14,1
2016	160,5	1,0	1 448,2	1 447,3	292,7	182,4	3,4	14,1
2017	373,0	0,9	3 507,4	3 506,5	778,9	208,8	3,0	9,8
<i>В среднем</i>	<i>82,6</i>	<i>0,9</i>	<i>701,5</i>	<i>700,5</i>	<i>154,2</i>	<i>176,6</i>	<i>2,8</i>	<i>8,9</i>

Примечание. Рассчитано автором по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst10/DBInet.cgi>; Амурский статистический ежегодник, 2018 : стат. сб. / Амурстат. Благовещенск, 2018. 416 с.

По данному показателю среди муниципальных образований Амурской области присутствует значительная асимметрия, которая сохранялась в течение исследуемого периода.

В среднем за исследуемый период коэффициент вариации составил 176,6 %. Разрыв по данному показателю между минимальным и максимальным значением составляет почти 780 раз. При этом наблюдается ежегодное увеличение разрыва.

За весь исследуемый период в число муниципальных образований с уровнем выше среднего показателя попали пять муниципальных районов, в том числе четыре приграничных (Бурейский МР, Магдагачинский МР, Свободненский МР, Сковородинский МР), и три городских округа, один из которых является приграничным (ГО Благовещенск).

Динамика значений показателя инвестиций в основной капитал за счет всех источников финансирования на душу населения муниципальных образований в сравнении со средними по выборке представлена в таблице Д.2 (приложение Д).

Высокие показатели обеспечены за счет реализации на данных территориях крупных инвестиционных проектов, финансируемых крупными корпорациями или осуществляемых за счет бюджетных инвестиций (строительство Бурейской и Нижне-Бурейской ГЭС, нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан», участков федеральных автодорог «Амур» и «Лена», строительство и реконструкция объектов железнодорожного транспорта (среди них подъездной путь к Эльгинскому угольному месторождению, мосты через р. Зею, р. Бурею), космодром «Восточный», строительство Амурского газоперерабатывающего завода и др.).

Положительное значение коэффициента асимметрии говорит о правосторонней асимметрии. За исследуемый период абсолютное значение выше 1, что говорит о сильной скошенности распределения. Это связано со значительным отрывом нескольких указанных выше муниципальных образований от основной массы муниципальных образований области (рисунок 12).

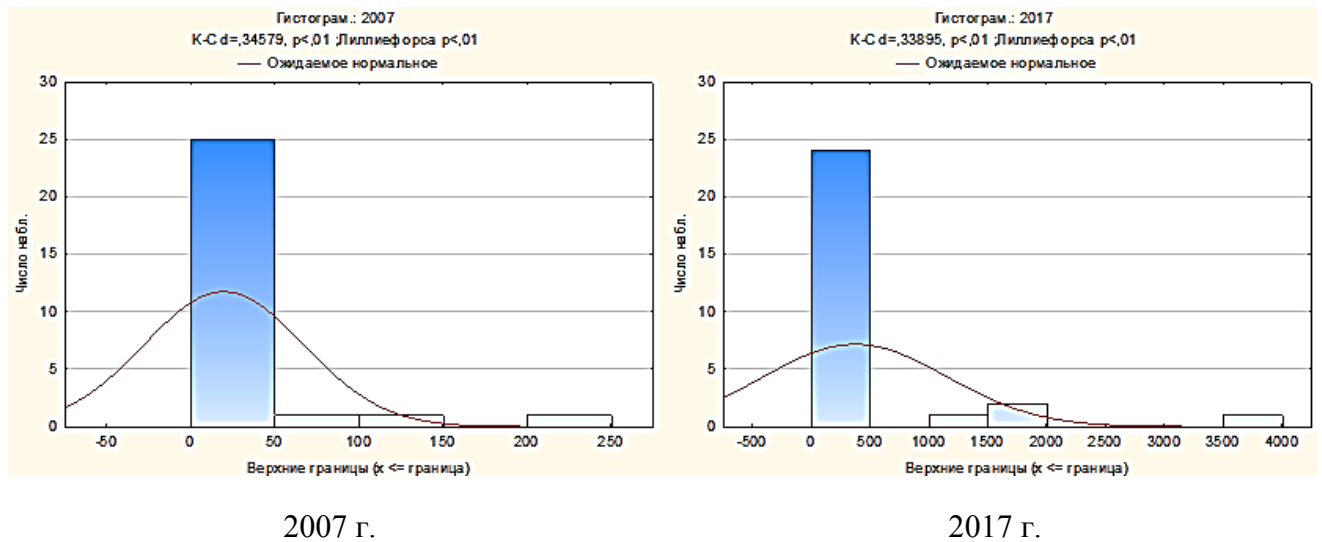

Рисунок 12 – Гистограммы распределения муниципальных образований по показателю «инвестиции в основной капитал за счет всех источников финансирования на душу населения» в 2007 и 2017 гг.

Коэффициент эксцесса за исследуемый период указывает на то, что распределение было островершинным (показатель положительный). Абсолютное значение коэффициента эксцесса свидетельствует о значительной крутизне. В целом по показателю инвестиций в основной капитал за счет всех источников финансирования на душу населения в 2007–2017 гг. отмечается тенденция увеличения асимметрии между муниципальными образованиями Амурской области.

Одним из важнейших показателей, характеризующих устойчивое развитие территории, является *показатель миграционного прироста населения*. Данный показатель характеризует уровень привлекательности территории как места проживания, обеспечивающий комфортное существование, приемлемый для местного населения и делающий данный территориальный объект привлекательным для потенциальных мигрантов.

В таблице 8 представлены данные, характеризующие уровень асимметрии муниципальных образований по показателю миграционного прироста (оттока).

Таблица 8 – Уровень асимметрии муниципальных образований Амурской области по показателю «миграционный прирост (отток)»

Год	Среднее значение	Минимум	Максимум	Размах	Стандартное отклонение	Коэффициент вариации	Асимметрия	Эксцесс
2007	-3,04	-16,70	11,50	28,20	8,18	-269,11	0,07	0,98
2008	-4,23	-13,10	16,80	29,90	6,57	-155,27	1,08	2,55
2009	-3,13	-13,10	12,80	25,90	5,29	-169,27	0,90	1,77
2010	-6,31	-21,70	16,90	38,60	7,99	-126,52	0,65	1,34
2011	-11,51	-34,40	22,40	56,80	13,61	-118,21	0,73	0,43
2012	-9,99	-34,90	31,80	66,70	12,11	-121,16	1,32	4,50
2013	-13,35	-34,60	37,20	71,80	13,40	-100,31	2,13	6,98
2014	-9,49	-30,50	67,10	97,60	18,19	-191,70	2,94	11,64
2015	-5,99	-17,60	52,00	69,60	12,97	-216,67	3,46	15,33
2016	-6,41	-25,80	50,80	76,60	12,75	-198,89	3,36	15,73
2017	-5,34	-22,30	32,60	54,90	9,65	-180,54	2,01	8,54
<i>В среднем</i>	<i>-7,16</i>	<i>-24,06</i>	<i>31,99</i>	<i>56,05</i>	<i>10,97</i>	<i>-167,97</i>	<i>1,70</i>	<i>6,17</i>

Примечание. Рассчитано автором по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst10/DBInet.cgi>; Амурский статистический ежегодник, 2018 : стат. сб. / Амурстат. Благовещенск, 2018. 416 с.

По показателю «миграционный прирост (отток)», среди муниципальных образований Амурской области присутствует значительная асимметрия, которая сохранялась в течение исследуемого периода. В среднем за исследуемый период коэффициент вариации составил 167,97 %.

За весь исследуемый период среди муниципальных образований положительные значения показателя миграционного прироста населения характерны только для Благовещенского района, относящегося к приграничным. В число муниципальных образований с уровнем выше среднего показателя в разные периоды попадали те, на территории которых реализовывались или реализуются крупные инвестиционные проекты, миграционный прирост которых связан с временным притоком на их территорию временных контингентов трудовых ресурсов. Например, до 2010 г. Бурейский МР показывал значения выше среднего, что объясняется реализацией проектов строительства Бурейской ГЭС и Нижне-Бурейской ГЭС. В период с 2010 по 2015 г. значения выше среднего наблюдались в Свободненском МР – реализация проекта строительства космодрома «Восточный». С 2015 г. Магдагачинский МР, Шимановский МР, Сковородинский МР, ГО Шимановск,

ГО Свободный – реализация проекта строительства и эксплуатации магистрального газопровода «Сила Сибири» и сопутствующего инвестиционного проекта по строительству Амурского ГПЗ в районе г. Свободный. Динамика значений показателя миграционного прироста (оттока) населения муниципальных образований в сравнении со средними по выборке представлена в таблице Д.3 (приложение Д).

Положительное значение коэффициента асимметрии говорит о правосторонней асимметрии. За исследуемый период абсолютное значение выше 1, что свидетельствует о сильной скошенности распределения. Это связано со значительным отрывом Благовещенского МР от остальных муниципальных образований (рисунок 13).

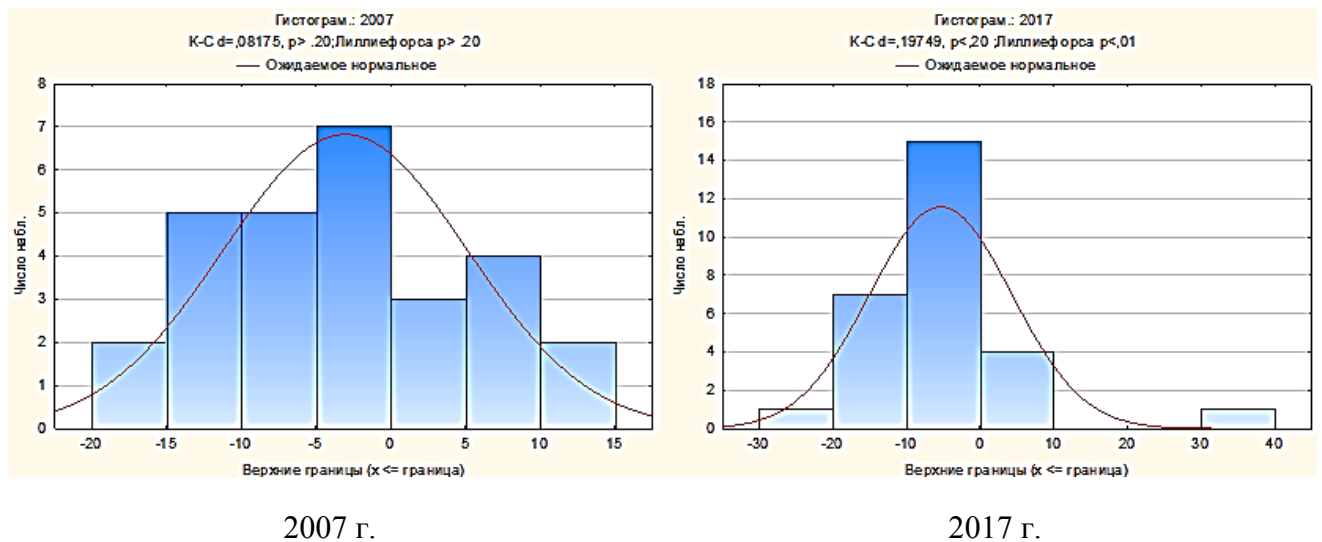

Рисунок 13 – Гистограммы распределения муниципальных образований по показателю «миграционный прирост (отток)» в 2007 и 2017 гг.

Коэффициент эксцесса за исследуемый период указывает на то, что распределение было островершинным (показатель положительный). Абсолютное значение коэффициента эксцесса свидетельствует о значительной крутизне. В целом по уровню миграционного прироста (оттока) в 2007–2017 гг. отмечается тенденция увеличения асимметрии между муниципальными образованиями Амурской области.

В качестве показателя, характеризующего степень хозяйственной освоенности территории и благоприятности проживания, нами был рассмотрен *показатель*

плотности населения. В таблице 9 представлены данные, характеризующие асимметрию муниципальных образований по этому показателю.

Таблица 9 – Уровень асимметрии муниципальных образований Амурской области по плотности населения

Год	Среднее значение	Минимум	Максимум	Размах	Стандартное отклонение	Коэффициент вариации	Асимметрия	Экссесс
2007	113,03	0,20	684,00	683,80	210,35	186,11	1,87	2,32
2008	111,91	0,20	668,20	668,00	208,00	185,86	1,86	2,25
2009	111,24	0,20	663,50	663,30	206,93	186,02	1,87	2,26
2010	110,68	0,20	661,00	660,80	206,09	186,20	1,87	2,29
2011	107,27	0,20	684,90	684,70	202,77	189,03	1,92	2,56
2012	106,60	0,20	689,00	688,80	201,90	189,40	1,93	2,62
2013	106,04	0,20	694,80	694,60	201,45	189,98	1,95	2,72
2014	105,30	0,20	702,40	702,20	200,91	190,81	1,98	2,86
2015	105,05	0,20	715,20	715,00	201,51	191,81	2,01	3,05
2016	104,41	0,20	715,70	715,50	200,57	192,10	2,02	3,11
2017	103,83	0,20	715,80	715,60	199,66	192,31	2,03	3,16
<i>В среднем</i>	<i>107,76</i>	<i>0,20</i>	<i>690,41</i>	<i>690,21</i>	<i>203,65</i>	<i>189,06</i>	<i>1,94</i>	<i>2,66</i>

Примечание. Рассчитано автором по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst10/DBInet.cgi>; Амурский статистический ежегодник, 2018 : стат. сб. / Амурстат. Благовещенск, 2018. 416 с.

По показателю плотности населения среди муниципальных образований Амурской области присутствует значительная асимметрия, которая сохранялась в течение исследуемого периода. В среднем за исследуемый период коэффициент вариации составил 189,06 %.

Самая высокая плотность населения характерна для городских округов, среди которых самая высокая отмечается в ГО Благовещенск – 715,8 чел. на 1 км². За весь исследуемый период в число муниципальных районов с уровнем плотности населения выше среднего (без учета показателей по городским округам) попали девять муниципальных районов, в том числе четыре приграничных (Благовещенский МР, Константиновский МР, Михайловский МР, Тамбовский МР). Среди приграничных муниципальных районов самая высокая плотность населения отмечается в Благовещенском МР (8,8 чел. на 1 км²), а самая низкая – в Шимановском МР (0,4 чел. на 1 км²). Динамика значений плотности населения муни-

ципальных образований в сравнении со средними по выборке представлена в таблице Д.4 (приложение Д).

Положительное значение коэффициента асимметрии говорит о правосторонней асимметрии. За рассматриваемый период абсолютное значение выше 1, что свидетельствует о значительной скошенности распределения. Это связано со значительным отрывом городских округов, отличающихся высокой плотностью населения, от основной массы муниципальных образований области (рисунок 14).

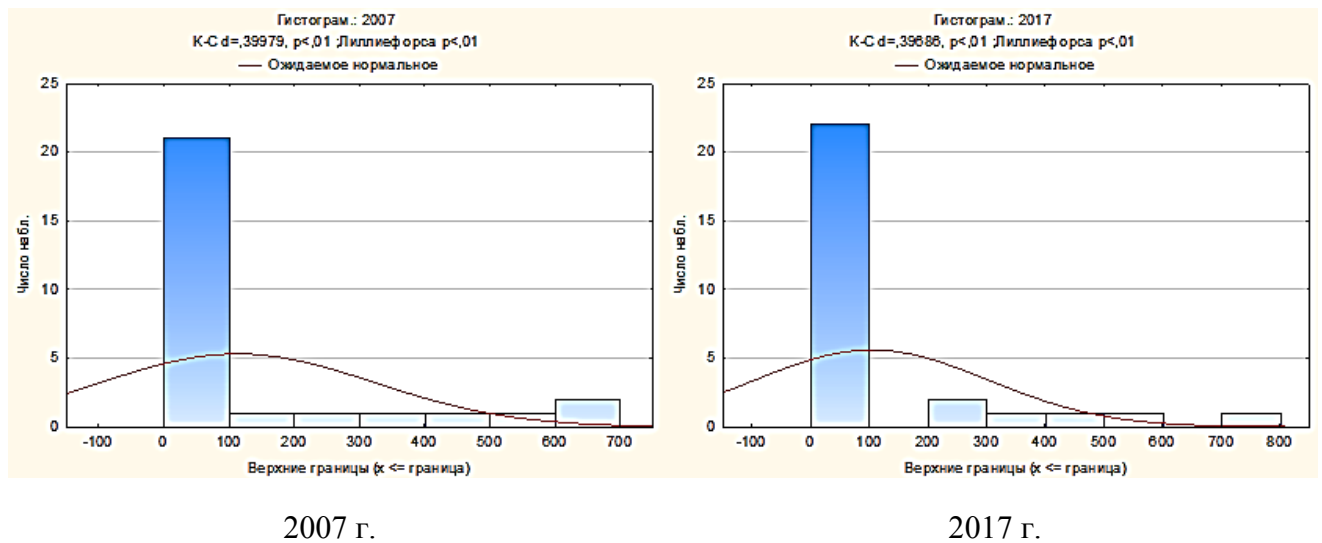

Рисунок 14 – Гистограммы распределения муниципальных образований по плотности населения в 2007 и 2017 гг.

Коэффициент эксцесса за исследуемый период указывает на то, что распределение было островершинным (показатель положительный). Абсолютное значение коэффициента эксцесса свидетельствует о значительной крутизне. В целом по показателю плотности населения в 2007–2017 гг. отмечается тенденция увеличения асимметрии между муниципальными образованиями Амурской области.

Важным показателем, характеризующим состояние окружающей среды, снижение отрицательного влияния экономики на окружающую среду, качество и уровень жизни населения является *доля улавливаемых и обезвреживаемых загрязняющих атмосферу веществ в общем объеме*. В таблице 10 представлены данные, характеризующие асимметрию муниципальных образований по этому показателю.

Таблица 10 – Уровень асимметрии муниципальных образований по показателю «доля улавливаемых и обезвреживаемых загрязняющих атмосферу веществ в общем объеме»

Год	Среднее значение	Минимум	Максимум	Размах	Стандартное отклонение	Коэффициент вариации	Асимметрия	Экссесс
2007	26,95	0,70	88,80	88,10	23,27	86,37	1,38	-0,65
2008	25,58	0,30	88,20	87,90	23,90	93,45	1,45	-0,59
2009	30,82	0,30	90,00	89,70	26,94	87,42	0,94	-0,07
2010	27,96	0,30	89,00	88,70	24,81	88,71	1,18	-0,64
2011	31,12	0,30	87,70	87,40	25,63	82,35	0,79	-0,32
2012	29,45	0,20	84,80	84,60	25,87	87,86	0,79	-0,37
2013	38,44	0,20	94,00	93,80	31,87	82,91	0,31	-1,33
2014	27,97	0,30	84,50	84,20	26,72	95,52	0,88	-0,46
2015	33,24	0,50	84,70	84,20	26,33	79,20	0,65	-0,81
2016	30,12	0,60	85,30	84,70	26,01	86,36	0,81	-0,53
2017	28,96	0,30	84,10	83,80	26,82	92,61	0,81	-0,63
<i>В среднем</i>	<i>30,06</i>	<i>0,36</i>	<i>87,37</i>	<i>87,01</i>	<i>26,20</i>	<i>87,52</i>	<i>0,91</i>	<i>-0,06</i>

Примечание. Рассчитано автором по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst10/DBInet.cgi>; Амурский статистический ежегодник, 2018 : стат. сб. / Амурстат. Благовещенск, 2018. 416 с.

По доле улавливаемых и обезвреживаемых загрязняющих атмосферу веществ в общем объеме среди муниципальных образований Амурской области присутствует значительная асимметрия, которая сохранялась в течение исследуемого периода. В среднем за данный период коэффициент вариации составил 87,52 %.

За исследуемый период в число муниципальных образований с самой высокой долей улавливаемых и обезвреживаемых загрязняющих атмосферу веществ в общем объеме попало девять муниципальных образований, из них три муниципальных приграничных района промышленной специализации (Бурейский МР, Магдагачинский МР, Сковородинский МР) и два приграничных городских округа, сосредоточивающие крупные производства (ГО Благовещенск, ГО Шимановск).

Динамика значений показателя доли улавливаемых и обезвреживаемых загрязняющих атмосферу веществ в общем объеме муниципальных образований в сравнении со средними по выборке представлена в таблице Д.5 (приложение Д).

Положительное значение коэффициента асимметрии говорит о правосторонней асимметрии. За рассматриваемый период абсолютное значение находится

в пределах от 0,5 до 1,5, что свидетельствует о значительной скошенности распределения. Это связано со значительным отрывом указанных выше нескольких территорий от основной массы муниципальных образований области (рисунок 15).

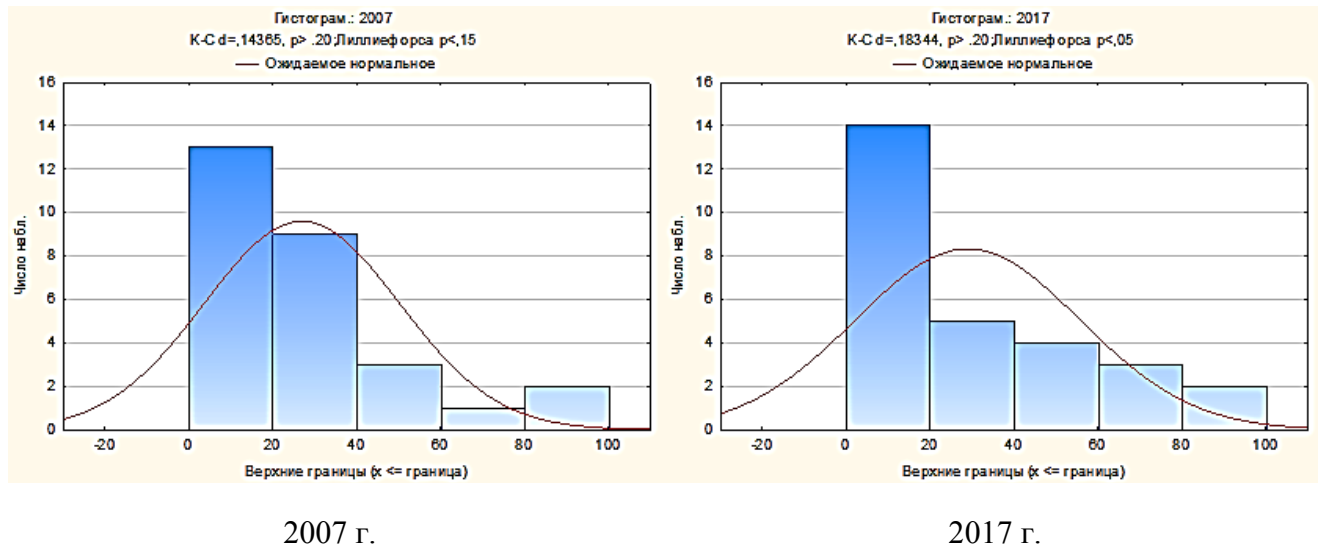

Рисунок 15 – Гистограммы распределения муниципальных образований по показателю «доля улавливаемых и обезвреживаемых загрязняющих атмосферу веществ в общем объеме» в 2007 и 2017 гг.

Коэффициент эксцесса за исследуемый период указывает на то, что распределение было плосковершинным (показатель отрицательный). В целом по показателю «доля улавливаемых и обезвреживаемых загрязняющих атмосферу веществ в общем объеме» в 2007–2017 гг. отмечается тенденция увеличения асимметрии между муниципальными образованиями Амурской области.

Современное состояние муниципальных образований региона характеризуется значительным их расслоением по уровню устойчивого социально-экономического развития, привлекательности для жизни населения. Устойчивость различий во времени и пространстве позволяет описывать происходящие процессы как проявление асимметрии¹. Нарастание отставания и преимуществ муниципальных

¹ Дьяченко В. Н., Бурлаев Е. А., Лазарева В. В. Развитие территориальной асимметрии в формировании населения муниципальных образований Амурской области // Экономика и предпринимательство. 2017. № 9-2(86). С. 371–377.

образований по обобщающим показателям, характеризующим состояние подсистем устойчивого развития, по сравнению со средним значением по выборке представлено в таблице Е.1 (приложение Е).

Оценка уровня устойчивого развития муниципальных образований приграничного региона с использованием классификации Р. Тернера и выявление особенностей устойчивого развития приграничных муниципальных образований.

Для оценки уровня устойчивого развития муниципальных образований в соответствии с предложенной методикой рассчитаны цепные коэффициенты роста, среднегодовые коэффициенты роста и среднегодовые темпы прироста обобщающих показателей, характеризующих состояние подсистем устойчивого развития (таблицы Ж.1–Ж.5, приложение Ж).

С учетом предложенных критериев на основе рассчитанных показателей среднегодовых темпов прироста все муниципальные образования типологизированы на муниципальные образования с сильным устойчивым развитием; со слабым устойчивым развитием; с очень слабым устойчивым развитием; с неустойчивым развитием (таблица 11).

Таблица 11 – Типы МО по уровню устойчивого развития

Тип	Муниципальные образования
Неустойчивое развитие	Свободный ГО
Очень слабое устойчивое развитие	Архаринский МР, Свободненский МР, Белогорский МР, Ивановский МР, Завитинский МР, Зейский МР, Мазановский МР, Ромненский МР, Серышевский МР, Белогорск ГО, Райчихинск ГО, Прогресс МР
Слабое устойчивое развитие	Константиновский МР, Михайловский МР, Тамбовский МР, Бурейский МР, Магдагачинский МР, Сковородинский МР, Шимановский МР, Шимановск ГО, Октябрьский МР, Селемджинский МР, Тындинский МР, Зея ГО, Тында ГО
Сильное устойчивое развитие	Благовещенский МР, Благовещенск ГО

К типу муниципальных образований с сильным устойчивым развитием относятся два приграничных муниципальных образования – ГО Благовещенск и прилегающий к нему Благовещенский МР. Фактически мы имеем дело с агломе-

рацией, в которой два муниципальных образования объединены производственными и социальными связями. Кроме того, следует учесть специфическую роль областного центра, являющегося главными воротами международной торговли в Приамурье благодаря своему приграничному положению и наличию непосредственно в городе пограничного перехода. Этот тип занимает менее 1 % территории области, на которой проживает 31,2 % ее населения. Среднегодовые темпы прироста муниципальных образований имеют положительную динамику по всем показателям состояния подсистем устойчивого развития.

К типу муниципальных образований со слабым устойчивым развитием относятся 13 муниципальных образований, в том числе восемь приграничных. Среднегодовые темпы прироста муниципальных образований имеют положительную динамику по показателям состояния экологической и экономической подсистем устойчивого развития при отрицательной динамике показателей, характеризующих состояние социальной подсистемы.

К типу муниципальных образований с очень слабым устойчивым развитием относятся 12 муниципальных образований, в том числе два приграничных. Среднегодовые темпы прироста муниципальных образований имеют положительную динамику по показателям состояния экономической подсистемы устойчивого развития, при отрицательной динамике показателей, характеризующих состояние социальной и экологической подсистем.

К типу муниципальных образований с неустойчивым развитием относится одно муниципальное образование, являющееся приграничным, – ГО Свободный. Среднегодовые темпы прироста муниципальных образований имеют отрицательную динамику по показателям состояния всех подсистем устойчивого развития. Город Свободный – третий по численности город в Амурской области (54,2 тыс. чел.). Вследствие ликвидации градообразующих предприятий за последние 25 лет численность городского населения сократилась на 33 %. Распоряжением Правительства от 29 июля 2014 г. № 1398-р город Свободный включен в категорию моногородов с наиболее сложным социально-экономическим поло-

жением (в том числе во взаимосвязи с проблемами функционирования градообразующих организаций)¹.

Распоряжением Правительства РФ от 22 июля 2017 г. № 1566-р утвержден долгосрочный план комплексного социально-экономического развития г. Свободного Амурской области, реализация которого является приоритетной задачей общегосударственного значения².

Оценка уровня устойчивого развития муниципальных образований приграничного региона показала, что для *приграничных муниципальных образований* характерно в основном очень слабое и слабое устойчивое развитие. Учитывая важность дальневосточных приграничных территорий для страны в целом, возникает *необходимость проведения дополнительной диагностики, позволяющей определить детерминанты устойчивого развития приграничных муниципальных образований* на основе использования индикаторов, характеризующих состояние отдельных элементов подсистем, и сформулировать рекомендации по преодолению негативных тенденций и решению проблем.

2.3 Диагностика детерминант устойчивого развития приграничных муниципальных образований

Приграничные муниципальные образования существенно дифференцированы. Наличие больших различий в природно-климатических условиях, структуре экономики, системе расселения, демографической ситуации и развитии инфраструктуры приграничных связей, сочетание в приграничье высокоурбанизированных территорий и удаленной депрессивной периферии делают их уникальными объек-

¹ Об утверждении перечня моногородов : распоряжение Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р.

² Об утверждении плана комплексного социально-экономического развития г. Свободного Амурской области : распоряжение Правительства РФ от 22 июля 2017 г. № 1566-р.

тами управления. Данное обстоятельство определяет необходимость *выделения типов приграничных муниципальных образований по качественным признакам.*

В широком круге факторов, обуславливающих неоднородность приграничных муниципальных образований, необходимо выделить природно-климатические характеристики их места расположения, определяющие хозяйственную специализацию и благоприятность проживания, что особенно важно в условиях Дальнего Востока в целом и Амурской области в частности, которая относится к числу субъектов РФ с одним из самых высоких уровней контрастности природно-климатических условий.

С учетом особенностей природно-климатических условий области складывающуюся дифференциацию приграничных муниципальных образований можно свести к трем оценкам:

1) *благоприятные для проживания МО, сельскохозяйственной специализации* – в южной зоне (Архаринский МР, Благовещенский МР, Константиновский МР, Михайловский МР, Тамбовский МР и ГО Благовещенск);

2) *удовлетворительные для проживания МО, аграрно-промышленной специализации* – в центральной зоне (Бурейский МР, Свободненский МР и ГО Свободный);

3) *неблагоприятные для проживания МО, промышленной специализации* – в северной и горно-таежной природно-климатических зонах (Магдагачинский МР, Сковородинский МР, Шимановский МР и ГО Шимановск)¹.

Среди факторов также необходимо уделить внимание тем элементам условий жизни, которые определяются положением в *системе расселения региона.*

Оценивая региональную ситуацию, следует в первую очередь отметить, что одной из важнейших характеристик сложившейся системы расселения является мелкоселенность, ограничивающая возможности развития сферы услуг непосредственно в периферийных поселениях. Относительно полный набор учреждений повседневного обслуживания можно создать только в населенных пунктах более чем

¹ Лазарева В. В., Власова Н. Ю., Дьяченко В. Н. Неравномерность развития муниципальных образований дальневосточного приграничья // Известия Уральского государственного экономического университета. 2019. Т. 20, № 1. С. 61–77.

с 1 тыс. жителей. В более мелких поселениях будут только отдельные учреждения (магазины, фельдшерско-акушерские пункты и др.), а в большинстве – вообще нет никаких учреждений обслуживания. Эпизодические и большинство периодических услуг сельским жителям предоставляются в районных центрах. Тем самым *степень комфортности мест проживания для населения определяется не только условиями жизни непосредственно в местах проживания, но и пространственными ограничениями в уровне и доступности услуг, предоставляемых в региональных центрах обслуживания населения.*

Доступность услуг, предоставляемых в центрах обслуживания населения (ЦОН), определяется уровнем развития этих центров¹, степенью отдаленности поселений от центров обслуживания, а также развитием коммуникационных и транспортных сетей.

Для оценки уровня доступности услуг методической основой служит положение, высказанное В. Алонсо и Дж. Фридманом о структуре периферии, которая включает внутреннюю область, имеющую тесную связь с ядром и получающую от него импульсы к развитию (ближняя периферия), а также внешнюю область – на развитие которой ядро не оказывает практически никакого влияния (дальняя периферия)². В развитие этих представлений в пространственном развитии регионов выделяют ближнюю периферию, срединную периферию, дальнюю (автономную) периферию³. Наибольшее влияние на периферию оказывают крупнейшие города,

¹ В общерегиональном центре обслуживания населения сосредоточены общерегиональные элементы социальной инфраструктуры и наиболее широкий спектр структур, производящих услуги населению, формируя максимально возможный в системе расселения региона уровень комфортности проживания (специализированные поликлиники, больницы, школы, библиотеки, стадионы областного значения, театры, филармонии, музеи и т. п.). В локальном центре обслуживания населения (районный центр) сосредоточиваются важнейшие муниципальные органы управления, выполняющие многие административные функции, включающие руководство работой учреждений, обслуживающих культурно-бытовые нужды населения района, – сетью школ, клубов, библиотек, больниц, торговой сетью и заготовительными пунктами и т. д. Местный центр обслуживания населения практически не имеет обслуживающих функций.

² Friedmann J., Alonso W. Regional development as a policy issue // *Regional Development and Planning*. Cambridge, 1964. 220 p.

³ Пилясов А. Н. И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания. М. : Либроком, 2009. С. 11–20.; Татаркин А. И. Социально-экономический статус срединного региона России // *Пространственная экономика*. 2005. № 4. С. 21–39.

что предполагает необходимость в рамках ближней периферии учитывать те районы, которые испытывают наибольшее агломерационное влияние.

Для оценки влияния различий в условиях жизни, определяемых положением мест проживания в системе расселения региона, нами была сформирована типология, в рамках которой учитывалась удаленность от регионального центра обслуживания населения (областного центра) и степень развитости локальных центров обслуживания населения.

Удаленность райцентра от областного центра, для которого характерен самый высокий уровень развития комплекса социальной инфраструктуры, определяет ограничения доступа населения к использованию его возможностей. Кроме того, областной центр характеризуется высокой степенью контактности между сопредельными территориями (90 % внешнеэкономических взаимодействий осуществляется через пограничную инфраструктуру, расположенную в областном центре), поэтому в рамках данного исследования близость муниципальных образований к нему является «одним из наиболее существенных факторов, детерминирующих их развитие»¹.

В географии зона влияния города определяется следующими радиусами: если население города более 1 млн чел. – 70–80 км; от 250 тыс. до 1 млн чел. – 50–60 км; от 100 тыс. до 250 тыс. чел. – 30–50 км; менее 100 тыс. чел. – 20–25 км. В регионах севера и востока страны соседи первого порядка, как правило, уже достаточно сильно удалены от регионального центра – на 100 км и более, что предопределяет их слабую связь с ним².

¹ Лазарева В. В., Власова Н. Ю., Дьяченко В. Н. Неравномерность развития муниципальных образований Дальневосточного приграничья // Известия Уральского государственного экономического университета. 2019. Т. 20, № 1. С. 61–77. См. также: Дьяченко В. Н. Пространственная дифференциация условий жизни как фактор привлекательности российско-китайского приграничья // Управление экономическими системами. 2016. № 9(91). Режим доступа: <http://uecs.ru/demografiya/item/4085-2016-09-08-11-20-44>.

² Быстрова Н. П., Кранц Л. А. Зона активного взаимодействия города и села // Проблемы формирования и развития региональных социально-экономических систем «город – село» в республиках и областях Нечерноземной зоны РСФСР : материалы Всерос. науч. конф. Саранск : МГУ, 1981. С. 149–153.

С учетом изложенного автор предлагают выделить следующие типы приграничных муниципальных образований:

- *ближняя периферия* – 0–50 км;
- *среднеудаленная периферия* – 51–250 км;
- *дальняя периферия* – свыше 251 км.

При сложившейся структуре районных центров выделяются:

- «районы, центром которых являются наиболее крупные города региона (города-лидеры) с *высоким уровнем развития социальной инфраструктуры*;
- районы, центром которых выступают малые города (города-аутсайдеры) и крупные поселки городского типа со *средним уровнем развития социальной инфраструктуры*;
- районы, центром которых являются мелкие поселки городского типа и села с *низким уровнем развития социальной инфраструктуры*»¹.

Приграничность муниципальных образований является важным фактором, определяющим характер протекающих процессов на их территории. При этом они значительно дифференцированы по выделенным ранее автором в п. 1.3 специфическим факторам, что оказывает значительное влияние на формирование условий жизни, расслоение населения по территориальному принципу.

Среди специфических факторов, определяющих дифференциацию приграничных муниципальных образований, следует выделить:

- режим государственных границ и степень открытости. В настоящее время пределы пограничной зоны установлены во всех муниципальных образованиях области, кроме Благовещенска². Тем самым во всех приграничных муниципальных образованиях, кроме областного центра, граница носит закрытый характер³;

¹ Лазарева В. В., Власова Н. Ю., Дьяченко В. Н. Неравномерность развития муниципальных образований Дальневосточного приграничья // Известия Уральского государственного экономического университета. 2019. Т. 20, № 1. С. 61–77.

² О внесении изменений в приказ ФСБ России от 14 апреля 2006 г. № 157 «О пределах пограничной зоны на территории Амурской области»: приказ Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 8 апреля 2013 г. № 189.

³ Лазарева В. В., Дьяченко В. Н. Проблемы развития и эффективного использования экономического потенциала приграничных регионов (на материалах Амурской области) // Россия: тенденции и перспективы развития : ежегодник. Вып. 12. М., 2017. Ч. 2. С. 862–866.

– действующая пограничная инфраструктура. На сегодняшний день действующие пограничные переходы расположены в Благовещенске и пгт. Поярково Михайловского района. В четырех муниципальных образованиях (Сковородинском МР, Благовещенском МР, Константиновском МР, Шимановском МР) пункты пропуска с самого момента установления не функционируют, а смешанный пункт Сковородино действует на нерегулярной основе. В приграничных муниципальных образованиях Тамбовском МР, Свободненском МР, Бурейском МР, Архаринском МР, Магдагачинском МР пограничная инфраструктура отсутствует.

Таким образом, с учетом предложенных типов характеристика приграничных муниципальных образований Амурской области представлена в таблице И.1 (приложение И).

В итоге группировка приграничных муниципальных образований с учетом выделенных качественных признаков приобрела следующий вид (таблица 12).

Таблица 12 – Типы приграничных муниципальных образований

Тип	Описание	МО
I	Благоприятный для проживания пригород областного центра, промышленной специализации, с высоким уровнем развития социальной инфраструктуры, открытый режим границы	Благовещенск ГО
II	Благоприятная для проживания ближняя периферия, сельскохозяйственной специализации, с высоким уровнем развития социальной инфраструктуры, закрытый режим границы	Благовещенский МР
III	Благоприятная для проживания среднеудаленная периферия, сельскохозяйственной специализации, с низким уровнем развития социальной инфраструктуры, закрытый режим границы	Тамбовский МР, Константиновский МР, Михайловский МР, Архаринский МР
IV	Удовлетворительная для проживания среднеудаленная периферия, аграрно-промышленной специализации, со средним уровнем развития социальной инфраструктуры, закрытый режим границы	Свободный ГО, Свободненский МР, Бурейский МР
V	Неблагоприятная для проживания дальняя периферия, промышленной специализации, со средним уровнем развития социальной инфраструктуры, закрытый режим границы	Шимановский МО, Шимановск ГО, Магдагачинский МР, Сковородинский МР

Предложенный подход к диагностике детерминант устойчивого развития приграничных муниципальных образований позволяет рассматривать выделенные

типы муниципальных образований в качестве элементов территориальной структуры, различающихся между собой местоположением в природно-климатических зонах, в региональном пространстве, дифференциацией режима границы и наличием приграничной инфраструктуры. Учет этих особенностей, закономерностей пространственного развития является необходимым условием обеспечения эффективности принимаемых управленческих решений.

Выделение типов приграничных МО по схожести проблемных мест с использованием метода кластерного анализа. На основе предложенных в п. 2.1 индикаторов, нормированных относительно эталонного значения, построена типология приграничных муниципальных образований по схожести проблематики устойчивого развития с использованием метода кластерного анализа. Графическое представление процедуры кластеризации представлено на рисунке 16.

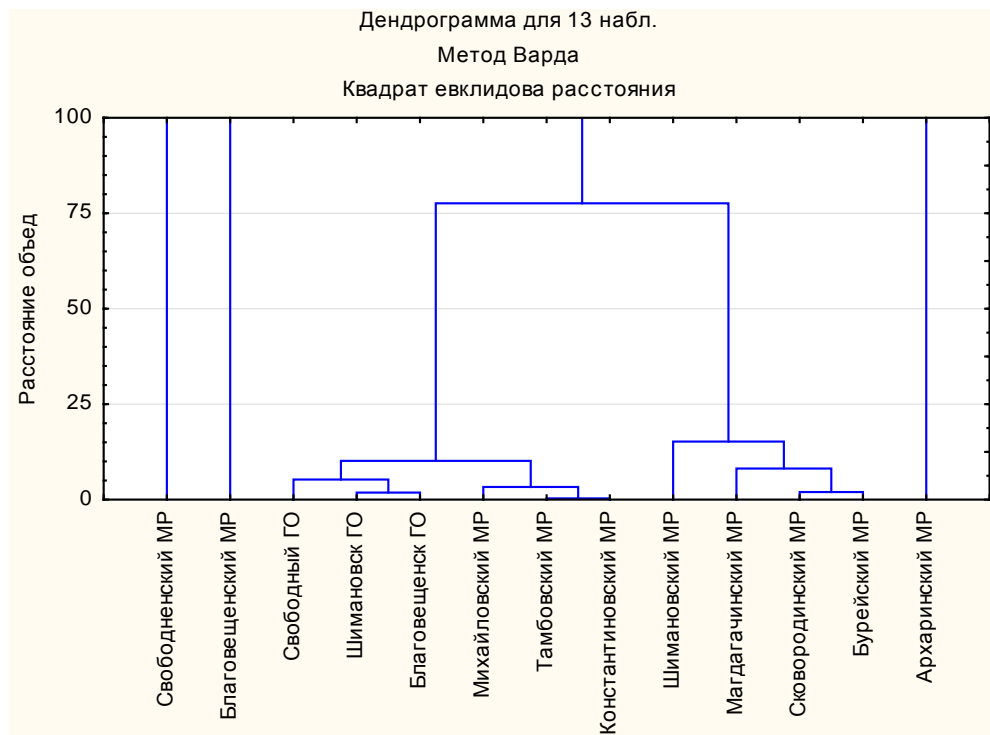

Рисунок 16 – Дендрограмма кластеризации приграничных муниципальных образований по индикаторам состояния отдельных элементов, 2017 г.

На основе графического представления процесса кластеризации выделено пять кластеров. В первый кластер вошло два муниципальных образования – Сво-

бодненский МР и Благовещенский МР. Во второй кластер вошло три муниципальных образования – ГО Свободный, ГО Шимановск, ГО Благовещенск. В третий кластер вошло четыре муниципальных образования – Магдагачинский МР, Шимановский МР, Сковородинский МР и Бурейский МР. Четвертый кластер представлен тремя муниципальными образованиями – Константиновский МР, Михайловский МР, Тамбовский МР. В пятый кластер вошло одно муниципальное образование – Архаринский МР.

На рисунке 17 представлена лепестковая диаграмма, построенная на основе рассчитанных средних значений нормированных показателей индикаторов, характеризующих состояние отдельных элементов подсистем в выделенных кластерах.

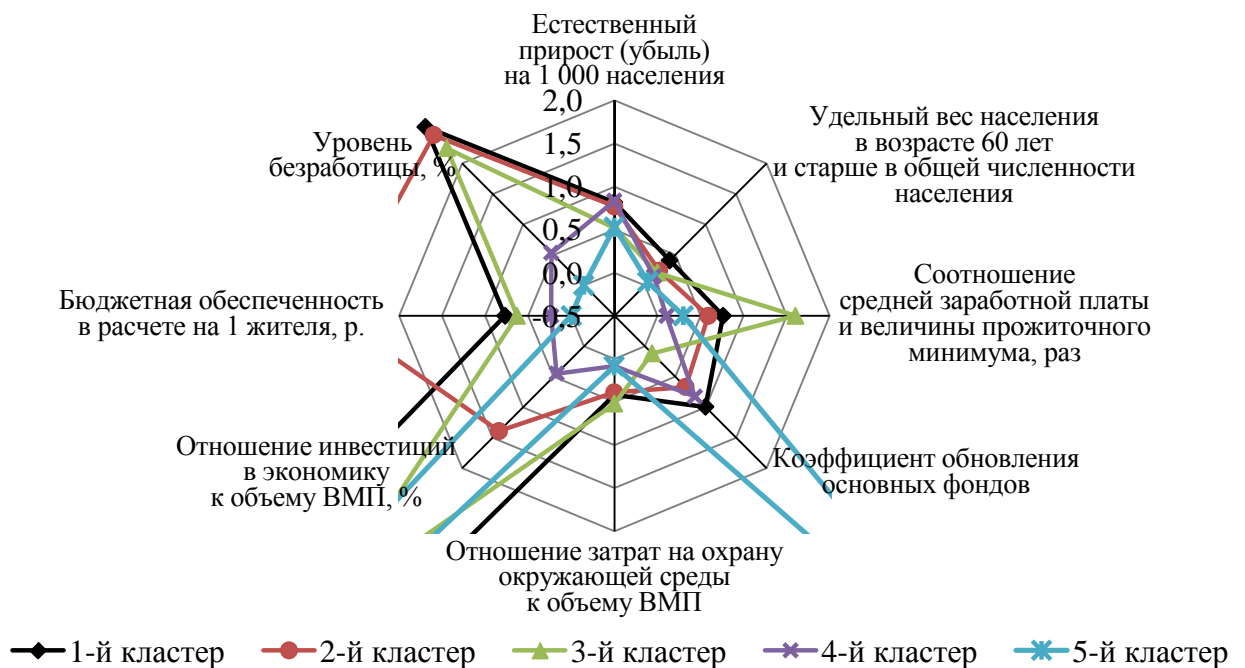

Рисунок 17 – Средние значения нормированных показателей индикаторов, характеризующих состояние отдельных элементов подсистем в выделенных кластерах, 2017 г.

Анализ данных позволил сделать следующие выводы:

1) во всех пяти кластерах отмечаются проблемы в социальной подсистеме: во-первых, это старение населения, определяющее возможности трудоустройства

экономики; во-вторых, естественная убыль населения, свидетельствующая о низком уровне жизни населения; в-третьих, низкая покупательная способность заработной платы, свидетельствующая о низком уровне обеспеченности базовых потребностей населения (исключение составляют северные территории, приравненные к территориям Крайнего Севера);

2) наличие общих проблем в социальной, экологической и частично в экономической подсистеме характерно для первого, второго и третьего кластеров. По хозяйственной специализации муниципальные образования относятся к промышленным;

3) среди наиболее проблемных кластеров выделяется четвертый, для которого характерно наличие проблем во всех подсистемах устойчивого развития. В четвертый кластер вошли преимущественно муниципальные образования с сельскохозяйственной специализацией и низким уровнем развития социальной инфраструктуры;

4) интересна ситуация в пятом кластере, где значительное превосходство по отдельным экономическим показателям сопряжено со значительными проблемами в других подсистемах.

Для анализа изменения состава кластеров приграничных муниципальных образований процедура кластеризации проведена также по данным за период 2007–2016 гг. (рисунки К.1–К.10, приложение К). Результаты представлены в таблице К.1. Проведенный анализ позволил выявить следующие тенденции.

1. В целом формируется стабильный состав кластеров по характеру проблемности. Наиболее проблемными являются четвертый и пятый кластеры, входящие в их состав муниципальные образования относятся к III типу (благоприятная для проживания среднеудаленная периферия, сельскохозяйственной специализации, с низким уровнем развития социальной инфраструктуры). Здесь показатели ниже пороговых абсолютно по всем выбранным индикаторам. Несмотря на благоприятные условия для проживания и близость к областному центру, аграрная специализация и отсутствие промышленных предприятий не позволяют муниципальным образованиям выйти на траекторию устойчивого развития. Здесь

и более низкий уровень жизни, и недостаточная бюджетная обеспеченность, отсутствие тенденций к экономическому росту. Одно из направлений развития муниципальных образований видится в диверсификации экономики путем создания перерабатывающих и обслуживающих производств, а также наращивания объемов сельскохозяйственного производства в рамках стратегии импортозамещения.

Намного лучше положение дел во втором и третьем кластерах. Входящие в их состав муниципальные образования относятся к I, IV и V типам, с преимущественной промышленной специализацией. Здесь показатели ниже пороговых по индикаторам социальной и экологической подсистем. Между тем функционирование крупных промышленных производств (в основном добывающей промышленности), а также наличие действующих предприятий, обслуживающих железнодорожный транспорт, может способствовать движению по траектории устойчивого развития при определенных направлениях действий региональных органов власти. Для развития социальной подсистемы требуется строительство и капитальный ремонт объектов социальной сферы. Кроме этого, перспективным направлением развития экономики муниципальных образований является создание обрабатывающих производств с высокой добавленной стоимостью.

Наконец, первый кластер показывает лучшие показатели по индикаторам состояния экономической и экологической подсистем, наряду с общими для всех кластеров проблемами естественной убыли и старения населения.

2. Наблюдается тенденция перемещения муниципальных образований между первым и третьим кластерами. Входящие в их состав муниципальные образования относятся к II, IV и V типам, с преимущественной промышленной специализацией. Здесь показатели ниже пороговых только по индикаторам социальной подсистемы. Интенсивное развитие муниципальных образований связано исключительно с реализацией на их территории крупномасштабных инвестиционных проектов: строительство космодрома «Восточный», Амурского газоперерабатывающего завода (Свободненский МР, ГО Свободный), Бурейской и Нижне-Бурейской ГЭС (Бурейский МР), газопровода «Сила Сибири» (Сковородинский МР), мостового перехода и трансграничной канатно-подвесной дороги через р. Амур (ГО Благо-

вещенск, Благовещенский МР). Как показывает практика, окончание строительства объектов приводит к значительному миграционному оттоку в силу того, что условия для закрепления населения не создаются (Бурейский МР). Для устойчивого развития требуется создание дополнительных объектов социальной инфраструктуры.

Пересечение предложенной типологии приграничных муниципальных образований по качественным признакам с полученными результатами диагностики детерминант устойчивого развития (таблица К.2, приложение К) позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Дифференциация природных условий приобретает наибольшее значение в направлении «север – юг», подтверждая необходимость выделения северных приграничных муниципальных образований (V тип) в качестве отдельного объекта региональной политики. Северные муниципальные образования, занимающие более 80 % территории области, имеют самую низкую плотность населения (менее 0,7 чел. на 1 км²), определяемую сложными природно-климатическими условиями и транспортной оторванностью от центральных и южных районов региона. В то же время северные районы располагают богатейшей природно-сырьевой базой, однако имеются существенные инфраструктурные ограничения для ее развития.

В условиях малочисленности населения северных территорий их хозяйственное освоение возможно за счет широкого использования вахтового метода (в сочетании с развитием системы опорных населенных пунктов, призванных стать базовыми для социально-культурного, бытового и транспортного обслуживания вахтовых рабочих, а также для размещения перерабатывающих, обслуживающих и смежных производств. При этом целесообразно создать условия жизнедеятельности, отвечающие современным стандартам, тем самым способствуя закреплению населения на данных территориях¹.

2. Проведенный анализ показывает, что происходящие в регионе процессы далеко не всегда вписываются в представления, вытекающие из теории Дж. Фридмана. Центрально-периферийные взаимодействия складываются зачастую иначе, когда

¹ Лазарева В. В., Власова Н. Ю., Дьяченко В. Н. Неравномерность развития муниципальных образований Дальневосточного приграничья // Известия Уральского государственного экономического университета. 2019. Т. 20, № 1. С. 61–77.

экономическое развитие происходит наиболее интенсивно в периферийных структурах. В частности, это определяется размещением новых производств. Поэтому уровень развития и доступности услуг, предоставляемых в центрах обслуживания населения, играют важную роль, однако, не имеющую во многих случаях доминирующего характера¹.

Региональные районные центры существенно различаются по способности выполнять роль центров обслуживания населения прилегающих населенных пунктов. Наибольшее влияние на прилегающие территории оказывают крупные средние города, значительно ниже потенциал мелких городов и крупных рабочих поселков, еще слабее эта роль выражена в сельских поселениях, являющихся районными центрами, что существенно снижает уровень устойчивости системы расселения региона.

Важно учитывать, что возможности ряда районных центров выполнять свою роль центров обслуживания населения прилегающих сельских поселений из-за низкого экономического и социального потенциала существенно ограничены. Сам факт проживания на территории этих районов ставит население в ситуацию социального неравенства. Это отрицательно сказывается на привлекательности районов для проживания, стимулируя отток населения. Развитие их потенциала в предоставлении услуг населению районов является одним из наиболее значимых направлений пространственной политики в регионе.

Слабость влияния локальных центров на поселения районов является одним из важнейших факторов превращения удаленных поселений в «медвежьи углы», теряющие устойчивость и прекращающие свое существование;

Выделенные типы по уровню развития и степени доступности услуг локальных центров обслуживания населения могут выступать как объекты государ-

¹ Дьяченко В. Н., Бурлаев Е. А., Лазарева В. В. Развитие территориальной асимметрии в формировании населения муниципальных образований Амурской области // Экономика и предпринимательство. 2017. № 9 2(86). С. 371–377; Лазарева В. В., Власова Н. Ю., Дьяченко В. Н. Неравномерность развития муниципальных образований Дальневосточного приграничья // Известия Уральского государственного экономического университета. 2019. Т. 20, № 1. С. 61–77.

ственной пространственной политики, обеспечивающие реализацию дифференцированного подхода к устойчивому развитию приграничных территорий¹.

3. Сложившаяся в регионе пространственная дифференциация муниципальных образований и населенных пунктов сохраняет черты разных периодов развития приграничных отношений.

Одним из полюсов является областной центр, имеющий уникальное расположение – непосредственно на границе, напротив китайского города Хэйхэ, находящегося с противоположной стороны р. Амур, в которых при этом дислоцированы таможенные переходы, выполняющие функции обеспечения перемещения людей и различных грузов.

Другим полюсом являются населенные пункты, также расположенные непосредственно на берегу р. Амур, применительно к которым действует режим пограничной зоны с элементами закрытости, сохранившимися со времен наиболее значительного обострения российско-китайских отношений.

Доминирование барьерной функции лишает данные территории ресурса взаимодействия с сопредельными территориями и, соответственно, фактора социально-экономического развития. Территории становятся тупиковыми и периферийными со всеми соответствующими атрибутами: низкий уровень жизни населения, неблагоприятное течение демографических процессов, высокая социально-трудовая напряженность.

Такая дифференциация не могла не отразиться на развитии этих территориальных образований за современный период приграничного сотрудничества, предопределяя концентрацию внешнеэкономических связей в центре региона.

Перспективным направлением в развитии приграничных муниципальных образований является снятие изоляционных мер, а также более эффективное использование потенциала приграничного положения.

Вместе с тем, как показал проведенный анализ, приграничные муниципальные образования в своем большинстве являются слаборазвитыми и неперспектив-

¹ Лазарева В. В., Власова Н. Ю., Дьяченко В. Н. Неравномерность развития муниципальных образований Дальневосточного приграничья // Известия Уральского государственного экономического университета. 2019. Т. 20, № 1. С. 61–77.

ными с точки зрения осуществления внешнеэкономического сотрудничества. Среди факторов, определяющих возможности формирования контактных зон в приграничье, необходимо выделить закрытость границ и необустроенность приграничной инфраструктуры. Кроме этого, особенности хозяйственного освоения и развития предопределили экономическую и социальную неконкурентоспособность данных территорий ввиду отсутствия в большинстве из них экспортно ориентированных производств.

Зарубежный опыт свидетельствует о том, что приграничные территории без поддержки центра не способны самостоятельно преодолеть кризисность своего развития, превратиться в зону контакта, поэтому региональная политика в их отношении ставит своей целью преодоление негативных последствий былой барьерной функции границ, относительной изолированности и периферийности приграничных территорий. С учетом сказанного возникает необходимость в проведении анализа практики государственного управления в отношении приграничных территорий.

3 СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОТЕНЦИАЛА ПРИГРАНИЧНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ РЕГИОНА

3.1 Региональная политика устойчивого развития приграничных территорий: зарубежный и российский опыт

Государственная региональная политика как форма целенаправленной помощи государства развитию отдельных территорий с использованием специальных рыночных инструментов и моделей регионального развития на основе развития идей Дж. Кейнса возникла в 1920–1930-е годы в США и странах Западной Европы¹. Между тем, как отмечает Е. Г. Анимица, «региональная наука пока не сумела обобщить результаты многолетних теоретических дискуссий и дать емкое определение региональной политики»².

В данной работе мы придерживаемся определения понятия «региональная политика», закрепленного в официальных документах РФ, касающихся регионального развития, в которых определено что «государственная политика регионального развития представляет собой систему приоритетов, целей, задач, мер и действий федеральных органов государственной власти по политическому и социально-экономическому развитию субъектов Российской Федерации и муниципальных образований»³.

В настоящее время в научных исследованиях принято выделять два уровня государственной региональной политики – федеральный и субфедеральный, различающихся компетенциями и полномочиями субъектов регулирования, масшта-

¹ Латушко Н. А. Эволюция моделей региональной политики в контексте теорий региональной экономики // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2017. Т. 7, № 11А. С. 46–52.

² Анимица Е. Г. Региональная политика: сущность, основные цели, проблемы // Экономика региона. 2005. № 1. С. 12.

³ Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 г. : указ Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13.

бом решаемых задач, используемыми методами и формами регулирования, объемом используемых ресурсов. Как справедливо отмечает А. Я. Троцкий, «отдавая должное признанию различий между двумя уровнями региональной политики, следует, тем не менее, постоянно помнить об их тесной взаимозависимости и взаимообусловленности. Тесная связь между уровнями региональной экономической политики государства обусловлена, во-первых, тем, что развитие экономики региона, включая ее пространственные аспекты, детерминировано деятельностью одновременно двух субъектов – федеральных и региональных органов власти и управления. Во-вторых, региональная экономическая политика субъекта Федерации зачастую является зеркальным отражением политики федеральных властей, поскольку обе политики являют собой пространственный срез единой государственной социально-экономической политики. Наконец, в-третьих, структура региональной политики как на макро-, так и на мезоуровне идентична»¹.

Мировой опыт показывает, что государства, располагающие региональной политикой, сильно различаются по характеру этой политики и декларируемым в ней целям. При этом следует отметить, что в разные периоды времени приоритеты региональной политики и соответственно цели, объекты и инструменты могут значительно отличаться, что определяется в первую очередь уровнем социально-экономического развития, стадиям циклов экономического развития и доминирующей на данный период концепцией регионального развития.

Изучение отечественного и зарубежного опыта реализации региональной политики показывает, что существует два основных подхода к пространственному развитию, в основе которых лежат альтернативные модели (таблица Л.1, приложение Л).

Первый подход, в основе которого лежит модель рыночной организации пространства (концепция поляризованного регионального роста), предусматривает выделение и поддержку территорий, имеющих существенные конкурентные преимущества, которые окажут инновационное воздействие на соседние террито-

¹ Трансформационные процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае / А. Я. Троцкий, Л. В. Родионова, А. М. Сергиенко и др. ; под ред. А. Я. Троцкого. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2017. С. 31.

рии, ускоряя развитие всей страны. Однако, как отмечает ряд исследователей, стимулирующая политика имеет неизбежные издержки, а именно ведет к росту регионального неравенства и, как следствие, к усилению рисков дезинтеграции.

Второй подход, базирующийся на модели государственного сохранения («удержания») пространства (концепция выравнивающего регионального роста), предполагает обеспечение относительно равных условий жизни населения и хозяйствования. В качестве механизма такой политики служит перераспределение финансовых ресурсов для поддержки менее развитых территорий.

Как справедливо отмечает К. В. Криничанский, «ставка только на политику выравнивания имеет негативные эффекты, связанные с ослаблением стимулов обеих категорий регионов (слабые теряют стимул к приложению больших усилий, так как привыкают к поддержке сверху, сильные утрачивают такие стимулы, так как не получают возможности влиять на решения относительно использования создаваемых ими дополнительных доходов, которые изымаются в федеральный центр)»¹. Поэтому каждая страна ищет оптимальный баланс между стимулирующей и выравнивающей политикой, т. е. стремится не только поддерживать слабо-развитые регионы, но и стимулировать внутри этих регионов локальные территории с конкурентными преимуществами.

Приграничные территории, которые в теории региональной экономики принято относить к типу проблемных², попадают под юрисдикцию региональной политики. Развитие приграничных территорий является актуальной проблемой для многих стран мира. Органы власти разрабатывают и реализуют мероприятия, направленные на сокращение отставания развития приграничных регионов от внутрирегиональных, а также на преодоление черт периферийности, обусловленной былой барьерной функцией государственной границы. Наиболее интересен в этом отношении опыт Европейского союза и Китая, где приграничные террито-

¹ Криничанский К. В. Политико-экономические аспекты формирования модели регионального развития в России // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 7. С. 2–12.

² Территории, которые самостоятельно не в состоянии решить свои социально-экономические проблемы или реализовать свой высокий потенциал и поэтому требуют активной поддержки со стороны государства.

рии являются объектом региональной политики, в отношении которых используется не только выравнивающая, но и стимулирующая политика, а уникальным инструментом решения локальных проблем приграничья, по мнению Н. М. Межевича, является приграничное сотрудничество¹.

Охарактеризуем региональную политику названных стран более подробно.

Региональная политика Европейского союза. Европейская практика региональной политики традиционно характеризуется повышенным вниманием к проблемам приграничных территорий, приграничному и трансграничному сотрудничеству. В Европейской Хартии регионального и пространственного планирования в качестве цели региональной политики в отношении приграничных территорий обозначено открытие границ и установление приграничного консультирования и сотрудничества при условии совместного использования приграничной инфраструктуры. При этом в документе отмечено, что «приграничные районы более, чем какие-либо другие, нуждаются в межгосударственной координации. Государства должны способствовать прямым контактам приграничных регионов и местностей между территориальными сообществами и органами управления с тем, чтобы обеспечить тесные контакты всех заинтересованных граждан»².

По всему периметру внешних и внутренних границ ЕС формируются обширные зоны трансграничного сотрудничества. На интенсификацию трансграничного сотрудничества направлены так называемые инициативные программы. В частности, в отношении приграничных территорий реализуется программа INTERREG, которая является одним из ключевых инструментов Европейского союза, поддерживающих трансграничное сотрудничество посредством финансирования проектов. Ее цель заключается в совместном решении общих проблем и поиске общих решений в таких областях, как здравоохранение, окружающая среда, научные исследования, образование, транспорт, устойчивая энергетика

¹ Межевич Н. М. Региональная экономическая политика в Российской Федерации: влияние трансграничного сотрудничества на традиционные и новые механизмы реализации : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05. СПб., 2003. 372 с.

² Региональное развитие: опыт России и Европейского Союза : монография / А. Г. Гранберг, И. М. Бусыгина, В. Г. Введенский и др. М. : Экономика, 2000. С. 347.

и т. д. В настоящий период реализуется программа INTERREG-V, рассчитанная на период 2014–2020 гг. и финансируемая Европейским фондом регионального развития. INTERREG включает три типа программ: трансграничное сотрудничество¹, транснациональное² и межрегиональное³.

Особого внимания заслуживает концепция развития еврорегионов⁴, призванная решить задачи социально-экономического и культурного развития приграничных территорий. «Основная цель создания еврорегионов – объединение усилий приграничных районов западноевропейских стран для преодоления их относительной отсталости в социально-экономической сфере, определенной изолированности по отношению к центру. По мере развития процессов европейской интеграции такая форма стала рассматриваться как необходимый дополнительный инструмент строительства Европейского союза, хотя и не получивший официального закрепления в основных документах этой организации. В настоящее время

¹ Направлена на решение ключевых местных проблем, с которыми сталкиваются граждане и предприятия, ежедневно пересекающие границы. Пересечение границ, чтобы найти работу, получить лучшее медицинское обслуживание, воспользоваться общественными учреждениями или получить экстренную поддержку, все еще может вызывать трудности. Проблемы с налогообложением или пенсионными правами, непризнание прав или стандартов, невозможность использования совместных экстренных служб существуют и сегодня. Большинство из сохранившихся препятствий связаны с расхождением национальных законодательств по обе стороны границы, несовместимыми административными процессами или просто отсутствием общего территориального планирования.

² Транснациональное сотрудничество включает в себя регионы из нескольких стран ЕС, которые образуют большие территории. Оно направлено на содействие лучшему сотрудничеству и региональному развитию в рамках ЕС на основе совместного подхода к решению общих проблем. Поддерживает широкий спектр инвестиционных проектов, связанных с инновациями, окружающей средой, доступностью, телекоммуникациями, городским развитием и т. д.

³ Межрегиональное сотрудничество работает на общеевропейском уровне, охватывая все государства – члены ЕС и ряд других. Оно создает сети для развития передовой практики и облегчения обмена и передачи опыта успешными регионами.

⁴ Еврорегионы – приграничные сообщества международного трансграничного сотрудничества европейских стран в области экономики, культуры, образования, транспорта, экологии и др., создаваемые на основе принципа субсидиарности. Их функционирование осуществляется путем перераспределения власти между центральным правительством и приграничными сообществами, наделенными полномочиями самостоятельно регулировать свою деятельность и заключать межрегиональные трансграничные соглашения в соответствии с государственным законодательством. Основные сферы деятельности еврорегионов – местные торгово-экономические связи и занятость, транспорт и связь, культура и образование, туризм, здравоохранение и социальная сфера, инфраструктура и защита окружающей среды. Еврорегионы также занимаются вопросами обустройства совместной границы и прилегающей территории, взаимодействия в чрезвычайных ситуациях. Иногда стороны решают задачи местного характера: водообеспечение, миграция приграничного населения, пространственное планирование и др.

еврорегионам отводится важная роль в создании благоприятных условий для развития Евросоюза на его внешних границах, особенно для сотрудничества со странами Центральной и Восточной Европы. Деятельность территориальных сообществ по типу еврорегионов признается наиболее эффективным из существующих сегодня механизмов приграничного взаимодействия, а характерной их чертой стало наличие постоянно действующих общих рабочих органов»¹.

Региональная политика Китая. Политика КНР в отношении приграничных территорий основывается на концепции открытой экономики, реализация которой позволила создать целую систему «открытых» территорий. Одной из распространенных практик приграничного сотрудничества Китая с сопредельными странами являются приграничные торговые зоны (ПТЗ) и зоны приграничного экономического сотрудничества (ЗПЭС), формирование которых началось с 1992 г. Выступая инициатором создания зон, Китай преследует цели развития своих приграничных регионов, создания условий для экспорта продукции китайского производства, продвижения своей экономической политики на приграничные территории сопредельных стран. Как правило, в зонах располагаются перерабатывающие предприятия и экспортно ориентированные производства, которые пользуются налоговыми преференциями. В настоящее время на границе с КНР созданы и успешно функционируют четыре открытые зоны приграничного сотрудничества: Хэйхэ (провинция Хэйлунцзян), Суйфэньхэ (Хэйлунцзян), Маньчжурия (АРВМ), Хунчунь (Цилин).

Центральные и региональные органы власти Китая значительное внимание уделяют развитию приграничных территорий, используя для этого различные инструменты². Как отмечают Т. Г. Мотовиц и Е. А. Зубарева, «в законодательстве КНР существуют большие преференции относительно приграничных торговых связей: упрощенный порядок лицензирования и квотирования операций приграничной торговли, пониженная ставка подоходного налога для предприятий приграничных районов, расширенные права местных органов власти в области реги-

¹ Вовенда А. В., Плотников В. А. Еврорегионы как фактор успешной международной интеграции в современных условиях // Балтийский регион. 2011. № 4. С. 60–68.

² Изотов Д. А. Экономика провинции Хэйлунцзян: перспективы развития в контексте реализации целевых программ // Регионалистика. 2015. Т. 2, № 4. С. 32.

страции компаний, имеющих право ведения торговли в приграничной полосе, и т. д. Помимо этого, принимается множество программ регионального развития. Китайское руководство прилагает усилия, создавая условия для долгосрочного поступательного развития экономики и уделяя при этом внимание решению структурных проблем, а также способствуя интенсификации приграничного сотрудничества. Китайский опыт свидетельствует, что разумное использование преимуществ приграничного положения дает мощный импульс для развития даже самых неблагоприятных приграничных территорий. Политика открытости в КНР осуществляется также посредством активизации деятельности стратегически важных приграничных городов, что способствует притяжению инвестиций и, как следствие, ускорению формирования строительной сферы и инфраструктуры на качественно новом уровне в этих городах; приграничная торговля получает новый импульс развития, что положительно влияет на укрепление социально-экономических связей между соседними государствами»¹.

Региональная политика Российской Федерации. В условиях усиливающейся пространственной неравномерности развития РФ стратегически важным направлением обеспечения устойчивого территориального развития является проведение сильной государственной региональной политики, направленной на сглаживание чрезмерной дифференциации в уровне социально-экономического развития проблемных регионов, отличающихся прежде всего значительной остротой кризисных процессов.

Приграничные территории составляют особую категорию объектов региональной политики РФ. Необходимость такой политики, как справедливо отмечают С. С. Артоболевский и Л. Б. Вардомский, связана в первую очередь с кризисностью их развития². Приграничные территории в своем большинстве – это слаборазвитые территории, для которых характерна экономическая деградация, уси-

¹ Мотовиц Т. Г., Зубарева Е. А. Иностраный опыт приграничного сотрудничества и возможности его использования в России // Ученые заметки Тихоокеанского государственного университета. 2013. Т. 4, № 4. С. 398–401.

² Артоболевский С. С., Вардомский Л. Б. Приграничные ареалы и региональная политика в Российской Федерации // Проблемы общественной географии : сб. науч. тр. / под общ. ред. П. Г. Подглушного. Киев : Ин-т географии НАН Украины, 2010. Вып. 5. С. 14–26.

ление социального неравенства, сокращение занятости, падение уровня жизни населения. Поэтому государство заинтересовано в оздоровлении территорий неблагополучия, которые рано или поздно становятся зонами политического, социально-экономического и экологического напряжения, способного дестабилизировать положение на значительных пространствах или даже во всей стране.

Во-вторых, некоторые приграничные территории – это идеальные полюса роста, стимулирование которых способно оказать инновационное воздействие на соседние территории, ускоряя развитие всей страны.

В-третьих, многие приграничные территории выполняют общестрановые функции, обслуживая интересы Российской Федерации, и поэтому государство заинтересовано в их нормальном функционировании.

В принятой Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.¹ четко прослеживается использование геополитического приоритета пространственного развития, под которым Н. В. Зубаревич понимает «приоритет сохранения целостности страны и усиления контроля за стратегически важными территориями»².

Так, в качестве задачи пространственного развития в Стратегии определено «обеспечение национальной безопасности Российской Федерации за счет социально-экономического развития геостратегических территорий Российской Федерации, в том числе за счет опережающего среднероссийские темпы социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, расположенных на территории Дальнего Востока, и обеспечения устойчивого прироста численности постоянного населения в указанном макрорегионе»³. Решение этой задачи предполагает инвестирование государства в развитие приграничных и (или) стратегически значимых для страны территорий.

¹ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. : распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р.

² Зубаревич Н. В. Эволюция приоритетов региональной политики России // Вопросы географии. Сб. 141: Проблемы регионального развития России. М. : Кодекс, 2015 (2016). С. 151–165.

³ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. : распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р.

Учитывая, что в качестве полигона исследования были выбраны приграничные муниципальные образования субъекта РФ, входящего в состав ДВФО, в рамках данного исследования автором рассмотрена региональная политика только в отношении дальневосточных приграничных территорий.

Политика федерального центра. Вся история освоения и развития Дальнего Востока неразрывно связана с активной государственной политикой. Кардинальные изменения в политике по отношению к территориям Дальнего Востока связаны с принятием ряда стратегических¹ и программных документов², в которых определяются задачи развития макрорегиона, и созданием федерального Министерства по развитию Дальнего Востока, образованного в 2012 г. указом Президента РФ от 21 мая 2012 г. № 636 «О структуре федеральных органов исполнительной власти».

В качестве самостоятельного объекта государственного управления дальневосточные приграничные территории были выделены с принятием «Концепции развития приграничных территорий субъектов Федерации Дальневосточного федерального округа», так как последние обладают существенной спецификой, требующей использования специальных форм и методов регулирования.

В качестве целей федеральной региональной политики в отношении приграничных территорий определены «устойчивое развитие экономики и обеспечение социальной стабильности дальневосточных и байкальских приграничных территорий, а также формирование и развитие конкурентных преимуществ перед приграничными территориями сопредельных государств»³.

¹ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. : распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2009 г. № 2094-р.

² Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа» : постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 308.

³ Об утверждении Концепции развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа и Байкальского региона: Распоряжение от 28 октября 2015 г. № 2193-р.

В таблице М.1 (приложение М) приведен перечень институтов и основных инструментов федеральной региональной политики, используемых в отношении территорий ДВФО, в том числе приграничных.

Усилия, прилагаемые к развитию макрорегиона в целом, носят впечатляющий характер, чего нельзя сказать о приграничных территориях, относящихся к мезо- и микроуровню приграничья, – к ним относятся муниципальные районы и населенные пункты, границы которых совпадают с государственными. В своем большинстве эти территории являются слаборазвитыми.

Проведенный анализ устойчивого развития муниципальных образований Амурской области показал, что наиболее устойчиво развиваются те муниципальные образования, где реализуются крупные инвестиционные проекты, финансируемые из федерального бюджета или крупными корпорациями при полном согласовании с государством, во многих случаях по государственной инициативе.

В условиях усилившейся конкуренции регионов за ресурсы и помощь федерального центра актуальность приобретает проблема поиска источников и факторов их саморазвития. В приграничных регионах эти возможности связаны с приграничным положением, в котором заложен огромный потенциал, связанный с потенциалом внешнеэкономического сотрудничества.

Содействие развитию потенциала приграничного положения – одно из направлений региональной социально-экономической политики, предполагающее использование инструментов, основанных на принципе территориально сфокусированного преференциального стимулирования предпринимательской активности (особые экономические зоны (нескольких типов), индустриальные и промышленные парки, технопарки, зоны территориального развития, инновационные кластеры, промышленные округа, территории опережающего развития, свободные порты)¹.

Опыт зарубежных стран показал, что региональные власти должны не только декларировать приграничное положение в качестве конкурентного ресурса, но и использовать его в целях устойчивого развития приграничных территорий.

¹ Швецов А. Инструменты политики поляризованного пространственного развития // Федерализм. 2018. № 1. С. 82–103.

Кроме этого, следует отдельно отметить важность осознания региональными органами власти необходимости дифференцированного подхода к развитию приграничных территорий, требующего использования особых инструментов, несводимых к единым и определяемым спецификой разных участков приграничья.

Региональная политика субъекта РФ (Амурская область). Основным инструментом осуществления региональной политики в отношении приграничных территорий является реализация программ. В настоящее время в области принята и реализуется Программа развития приграничных территорий Амурской области до 2025 г. Так, в качестве целей Программы обозначены: «комплексное и устойчивое развитие приграничных территорий области; создание комфортных условий для жизни и деятельности населения приграничных территорий области; формирование и удержание конкурентных преимуществ перед приграничными территориями Китайской Народной Республики»¹.

Программа учитывает положения Стратегии социально-экономического развития Амурской области до 2025 г., где в качестве одного из основных принципов региональной политики области определено «формирование точек роста² – зон опережающего развития, кластеров и особых экономических зон различного типа с максимальной концентрацией финансовых, трудовых, административно-управленческих ресурсов»³. Поэтому основным принципом формирования программных мероприятий является определение точек роста приграничных территорий области.

Перечень точек роста в разрезе муниципальных образований представлен инвестиционными проектами преимущественно с частным финансированием крупных корпораций и проектами, финансирование которых предусмотрено от-

¹ Об утверждении Программы развития приграничных территорий Амурской области до 2025 г. : постановление Правительства Амурской области от 28 сентября 2016 г. № 420.

² В Концепции развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа и Байкальского региона, определено, что точки роста – это специальные проекты (площадки, зоны), реализация которых использует возможный потенциал приграничного муниципального образования и оказывает положительное социально-экономическое влияние как на приграничное муниципальное образование, так и на дальневосточную и байкальскую приграничные территории в целом.

³ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Амурской области на период до 2025 г. : постановление Правительства Амурской области от 13 июля 2012 г. № 380.

раслевыми государственными программами области. Сформированный перечень точек роста при его детальном анализе представляет собой список проектов, реализация которых уже осуществляется и будет закончена к 2020 г., хотя Программа рассчитана до 2025 г.

Критический анализ действующей Программы показал, что ее мероприятия слабо ориентированы на формирование конкурентных преимуществ приграничных территорий перед сопредельными территориями КНР, также отмечается их низкая ориентированность на возможности использования приграничного положения в целях устойчивого развития.

Кроме этого, автором отмечается явная недоработка программного документа в части определения ключевых индикаторов, определяющих степень достижения целей Программы, что определяет необходимость ее доработки. В таблице М.2 (приложение М) представлены ключевые индикаторы реализуемой Программы развития приграничных территорий Амурской области до 2025 г.¹

На наш взгляд, представленная система индикаторов в большинстве своем ориентирована на итоговое состояние (изменение состояния) региона в целом и не позволяет оценить *итоговое состояние (изменение состояния) приграничных территорий в разрезе муниципальных образований, отражающее их комплексное и устойчивое развитие*. Кроме этого, по ряду задач отсутствуют ключевые индикаторы, позволяющие оценить степень достижения поставленных задач, а также отсутствуют индикаторы, отражающие сформированность конкурентных преимуществ приграничных муниципальных образований перед приграничными территориями Китайской Народной Республики.

По нашему мнению, перечисленные проблемы во многом объясняются отсутствием стратегического подхода к развитию приграничных территорий области с использованием потенциала приграничного положения. В реализуемой Стратегии социально-экономического развития Амурской области до 2025 г. приграничное положение рассматривается региональными властями как конкурент-

¹ Об утверждении Программы развития приграничных территорий Амурской области до 2025 г. : постановление Правительства Амурской области от 28 сентября 2016 г. № 420.

ный ресурс и указывается как сильная сторона при проведении SWOT-анализа, но при этом не находит отражения в стратегических направлениях развития, предполагающих его использование в целях устойчивого развития региона в целом и муниципальных образований в частности.

С учетом сказанного в работе возникает необходимость проведения анализа уровня развития и использования потенциала приграничного положения Амурской области в целях устойчивого развития региона, а также определения перспективных направлений его использования с учетом сложившихся тенденций.

3.2 Анализ уровня развития потенциала приграничного положения и его использования для устойчивого развития Амурской области

Одним из важнейших факторов, определяющих тенденции в развитии Амурской области, является ее положение как региона, граничащего с Китаем. На первоначальных этапах освоения русскими Дальнего Востока это определило создание по побережью Амура в 1856 г. трех казачьих постов: Куммарского на западе области, Усть-Зейского в ее центре и Урканского на востоке (в настоящее время остался один – Усть-Зейский, переименованный в 1858 г. в Благовещенск), жители которых выполняли функции как защиты границы, так и хозяйственного освоения. В дальнейшем до 1869 г. в данной зоне, т. е. вдоль Амура, появились 69 казачьих станиц, выполнявших роль пограничных пунктов, с одной стороны, и демонстрирующих присутствие на этой территории Российского государства, с другой. В последующем непосредственная близость границы обеспечила наличие значительного контингента китайской рабочей силы, создающей условия для интенсификации хозяйственной деятельности¹ (рисунок 18).

¹ Лазарева В. В. Трансформация системы расселения пограничной зоны Амурской области // Вестник Амурского государственного университета. Сер.: Естественные и экономические науки. 2017. № 77. С. 119–123.

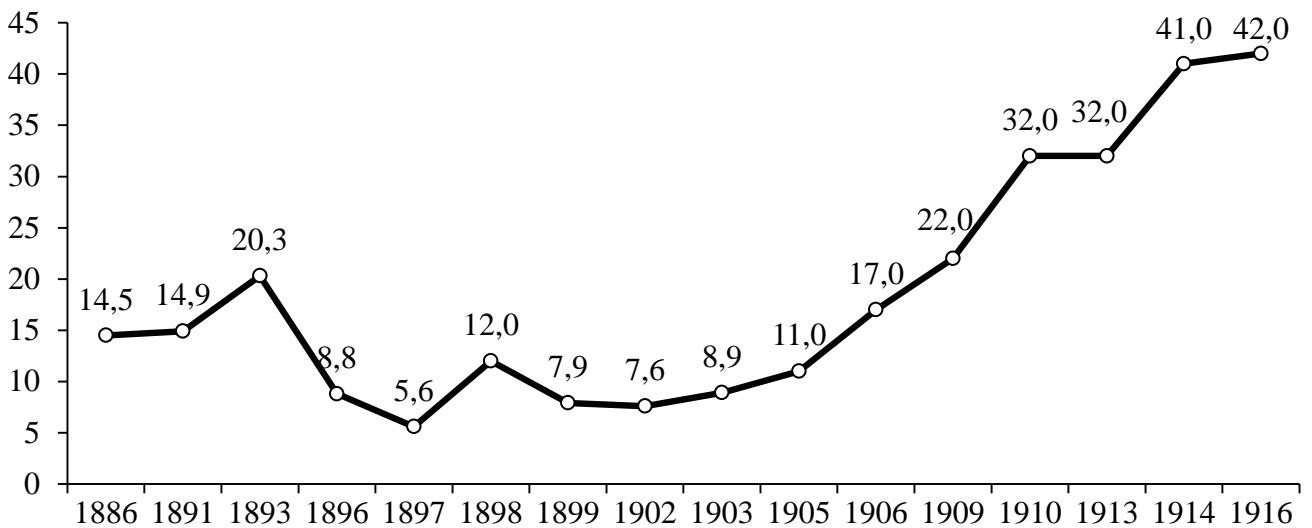

Рисунок 18 – Численность китайских граждан в Амурской области, тыс. чел.

Быстрый рост Благовещенска напрямую был обусловлен его ролью в развитии торговых связей с Китаем. Наряду с позитивным влиянием, приграничное положение сказывалось на развитии Приамурья и негативно. В период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. близость границы с оккупированным японцами Китаем не позволила использовать Амурскую область для размещения предприятий оборонных отраслей, эвакуированных из европейской части страны. Тем самым регион не получил того толчка в своем промышленном развитии, который определил индустриализацию Сибири.

Период охлаждения отношений между СССР и КНР совпал с наиболее бурным процессом размещения производительных сил в Сибири и на Дальнем Востоке. Тем самым приграничное положение и в этот период стало естественным ограничителем для создания здесь производств военно-промышленного комплекса. Был ослаблен интерес к Приамурью и других промышленных министерств. В результате в городах Приамурья получили развитие только те предприятия, продукция которых не имела стратегического значения. В итоге свертывания торговых связей СССР и КНР Благовещенск полностью утратил роль центра международной торговли. Утеряны были и возможности развития соответствующей инфраструктуры.

Нормализация отношений между странами создала условия для развития приграничных связей. Открытие пограничных переходов обеспечило возможности для приграничных туристических обменов и приграничной торговли, развития посреднических операций, а в последующем и для использования в приграничье иностранной рабочей силы, развития иностранных инвестиций, создания совместных предприятий. Однако экономическая слабость как Приамурья, так и непосредственно соседствующего с ним округа Хэйхэ стала существенным ограничителем масштабов и направлений приграничного сотрудничества.

Возобновление дружеских отношений между странами раскрыло новые возможности для развития приграничных связей. Следует особо отметить, что этот период практически наложился на период реформ и сопровождающий его экономический кризис. Для Дальнего Востока в целом и тем более для Амурской области сотрудничество с Китаем стало практически единственной формой экономического выживания. В силу ряда причин Приамурье практически потеряло всяческий экономический интерес для Центральной России, сохраняя лишь политическую ценность обеспечения территориальной целостности. Это обусловило концентрацию региональной активности в развитии приграничных связей. В итоге были достигнуты крупные прорывы не только по местным масштабам, но и во взаимоотношениях двух стран в целом. Приграничное сотрудничество стало своеобразным локомотивом межгосударственных взаимоотношений, раскрывая потенциал их возможных направлений.

Оценивая уровень развития потенциала приграничного положения как специфических возможностей, связанных с близостью к границе, с присутствием на территории инфраструктуры границы, следует иметь в виду, что он может иметь существенные различия с точки зрения реализации интересов различных групп акторов¹ (рисунок 19).

Для международных внешнеэкономических связей между странами приграничные территории представляют интерес практически исключительно как

¹ Dyachenko V., Lazareva V. The practice of use and development of boarder situation potential (based on the materials of the Amur region) // IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science. 2019. Vol. 272. URL : <https://doi.org/10.1088/1755-1315/272/3/032204>.

транзитная территория, потенциал которой оценивается транспортно-логистическими возможностями и развитостью инфраструктуры приграничного перехода.

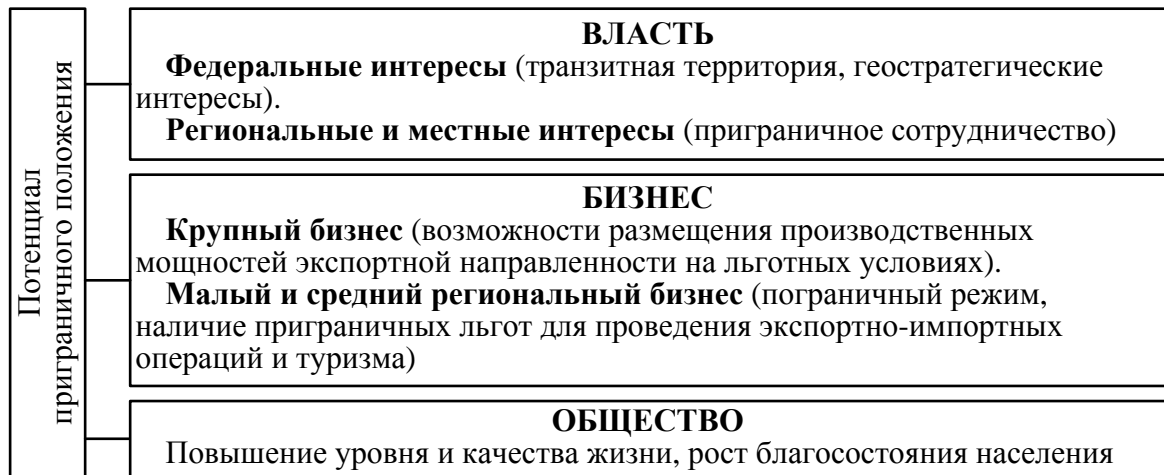

Рисунок 19 – Сочетание интересов различных групп акторов по отношению к целям и результатам развития приграничных территорий

Открытие пограничных переходов, обеспечивших условия для развития приграничных контактов, стало первым шагом в создании на территории области международного транспортного коридора. Их возможности способствовали развитию приграничного туризма и торговых связей. Следующим шагом в развитии возможностей обменов явилось возведение линии электропередач, позволившей развивать передачу электроэнергии, производимой на территории Приамурья, в Китай. Возведение каскада ГЭС на р. Бурея создает дополнительные возможности для экспорта электроэнергии, предполагая тем самым и создание новых мощностей по ее передаче.

Дальнейшее развитие коммуникационной инфраструктуры связано с возведением нефтепровода с отведением в Китай в районе г. Сковородино. В настоящее время активно ведется строительство газопровода с пересечением границы в районе Благовещенска и возведение мостового перехода, введение которого способно качественно изменить возможности транспортировки грузов через границу и в интересах приграничья, но в гораздо большей степени для осуществле-

ния транзитных функций. Тем самым Амурская область превращается в один из крупнейших центров транспортировки грузов.

Более 300 инвестиционных проектов, реализуемых в рамках новых механизмов развития Дальнего Востока, предусматривают создание производств, ориентированных на экспорт продукции в страны Азиатско-Тихоокеанского региона. В этих условиях критическим фактором конкурентоспособности Дальнего Востока в целом и Амурской области в частности становится пропускная способность трансграничной инфраструктуры (пунктов пропуска), скорость и качество работы таможенных органов.

На сегодняшний день из восьми пограничных переходов, расположенных в регионе, функционирует только два (в Благовещенске и пгт. Поярково Михайловского района)¹ (таблица 13).

Таблица 13 – Пограничная инфраструктура в Амурской области

Муниципальное образование	Пункт пропуска	Характеристика
Функционирующие		
Благовещенск ГО	Смешанный пункт пропуска Благовещенск – Хэйхэ	Ежедневно. Грузопассажирский, постоянный, многосторонний. СПП «Благовещенск» является крупнейшим по объемам пассажирских перевозок среди пунктов пропуска, расположенных на территории ДФО
Михайловский МР	Смешанный пункт пропуска Поярково – Сюнькэ	В период навигации и ледостава: пять дней в неделю. Грузопассажирский, постоянный, многосторонний
Нефункционирующие		
Сковородинский МР	Смешанный пункт пропуска Сковородино – Мохэ	Выезд по предварительным заявкам заинтересованных лиц. Грузопассажирский, на нерегулярной основе, двусторонний
Сковородинский МР	Смешанный пункт пропуска Джалинда – Мохэ	Грузопассажирский, постоянный, многосторонний, не функционирует с 2008 г.
Константиновский МР	Смешанный пункт пропуска Константиновка – Суньу	Грузопассажирский, постоянный, многосторонний, не функционирует с момента установления

¹ Таможенные органы и пункты пропуска через государственную границу Российской Федерации, расположенные в регионе деятельности Дальневосточного таможенного управления. Режим доступа : <http://dvtu.customs.ru/document/text/164236>.

Продолжение таблицы 13

Муниципальное образование	Пункт пропуска	Характеристика
Шимановский МР	Смешанный пункт пропуска Ушаково – Хума	Грузопассажирский, постоянный, многосторонний, не функционирует с момента установления
Благовещенский МР	Автомобильный пункт пропуска Кани-Курган – Чанфаньтун	Автомобильный, грузопассажирский, временный, двусторонний, упрощенный, не функционирует (установлен, но не открыт)
Благовещенский МР	Смешанный пункт пропуска Верхнеблаговещенский – Хэйхэ	Грузопассажирский, временный, двусторонний, не функционирует. Установлен на период строительства подводного газопровода распоряжением Правительства РФ № 211-р от 12 февраля 2016 г. Открыт приказом Минтранса России от 4 апреля 2017 г. № 134
Примечание. Составлено автором по: Пункты пропуска через государственную границу Российской Федерации. Режим доступа : https://www.mintrans.ru/activities/168 .		

В семи приграничных муниципальных образованиях пограничная инфраструктура отсутствует. Поэтому внешнеэкономическая деятельность осуществляется преимущественно в зонах тяготения к действующим смешанным пунктам пропуска, при этом основной внешнеторговый оборот (около 90 %) приходится на Благовещенск.

Для крупного бизнеса существенную ценность представляют прежде всего возможности для размещения производственных мощностей экспортной направленности на льготных условиях.

В последнее время четко прослеживается интерес к размещению крупными корпорациями своих производств на Дальнем Востоке, включая Амурскую область, который реализуется через механизм выделения территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР)¹, в рамках которых для резидентов предусмотрена система специальных преференций² (таблица 14).

¹ Территории опережающего развития // Инвестиционный портал Амурской области. Режим доступа : <http://invest.amurobl.ru/info/investor-tor>; О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации : федер. закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ.

² Дьяченко В. Н., Лазарева В. В. Развитие Приамурья в свете потерь и упущенных возможностей // Россия и Китай в АТР: трансграничное взаимодействие : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Благовещенск, 20–23 апреля 2016 г.) : в 2 ч. / под общ. ред. Л. А. Понкратовой. Благовещенск : Изд-во Амур. гос. ун-та, 2016. Вып. 3. Ч. 1. С. 159.

Таблица 14 – Система специальных преференций для резидентов ТОСЭР

Налоги	Налог на прибыль	Налог на имущество	Земельный налог	Тарифы страховых фондов
Общий режим	20 %	2,2 %	По решению муниципалитета	30 %
ТОСЭР	0 % – 5 лет; 10 % – 5 лет	0 % – 5 лет; 1,1 % – 5 лет	0 % – 3 года	7,6 % – 10 лет

Примечание. Составлено автором по: О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации : федер. закон от 29 декабря 2014 года № 473-ФЗ.

Кроме этого, в отношении резидентов ТОСЭР применяются такие инструменты, как режим свободной таможенной зоны (беспошлинный ввоз оборудования и комплектующих); привлечение иностранной рабочей силы без учета квот; облегченный порядок проведения государственного и муниципального контроля; согласование внеплановых проверок с Минвостокразвития России; сокращенные сроки получения разрешительной документации; предоставление земельных участков по упрощенной процедуре.

В Амурской области созданы три территории опережающего социально-экономического развития: «Приамурская», «Белогорск» и «Свободный». Характеристика ТОСЭР, а также реализуемые на их территории инвестиционные проекты представлены в приложении Н.

Соответственно, все остальные хозяйствующие субъекты региона могут рассчитывать исключительно на собственные силы и средства. Их экономическая слабость, сочетающаяся с инфраструктурной отсталостью муниципальных образований, по-прежнему оставляет подавляющую часть территориальных образований региона лишенными внутреннего потенциала трансформаций.

При этом влияние ТОСЭР на реальный сектор экономики мы можем рассматривать как *отрицательное*, поскольку в первую очередь они оттягивают трудовые ресурсы из тех отраслей, в которых уже существует дефицит. Безусловно, это не может служить основанием для отказа от стратегии создания точек роста, а лишь свидетельствует о ее явной недостаточности для реализации ста-

вящихся задач по развитию Дальнего Востока в целом и Амурской области в частности¹.

Для малого и среднего регионального бизнеса интерес представляет пограничный режим и наличие приграничных льгот для проведения экспортно-импортных операций и туризма.

В настоящее время многие амурские предприниматели переориентировались на использование погранпереходов, расположенных в других краях и областях Дальнего Востока. Связано это в первую очередь со значительными затратами на проведение экспортно-импортных операций. Свой вклад в это вносят практически все структуры, задействованные в деятельности таможен и погранпереходов. Благовещенск все больше утрачивает роль лидера в развитии приграничных связей с Китаем. При этом в других регионах достигнут явный прогресс. Примером может служить развитие торговли в Уссурийске, который уверенно завоевывает теряемые Благовещенском позиции центра оптовой торговли китайскими товарами.

Реализация региональных интересов связана с развитием приграничного сотрудничества. По сравнению с другими регионами ДВФО внешняя торговля Амурской области с Китаем имеет наибольшее значение для экономики области, что выражается и в более высоких показателях участия Китая во внешнеэкономической деятельности (таблица 15).

Таблица 15 – Доля Китая во внешнеторговом обороте регионов ДВФО

Территория	2000	2005	2010	2015	2016	2017
ДВФО	20,3	22,9	26,5	26,0	24,5	24,2
Регионы, граничащие с КНР						
Приморский край	27,5	37,4	60,1	50,1	53,7	54,2
Хабаровский край	40,7	43,1	50,9	40,4	42,9	54,7
Амурская область	81,2	81,6	87,0	76,0	77,9	88,1
Еврейская АО	45,3	92,4	94,7	94,4	98,0	97,1

¹ Дьяченко В. Н., Лазарева В. В. Развитие Приамурья в свете потерь и упущенных возможностей // Россия и Китай в АТР: трансграничное взаимодействие : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Благовещенск, 20–23 апреля 2016 г.) : в 2 ч / под общ. ред. Л. А. Понкратовой. Благовещенск : Изд-во Амур. гос. ун-та, 2016. Вып. 3. Ч. 1. С. 157.

Продолжение таблицы 15

Показатель	2000	2005	2010	2015	2016	2017
Регионы, не граничащие с КНР						
Магаданская область	2,4	6,8	7,8	4,2	6,7	8,3
Сахалинская область	8,7	2,9	9,5	9,8	7,8	9,3
Чукотский АО	–	–	–	56,8	61,3	75,3
Республика Саха (Якутия)	0,4	1,2	1,0	10,2	8,7	6,4
Камчатский край	7,6	7,7	45,0	33,9	37,2	31,9
Примечание. Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели – 2018 г. Режим доступа : http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_14p/Main.htm .						

Об уровне использования возможностей приграничного положения при осуществлении внешнеторговой деятельности может свидетельствовать та скромная роль в развитии приграничного сотрудничества с Китаем, которую играет Амурская область на фоне других приграничных регионов Дальнего Востока (рисунок 20).

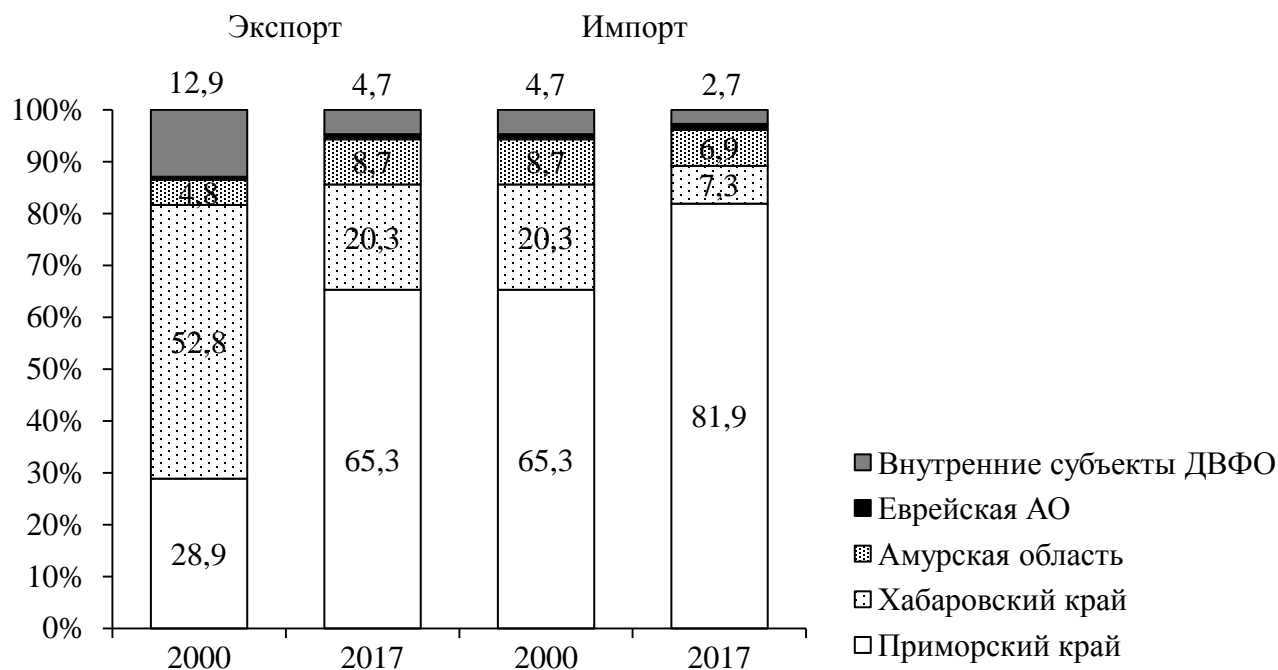

Рисунок 20 – Удельный вес субъектов ДВФО во внешнеторговой деятельности с Китаем в 2000 и 2017 гг.

Наибольший удельный вес по экспорту и импорту приходился на Приморский край, наименьший – на Еврейскую автономную область. Удельный вес

Амурской области в объеме экспорта ДВФО составил 8,7 % в 2017 г. против 4,8 % в 2000 г.; в объеме импорта – 6,9 % в 2017 г. против 8,7 % в 2000 г.

Область является одним из основных покупателей широкого ассортимента китайских товаров и продукции. Устойчивой тенденцией стал рост импортных поступлений машиностроительной продукции. Почти полностью китайской продукцией представлен импортный рынок продукции сельского хозяйства (картофель, овощи), а также рынок пластмассовых изделий, текстильных материалов, специальных тканей, обуви, текстильных и швейных изделий.

В товарной структуре экспорта за весь исследуемый период не произошло существенных изменений. Экспортная продукция представлена преимущественно сырьевой продукцией. В 2017 г. наибольший удельный вес в экспорте товаров занимали древесина и изделия из нее (8,4 %), а также «минеральные продукты» (60,8 % объема).

Объем экспортной древесины в Китай в 2017 г. (без учета древесной массы и отходов) составил 330 тыс. т на сумму 25,0 млн дол. США, или 98,3 % областного объема экспорта древесины и 8,4 % объема экспорта товаров в Китай. По сравнению с 2000 г. экспортные поставки древесины выросли в два раза, а по сравнению с 2010 г. – сократились в 3,2 раза. Китай больше всего заинтересован в амурских поставках круглого леса. На севере Китая специально под российский лес построены десятки деревообрабатывающих комбинатов.

Сырьевой характер экспортной структуры, а также осуществляемая в регионе схема освоения, по большей части, невозпроизводимых природных ресурсов, неизбежно приведет к их исчерпанию, и как следствие к сокращению сырьевой базы для экономического и хозяйственного развития региона¹.

Критический анализ реализуемой Стратегии социально-экономического развития Амурской области показал, что явно выражено стремление к наращиванию его сырьевой специализации. Учитывая сложившуюся ситуацию в промышленности региона, следовало бы ожидать, что предметом государственно-частного парт-

¹ Дьяченко В. Н. Использование приграничного положения в развитии внешнеэкономических связей // Управление экономическими системами. 2014. № 9(69). Режим доступа : <http://uecs.ru/uecs69-692014/item/3039-2014-09-16-11-04-05>.

нерства станет перепрофилирование предприятий региона на выпуск высокотехнологичной импортозамещающей продукции. Однако реальный сектор экономики остается преимущественно за пределами внимания управленческих структур, делающих ставку на проекты по созданию новых мощностей. При этом если исключить так и не реализованные проекты, то в Приамурье вся активность последних десятилетий реально направлена на увеличение добычи природных ресурсов. Однако у достижений в этом направлении есть одно важное последствие: добыча невозобновляемых минерально-сырьевых ресурсов, к сожалению, носит истощающий характер: чем быстрее и больше будем добывать, тем раньше оставим последующие поколения ни с чем. Разумеется, учет этого обстоятельства не может служить призывом к сокращению добывающих производств. Альтернатива сложившейся практике давно выработана и многократно реализуется в других местах, в том числе и на Дальнем Востоке.

Так, при разработке кластерной политики за пределами внимания остались осуществленные еще в советское время разработки по созданию территориально-производственных комплексов (ТПК), в которых были заложены идеи по дополнению добывающих производств следующими, связанными с переработкой сырья до конечного продукта с высокой добавленной стоимостью.

Далеко не бесспорной является и региональная политика по развитию сельскохозяйственного производства. Самую активную государственную поддержку в регионе получила узкая специализация сельскохозяйственных организаций на производстве сои и зерновых, что вывело их из процессов продовольственного обеспечения региона и реализации государственной политики импортозамещения. Свернутым оказалось производство картофеля и плодоовощной продукции. Доминирование на продовольственном рынке области китайской продукции смотрелось как вполне приемлемый вариант разделения труда. Однако пожинать плоды такого игнорирования требований продовольственной безопасности придется уже в ближайшей перспективе. Падение рубля неминуемо приведет к тому, что цены на китайское продовольствие существенно возрастут, что не может не отразиться на благосостоянии населения.

Практика показывает, что в Китае проводится активная политика по развитию в приграничных регионах производств, ориентированных на российский рынок. При этом в Амурской области отсутствуют даже слабо выраженные попытки переориентировать местные предприятия на выпуск экспортной продукции, даже несмотря на полную потерю перспектив их эффективной работы на рынке России.

Крайне неубедительно выглядят достигнутые в Амурской области результаты по *использованию иностранной рабочей силы*.

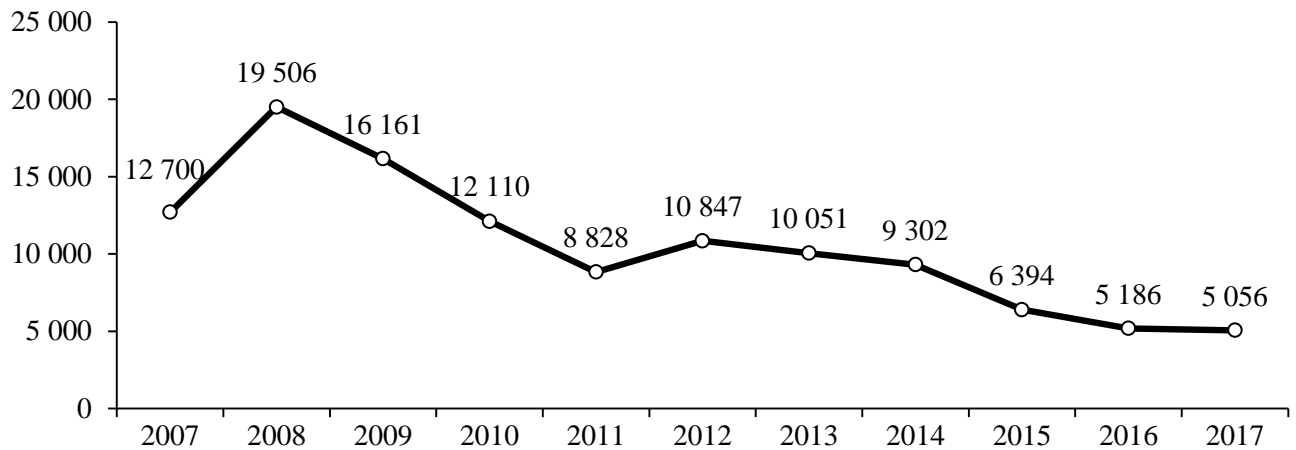
Богатый опыт использования иностранной рабочей силы накоплен и в Амурской области. Одним из основных поставщиков рабочей силы в регион является КНР, на долю которой в 2010 г. приходилось 75 % легально работающих иностранцев. Основными сферами приложения труда китайских рабочих выступают сельское хозяйство, торговля, строительство и лесозаготовительная промышленность. Доля китайских рабочих в общей численности занятого населения области сравнительно мала и составляет менее 2 % численности занятого населения, что не только не создает конкуренции на рынке рабочей силы, но и в какой-то степени позволяет стабилизировать обстановку в этих сферах экономики. При этом привлечение низкоквалифицированной рабочей силы ограничивается определенными видами работ, включающими в себя посадку, сбор, обработку и упаковку урожая (например, овощей, ягод и цветов), уход за скотом (например, за овцами, свиньями, или внутрихозяйственная обработка домашней птицы). По данным официальной статистики, в 2008 г. с использованием китайской рабочей силы обрабатывалось 16 767 га сельскохозяйственных земель (2,3 % от общего объема пахотных земель). В итоге с земли, обрабатываемой китайскими рабочими, было получено 12 896 т сои, 2 134 т картофеля, 1 147 т бахчевых, 5 411 т овощей открытого, а также 346 т овощей закрытого грунта¹.

В период финансового кризиса Правительством РФ принято решение о приоритетном трудоустройстве российских граждан. Амурская область не стала исключением. Поэтому начиная с 2009 г. численность и удельный вес китайских

¹ См. подробнее: Дьяченко В. Н. Использование приграничного положения в развитии внешнеэкономических связей // Управление экономическими системами. 2014. № 9(69). Режим доступа : <http://uecs.ru/uecs69-692014/item/3039-2014-09-16-11-04-05>

трудоустройства мигрантов снижается, что связано с уменьшением объема квот на привлечение иностранной рабочей силы, прежде всего в сфере сельского и лесного хозяйства и строительства. Численность трудящихся-мигрантов из Китая в 2017 г. составила около 5,1 тыс. чел., что в 3,2 раза меньше, чем в 2009 г.

Реализуемая в настоящее время миграционная политика, направленная на сокращение объемов привлекаемой иностранной рабочей силы, в том числе и для сезонных работ в сельском хозяйстве, подтверждает выводы, сделанные П. А. Минакиром: «Фактически и Россия в целом, и ее восточные районы продолжают оставаться закрытыми с точки зрения международной миграции рабочей силы»¹ (рисунок 21).

Примечание. Составлено автором по: Амурский статистический ежегодник, 2018 : стат. сб. / Амурстат. Благовещенск, 2018. 416 с.

Рисунок 21 – Динамика численности иностранной рабочей силы из КНР, чел.

Потенциал приграничного сотрудничества, заложенный в использовании иностранной рабочей силы, в настоящее время, как нам представляется, является масштабно недоиспользуемым. Численность иностранной рабочей силы в регионе может и должна быть увеличена многократно. Существенного расширения требу-

¹ Минакир П. А., Деваева Е. И. Российский Дальний Восток и Забайкалье: программа международного экономического сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 1. С. 79–91.

ет и спектр сфер приложения труда международных мигрантов. Способствовать высвобождению сосредоточенного здесь потенциала должно снятие надуманных ограничений и применение заявительного характера привлечения иностранных кадров для проведения работ на территории региона.

Подводя итог, следует отметить, что имеющийся потенциал приграничного положения области используется далеко не в полной мере. Более того, в последние годы были не только упущены возможности развития приграничных связей, но и утрачены во многом достигнутые раньше позиции. Это, в частности, относится к использованию возможностей обслуживания товарооборота между РФ и КНР, выполнения посреднической роли в развитии международной торговли, использования потенциала производственной кооперации для проникновения на китайский рынок и для импортозамещения, возможности использования иностранной рабочей силы, привлечения иностранного капитала, формирования инфраструктуры для использования возможностей туризма.

Следует отметить, что на сегодняшний день на межправительственном уровне определены перспективные направления российского-китайского сотрудничества в отношении Дальнего Востока¹. В то же время, как показал проведенный анализ, потенциал приграничного положения остается значительно недоиспользуемым для реализации целей социально-экономического развития и *повышения уровня жизни и благосостояния населения региона*. Во многом это объясняется действиями органов региональной власти, носящих инертный и ограничительный характер.

Об уровне развития потенциала приграничного положения в отношении интересов общества, связанных с *повышением уровня жизни населения*, могут свидетельствовать такие показатели, как:

- 1) отношение ВРП на душу населения к среднероссийскому показателю;
- 2) отношение объема инвестиций на душу населения к среднероссийскому показателю;

¹ О программе развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке Российской Федерации на 2018–2024 гг. (с проектом программы). Режим доступа : <http://kremlin.ru/supplement/5341/print>.

- 3) отношение среднедушевых доходов населения в месяц к среднероссийскому показателю;
- 4) отношение уровня безработицы к среднероссийскому показателю;
- 5) отношение внешнеторгового оборота на душу населения к среднероссийскому показателю.

Кроме этого, информативным показателем служит коэффициент интенсивности приграничья, который можно рассчитать по формуле (13)¹:

$$K_{и.п} = \frac{VTO}{K_PAR}, \quad (13)$$

где $K_{и.п}$ – коэффициент интенсивности приграничья; VTO – внешнеторговый оборот на душу населения; K_PAR – валовый региональный продукт (с учетом уровня покупательной способности) на душу населения.

По мнению Л. Л. Божко, «полученный показатель коэффициента интенсивности приграничья свидетельствует о том, что показатель регионального внешнеторгового оборота сам по себе, без учета базовых характеристик экономики региона, не дает представления о значении механизмов приграничного сотрудничества. Лишь в том случае, когда мы сопоставим показатель валового регионального продукта (с учетом уровня покупательной способности) на душу населения и показатель объема внешнеторгового оборота (суммарного объема экспорта и импорта) на душу населения, можно делать вывод об интенсивности приграничного экономического сотрудничества и его значении для экономики региона. Исследование показывает, что $K_{и.п}$ обнаруживает жесткую зависимость от показателя валового регионального продукта. $K_{и.п}$ больше единицы или примерно равен ей в регионе с высоким уровнем социально-экономического развития»².

В таблице 16 представлены показатели оценки социально-экономического развития Амурской области в сравнении со среднероссийскими значениями.

¹ Божко Л. Л. Теоретико-методологические основы исследования процессов экономического развития приграничных территорий : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05. Екатеринбург, 2011. С. 96.

² Там же.

Таблица 16 – Показатели оценки социально-экономического развития Амурской области в сравнении со среднероссийскими значениями

Показатель	2010	2015	2016	2017
Отношение ВРП на душу населения к среднероссийскому показателю, раз	0,66	0,60	0,61	0,58*
Отношение объема инвестиций на душу населения к среднероссийскому показателю, раз	1,57	1,33	1,60	2,13
Отношение среднедушевых доходов населения в месяц к среднероссийскому показателю, раз	0,76	0,99	0,96	0,96
Отношение уровня безработицы к среднероссийскому показателю, раз	0,94	1,04	1,07	1,13
Отношение внешнеторгового оборота на душу населения к среднероссийскому показателю, раз	0,20	0,35	0,33	0,27
Коэффициент интенсивности приграничья	0,07	0,15	0,11	0,10

Примечание. Рассчитано автором по: Российский статистический ежегодник, 2018. Режим доступа : http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_13/Main.htm; Амурский статистический ежегодник, 2018 : стат. сб. / Амурстат. Благовещенск, 2018. 416 с.; Прогноз социально-экономического развития Амурской области на 2017 г. и на плановый период 2018 и 2019 гг. Режим доступа : https://www.amurobl.ru/upload/iblock/9a6/Prognoz-sotsialno_ekonomicheskogo-razvitiya-oblasti-na-2017-god-i-na-period-do-2019-goda.pdf.

Приведенные данные свидетельствуют о значительном отставании показателей, характеризующих уровень социально-экономического развития, от среднероссийских показателей. Исключение составляют значения показателя инвестиций в основной капитал на душу населения: отмечается превышение данного показателя над среднероссийским в среднем на 1,66 раза.

Значения коэффициента интенсивности приграничности остаются достаточно низкими, что свидетельствует о низком уровне социально-экономического развития и неэффективном использовании потенциала приграничного положения.

Проведенный анализ подтверждает необходимость разработки и реализации мер, как федерального, так и регионального уровня, направленных на создание условий для более эффективного использования потенциала приграничного положения. Решение данной задачи может быть обеспечено применением стратегического подхода¹.

¹ Дьяченко В. Н. Использование приграничного положения в развитии внешнеэкономических связей // Управление экономическими системами. 2014. № 9(69). Режим доступа : <http://uecs.ru/uecs69-692014/item/3039-2014-09-16-11-04-05>; Лазарева В. В., Дьяченко В. Н. Проблемы развития и эффективного использования экономического потенциала приграничных регионов (на материалах Амурской области) // Россия: тенденции и перспективы развития : ежегодник. Вып. 12. М., 2017. Ч. 2. С. 862–866; Лазарева В. В. Региональные особенности устойчивого развития приграничных муниципальных образований (на примере Амурской области) // Региональная экономика и управление. 2019. № 2(58). Режим доступа : <https://eee-region.ru/article/5808>.

3.3 Концептуально-логическая модель управления развитием потенциала приграничного положения для устойчивого развития приграничных муниципальных образований

Как показывает опыт зарубежных стран, устойчивое развитие приграничных территорий может быть обеспечено за счет более эффективного использования потенциала приграничного положения, что, в свою очередь, определяет необходимость поиска современных подходов к управлению его развитием.

Главной задачей для органов региональной власти должно стать недопущение снижения уровня развития потенциала приграничного положения по сравнению с достигнутым уровнем, а также создание условий для его наращивания в целях устойчивого развития приграничного пространства региона.

Проведенный автором анализ уровня развития и использования потенциала приграничного положения показал, что к настоящему времени сложилась ситуация, когда направления его использования не отвечают региональным и общественным интересам, значительно исчерпывают свой ресурс и нуждаются в кардинальном совершенствовании¹. Вместе с тем значительная часть вновь формирующихся возможностей наращивания и использования приграничного потенциала остается невостребованной и не находит реализации. Решение данной задачи может быть обеспечено применением стратегического подхода в управлении развитием потенциала приграничного положения.

Особенностью стратегического управления развитием потенциала приграничного положения является обоснование перспективных направлений развития и использования потенциала приграничного положения, в рамках которых сложились наиболее актуальные и значимые проблемы, находящиеся в пределах компетенции региональных органов управления.

¹ Лазарева В. В., Дьяченко В. Н. Проблемы развития и эффективного использования экономического потенциала приграничных регионов (на материалах Амурской области) // Россия: тенденции и перспективы развития : ежегодник. Вып. 12. М., 2017. Ч. 2. С. 864.

В экономических исследованиях в качестве эффективного инструмента управления объектом обычно используется моделирование, предполагающее построение модели. Автор считает, что основой для разработки стратегических направлений развития потенциала приграничного положения, а также формулировки конкретных мероприятий по их внедрению должна стать концептуально-логическая модель (рисунок 22).

В качестве основных исходных положений управления развитием потенциала приграничного положения автором определены следующие принципы:

1) принцип стратегирования. Разработанная модель базируется на управлении развитием потенциала приграничного положения с применением стратегического подхода, который предполагает неразрывную совокупность процессов управления, обеспечивающих продвижение к желаемому будущему;

2) принцип сбалансированности интересов. Оценивая уровень развития приграничного потенциала региона как специфических возможностей, связанных с близостью к границе, с присутствием на территории региона инфраструктуры границы, следует иметь в виду, что он может иметь существенные различия с точки зрения реализации интересов различных групп акторов (власть, бизнес и общество). Подробнее данные интересы были рассмотрены автором в п. 3.2 диссертации;

3) принцип эффективного использования потенциала приграничного положения, способствующего социально-экономическому развитию приграничного региона в целом, а также устойчивому социально-экономическому и экологическому развитию приграничных муниципальных образований.

Проведенная автором диагностика устойчивого развития приграничных муниципальных образований позволила определить ряд проблем, препятствующих их устойчивому развитию, решение которых, по мнению автора, может быть обеспечено за счет более эффективного использования потенциала приграничного положения (таблица 17).

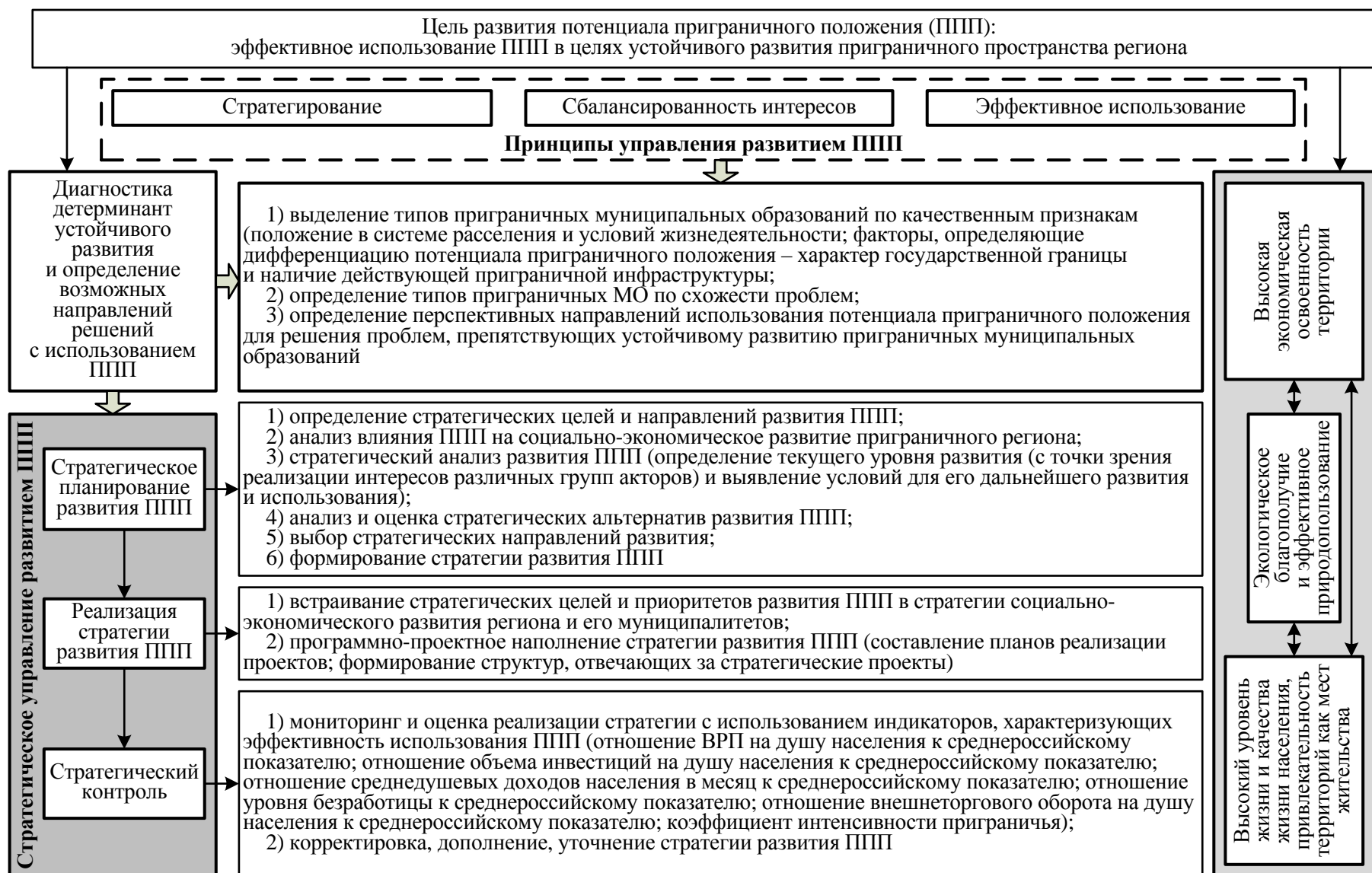

Рисунок 22 – Концептуально-логическая модель управления развитием потенциала приграничного положения для устойчивого развития приграничных муниципальных образований

Таблица 17 – Перспективные направления использования потенциала приграничного положения для решения проблем, препятствующих устойчивому развитию приграничных муниципальных образований

Тип устойчивого развития	Муниципальное образование	Тип МО	Общие проблемы	Проблемы	Направления решения
Сильное устойчивое	Благовещенск ГО	I	– естественная убыль населения; – старение населения;	– низкая доля инвестиций в объеме ВМП; – низкая покупательная способность заработной платы	Создание СЭЗ; создание торгово-выставочных центров; формирование агропромышленного кластера с крупным центром перерабатывающей промышленности сельскохозяйственного сырья, ориентированной на экспорт
	Благовещенский МР	II		– низкая бюджетная обеспеченность в расчете на одного жителя; – низкая доля затрат на охрану окружающей среды к объему ВМП; – низкая покупательная способность заработной платы	Развитие транспортно-логистической специализации; наращивание производства сельскохозяйственной продукции в целях импортозамещения и на экспорт; создание экспортно ориентированных производств на территории ТОСЭР; развитие сферы околотаможенных услуг
Слабое устойчивое	Тамбовский МР; Константиновский МР; Михайловский МР	III		– низкая бюджетная обеспеченность в расчете на одного жителя; – низкая доля затрат на охрану окружающей среды к объему ВМП; – низкая покупательная способность заработной платы; – низкая доля инвестиций в объеме ВМП	Создание экспортно ориентированных производств сельскохозяйственной продукции с замкнутым циклом; стимулирование кооперации малых форм хозяйствования в целях импортозамещения плодоовощной продукции
Слабое устойчивое	Бурейский МР	IV		– низкий коэффициент обновления основных фондов	
	Магдагачинский МР; Сковородинский МР; Шимановский МО; Шимановск ГО	V			

Продолжение таблицы 17

Тип устойчивого развития	Муниципальное образование	Тип МО	Общие проблемы	Проблемы	Направления решения
Очень слабое устойчивое	Свободненский МР	IV		<ul style="list-style-type: none"> – низкая бюджетная обеспеченность в расчете на одного жителя; – низкая доля затрат на охрану окружающей среды к объему ВМП; – низкая покупательная способность заработной платы 	Освоение месторождений полезных ископаемых; создание лесопромышленного комплекса
	Архаринский МР	III			
Неустойчивое	Свободный ГО	IV		<ul style="list-style-type: none"> – низкий коэффициент обновления основных фондов; – низкая бюджетная обеспеченность в расчете на одного жителя; – низкая доля затрат на охрану окружающей среды к объему ВМП; – низкая покупательная способность заработной платы 	Развитие транспортно-логистической специализации; развитие экспортно ориентированной пищевой промышленности

Таким образом, стратегическое управление развитием потенциала приграничного положения представляет собой деятельность региональных органов власти, предполагающую разработку и реализацию стратегии развития потенциала приграничного положения, направленной на его эффективное использование в целях устойчивого социально-экономического и экологического развития приграничного пространства региона.

Процесс стратегического управления развитием потенциала приграничного положения представлен последовательной реализацией трех этапов.

1. Процедура стратегического управления начинается с этапа стратегического планирования, предполагающего разработку и выбор стратегических направлений развития потенциала приграничного положения. В числе важнейших направлений наращивания и использования уже сложившегося приграничного потенциала в рамках данной работы автором рассмотрены:

- формирование транспортно-логистического комплекса и развитие транзитного потенциала приграничных муниципальных образований;
- использование потенциала иностранной рабочей силы для реализации стратегии импортозамещения в сельскохозяйственном производстве.

2. Следующий этап связан с реализацией стратегических направлений развития потенциала приграничного положения. Реализация стратегии развития потенциала приграничного положения предполагает использование программно-проектного подхода к управлению. Е. Г. Анимица, Н. В. Новикова и В. А. Сухих отмечают: «Теоретически программа и проект – это механизм решения некой большой или малой проблемы в той или иной социально-экономической системе, перевода ее в иное состояние, нахождение альтернативы для улучшения функционирования системы, придания ей новых качественных характеристик»¹.

Использование программно-проектного метода предполагает разработку программы, которая охватывает наиболее актуальные и значимые проблемы, находящиеся в пределах компетенции региональных органов управления и напол-

¹ Анимица Е. Г., Новикова Н. В., Сухих В. А. Программно-проектный подход – важнейший инструмент регулирования регионального развития // Известия Уральского государственного экономического университета. 2008. № 2(21). С. 50–57.

нение ее проектами, ориентированными на решение конкретных задач. Системное внедрение проектного управления в деятельность органов государственной власти началось с принятием в 2016 г. указа Президента РФ от 30 июня 2016 г. № 306 «О Совете при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам» и было обусловлено необходимостью концентрации усилий, финансов, управленческих талантов на наиболее важных задачах в условиях, когда ресурсы ограничены, а риски высоки.

Реализация проектного управления на сегодняшний день является одним из трендов в организации работы органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, в том числе Амурской области. Участие органов исполнительной власти субъектов РФ в национальных проектах осуществляется путем подготовки региональных составляющих национальных проектов на принципах проектного управления.

В настоящее время в регионе ведется разработка региональных проектов в рамках федеральных проектов, направленных на достижение и выполнение указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.»¹.

Организация проектной деятельности в области осуществляется на основании «Положения об организации проектной деятельности в Правительстве Амурской области»², разработанного во исполнение постановления Правительства РФ от 31 октября 2018 г. № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации».

¹ Во исполнение указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» разработаны паспорта национальных проектов по 12 направлениям: демография; здравоохранение; образование; жилье и городская среда; экология; безопасные и качественные автомобильные дороги; производительность труда и поддержка занятости; наука; цифровая экономика; культура; малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной и предпринимательской инициативы; международная кооперация и экспорт), которые включают федеральные проекты, «обеспечивающие достижение целей, целевых и дополнительных показателей, выполнение задач национального проекта».

² Об организации проектной деятельности в Правительстве Амурской области : постановление Правительства Амурской области от 25 декабря 2018 г. № 642.

В области создан Совет при Правительстве Амурской области по стратегическому развитию и проектной деятельности¹.

3. Стратегическое управление развитием потенциала приграничного положения предполагает мониторинг и оценку реализуемой стратегии. А. Л. Гапоненко, С. В. Пирогов и И. Ф. Чернявский, указывая на важность и необходимость мониторинга и оценки, отмечают: «Мониторинг и оценка помогают удостовериться в том, что проекты эффективны и их реализация идет нормальным темпом, а также установить, есть ли необходимость в корректировке. Заметим, что мониторинг и оценка являются хоть и родственными, но различными видами деятельности. Мониторинг выявляет результаты. Оценка сравнивает результаты с конкретными показателями и с планом в целом. Без мониторинга оценка проектов невозможна»².

При проведении мониторинга и оценки реализации стратегии развития потенциала приграничного положения могут быть использованы:

1) для оценки эффективности использования потенциала приграничного положения – показатели оценки социально-экономического развития Амурской области в сравнении со среднероссийскими значениями, а также показатель коэффициента интенсивности приграничья;

2) для оценки устойчивого развития приграничных муниципальных образований, предполагающего *поступательное развитие, целью которого является повышение уровня и качества жизни населения, на основе расширенного воспроизводства, которое достигается при взаимодействии и целостном развитии экологической, экономической и социальной подсистем*, – система индикаторов, предложенная автором в п. 2.1 (рисунок 23)³.

¹ Об упорядочении деятельности совещательных органов при Правительстве Амурской области (вместе с «Положением о Совете при Правительстве Амурской области по стратегическому развитию и проектной деятельности»): постановление Правительства Амурской области от 23 ноября 2018 г. № 546.

² Гапоненко А. Л., Пирогов С. В., Чернявский И. Ф. Стратегическое планирование социально-экономического развития регионов и городов // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 3(1). С. 15–19.

³ Лазарева В. В. Региональные особенности устойчивого развития приграничных муниципальных образований (на примере Амурской области) // Региональная экономика и управление. 2019. № 2(58). Режим доступа : <https://eee-region.ru/article/5808>.

2-й уровень

Рисунок 23 – Двухуровневая система индикаторов оценки эффективности использования потенциала приграничного положения для устойчивого развития приграничных муниципальных образований

Представленная система индикаторов может быть расширена за счет включения индикаторов, отражающих специфику приграничных муниципальных образований.

На основании проведенного анализа уровня развития потенциала приграничного положения, а также с учетом результатов диагностики устойчивого развития приграничных муниципальных образований в рамках данной работы возможно рассмотреть только некоторые перспективные направления развития и использования приграничного потенциала, в рамках которых сложились наиболее актуальные и значимые проблемы, находящиеся в пределах компетенции региональных органов управления и способствующие устойчивому развитию приграничных муниципальных образований различных типов.

В Программе развития приграничных территорий Амурской области до 2025 г. в качестве стратегической цели определено формирование и удержание конкурентных преимуществ перед приграничными территориями Китайской Народной Республики, в том числе за счет эффективного использования приграничного положения. Вместе с тем проведенный ранее анализ реализуемой программы показал, что программные мероприятия крайне незначительно ориентированы на возможности, определяемые приграничным положением муниципальных образований. В частности, значительно недооценивается потенциал использования иностранной рабочей силы для реализации стратегии импортозамещения в сельскохозяйственном производстве и транспортный потенциал, определяющий возможности осуществления транзитных функций муниципальными образованиями региона.

Формирование транспортно-логистического комплекса и развитие транзитного потенциала муниципальных образований региона.

В Программе развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке РФ на 2018–2024 гг. приоритетным направлением названо «наращивание экспорта сельскохозяйственного сырья, товаров и продовольствия из дальневосточных регионов в Китайскую Народную Республику и его диверсификация в сторону увеличения поставок продукции глубокой переработки, а также экспорта лесной продукции и его диверси-

фикация в сторону увеличения поставок продукции глубокой переработки»¹. Необходимым условием роста экспорта является наличие современной транспортно-логистической системы, имеющей высокую пропускную способность и отвечающей требованиям Россельхознадзора к местам хранения экспортной продукции.

Т. А. Прокофьева и В. В. Клименко отмечают, что «формирование транспортно-логистической системы служит средством преодоления кризисных явлений в экономике региона, присущих переходному этапу к рынку, создания инфраструктурного базиса рыночных преобразований, формирование регионального рынка транспортных услуг, обеспечивающего пространственную интеграцию хозяйственной деятельности, развитие межрегиональных, межотраслевых и международных связей, комплексное рациональное использование трудовых, природных, финансовых и других региональных ресурсов»².

С учетом сказанного в числе важнейших направлений наращивания и использования уже сложившегося приграничного потенциала в рамках проводимой региональными органами власти пространственной политики должно стать создание транспортно-логистической системы региона и формирование транзитного потенциала приграничных муниципальных образований.

В рамках реализации требований федерального центра по развитию регионального пространственного планирования в Комплексном плане социально-экономического развития Амурской области до 2025 г. определено шесть центров экономического развития региона: газопереработки, добычи полезных ископаемых, агропромышленный, энергетический, туристско-рекреационный и космический³.

Автору представляется, что из внимания региональных органов управления упускается происходящее в регионе формирование транзитного потенциала, вы-

¹ Программа развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке Российской Федерации на 2018–2024 гг. Режим доступа : <http://russian.mofcom.gov.cn/article/speechheader/201811/20181102808776.shtml>.

² Прокофьева Т. А., Клименко В. В. Региональные транспортно-логистические системы: стратегическое планирование и управление функционированием и развитием : монография. М. : ОАО «ИТКОР», 2016. С. 96.

³ Об утверждении Плана мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития Амурской области на период до 2025 г. (Комплексного плана социально-экономического развития Амурской области до 2025 г.) : распоряжение Правительства Амурской области от 31 января 2018 года № 12-р.

ходящего далеко за пределы интересов развития транспортной доступности территории области. Формируя свои предложения по совершенствованию Комплексного плана социально-экономического развития Амурской области до 2025 г., автор отмечает, что при должном развитии транспортно-логистического потенциала региона Амурская область способна выполнять функции транзитной территории.

Оплата транспортно-логистических услуг приносит транзитной территории несомненные выгоды в экономическом плане, так как в регион с высоким логистическим потенциалом направляются инвестиции на развитие транспортной инфраструктуры, осуществляется внедрение современной транспортной техники и технологий. Поэтому формирование транспортно-логистической системы региона должно стать одним из стратегических направлений развития региона в целом, а также его территориальных образований в частности¹.

С учетом сказанного особый интерес для развития потенциала приграничного положения в целях устойчивого развития приграничных территорий представляет национальный проект «Международная кооперация и экспорт», включающий в себя пять федеральных проектов, в том числе «Логистика международной торговли». В качестве приоритетных задач федерального проекта обозначены «строительство (модернизация) пунктов пропуска через государственную границу РФ; устранение логистических ограничений, в том числе регуляторных, при экспорте товаров с использованием железнодорожного, автомобильного и морского транспорта»².

Автор взял на себя смелость выступить в качестве инициатора и подготовить предложение, которое выступает как форма инициирования регионального проекта по основным направлениям стратегического развития. Предложение по региональному проекту представляет собой концептуальный документ, прописывающий конструкцию проекта, которым инициатор презентует свой замысел.

¹ Dyachenko V., Lazareva V. The practice of use and development of boarder situation potential (based on the materials of the Amur region) // IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science. 2019. Vol. 272. URL : <https://doi.org/10.1088/1755-1315/272/3/032204>.

² Паспорт национального проекта «Международная кооперация и экспорт»: протокол президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г. № 16.

Обязательные элементы предложения по региональному проекту представлены на рисунке 24.

Рисунок 24 – Структурные элементы предложения по региональному проекту

Охарактеризуем некоторые структурные элементы предложения по региональному проекту более подробно.

Наименование проекта. «Логистика международной торговли».

Идея проекта. Сложившаяся транспортная инфраструктура в составе Транссиба и БАМа, автодороги «Амур», речного транспорта на реках Амур, Зея и Буря, нефте- и газопроводов дополняется в ближайшее время мостовым переходом через Амур в районе Благовещенск – Хэйхэ. С его вводом в области формируется один из перспективных в будущем международных транспортных коридоров. Выход на Китай дополняет существующую связку Транссиба и БАМа с продолжением на Якутск создает условия для дополнения широтной транспортной сети («восток – запад»), сетью «север – юг», обеспечивая развитие материковой связки дальневосточного Севера и создание нового международного выхода к Северному морскому пути. Из этого вытекает потребность в укреплении транзитного потенциала региона в целом и его приграничных территорий в частности за счет развития таможенно-логистической и транспортно-логистической инфраструктуры, ориентированной на обслуживание не только внутренней и межрегиональной, но и международной торговли.

Описание проблемы. На сегодняшний день фактором, сдерживающим возможности увеличения экспортных поставок и транзитных перевозок, является низкий уровень пропускной способности приграничной инфраструктуры в силу ее технического состояния и несоответствия современным требованиям. По данным Правительства РФ, из 46 пунктов пропуска через госграницу на Дальнем Востоке только четыре соответствуют нормативным требованиям. При этом инфраструктура 35 объектов находится в неудовлетворительном состоянии. Из восьми пограничных переходов, расположенных в Амурской области, функционирует только два (в Благовещенске и пгт. Поярково Михайловского района). Остальные пункты пропуска с момента открытия являются нефункционирующими. Учитывая, что более 300 инвестиционных проектов, реализуемых в рамках новых механизмов развития Дальнего Востока, предусматривают создание производств, ориентированных на экспорт продукции в страны Азиатско-Тихоокеанского региона, критическим фактором конкурентоспособности Амурской области как транзитной территории становится пропускная способность трансграничной инфраструктуры (пунктов пропуска), скорость и качество работы таможенных органов, сформированная логистическая инфраструктура.

Цель. Формирование транспортно-логистического комплекса и развитие транзитного потенциала приграничных территорий. В соответствии с поставленной целью определены следующие задачи:

- 1) реконструкция и обустройство пунктов пропуска через государственную границу РФ;
- 2) создание транспортно-логистических центров в муниципальных образованиях приграничного региона.

Результаты:

- 1) модернизация пунктов пропуска через государственную границу – 2 единицы;
- 2) создание транспортно-логистических центров – 2 единицы;

Способы достижения цели и задач. Реализация проекта по развитию и использованию транзитного потенциала включает в себя:

1) оценку логистического потенциала региона для обоснования привлечения бюджетных инвестиций;

2) анализ вариантов расположения логистических центров и их структуры на основании социально-экономических, политических, географических критериев и критериев состояния транспортной инфраструктуры. Следует подчеркнуть, что как оценка логистического потенциала, так и анализ вариантов расположения логистических центров являются задачами счетными, которые могут быть осуществлены путем привлечения к данной работе научных сил. Особо следует подчеркнуть, что формирование логистических центров относится к числу задач, предполагающих применение механизма **государственно-частного партнерства**;

3) подготовка предложения о проведении реконструкции пунктов пропуска через государственную границу. Предложение о проведении реконструкции пункта пропуска предполагает «обоснование целесообразности реконструкции пункта пропуска; сведения о планируемой пропускной способности и сроках открытия пункта пропуска после завершения реконструкции; сведения о порядке функционирования пункта пропуска на период проведения реконструкции с приложением проекта технологической схемы организации пропуска через государственную границу Российской Федерации лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных; расчет и обоснование затрат средств из федерального бюджета на реконструкцию пункта пропуска и содержание зданий, помещений, сооружений, необходимых для организации пограничного, таможенного и иных видов контроля в пункте пропуска, в случае, если такая реконструкция осуществляется за счет средств федерального бюджета; расчет и обоснование затрат средств из федерального бюджета на содержание зданий, помещений, сооружений, необходимых для организации пограничного, таможенного и иных видов контроля в пункте пропуска, в случае, если их реконструкция осуществляется за счет средств иных источников финансирования»¹.

¹ Об утверждении Правил установления, открытия, функционирования (эксплуатации), реконструкции и закрытия пунктов пропуска через государственную границу Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 26 июня 2008 г. № 482 (ред. от 31 марта 2018 г.).

В текущих условиях ограниченных возможностей государства по развитию пунктов пропуска, в том числе в приоритетных регионах и территориях, возникает необходимость использования разных форм ГЧП¹. В настоящее время Минтранс РФ подготовил проект Федерального закона «О внесении изменений в Закон „О Государственной границе Российской Федерации“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации, в части организации функционирования и обустройства пунктов пропуска через государственную границу» в целях расширения возможности привлечения инвестиций в сферу обустройства пунктов пропуска в условиях сокращения федерального финансирования.

Во-первых, изменения коснутся полномочий органов государственной власти субъектов РФ в вопросах участия по созданию, развитию и обеспечению деятельности пунктов пропуска через государственную границу РФ.

Во-вторых, изменится порядок участия частных инвесторов в проектах по обустройству пунктов пропуска. «В настоящее время инвестиционные проекты по обустройству пунктов пропуска не представляют коммерческого интереса для частных инвесторов, что в условиях ограниченных объемов финансирования сферы пунктов пропуска не позволяет своевременно и эффективно развивать систему пунктов пропуска, в том числе с целью поддержки развития внешнеэкономической деятельности, экспорта несырьевых неэнергетических товаров. В связи с чем предусматривается внесение изменений в Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ „О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации“ и в Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ „О концессионных соглашениях“, направленных на создание правовых условий, при которых проекты по обустройству пунктов пропуска могут реализо-

¹ ГЧП – это долгосрочное взаимовыгодное сотрудничество публичного и частного партнеров, направленное на реализацию проектов ГЧП в целях достижения задач публично-правовых образований, повышения уровня доступности и качества публичных услуг, достигаемое посредством привлечения частных ресурсов и разделения рисков между партнерами.

ваться в рамках соглашений о государственно-частном партнерстве и концессионных соглашений»¹.

По нашему мнению, *при обустройстве пунктов пропуска через государственную границу* с учетом стратегической важности объектов наиболее подходящей формой являются *концессионные соглашения*², которые не предполагают возникновения права владения у частного партнера. Заинтересованность бизнеса в проектах по обустройству государственной границы может быть обеспечена за счет консолидации низкоприбыльного сегмента с высокодоходными, включающими развитие транспортно-логистической и таможенно-логистической инфраструктуры.

На наш взгляд, наиболее перспективными пунктами пропуска, требующими реконструкции и модернизации, являются смешанный пункт пропуска «Ушаково – Хума» (Шимановский район), тяготеющий к центрам газопереработки и центру добычи полезных ископаемых, и смешанный пункт пропуска «Константиновка – Суньу» (Константиновский район), тяготеющий к агропромышленному центру.

При создании транспортно-логистической и таможенно-логистической инфраструктуры могут быть использованы как концессионные соглашения, так и соглашения о ГЧП различных моделей, включающие различные обязательства частного партнера.

В таблице 18 представлены возможные модели соглашений о государственно-частном партнерстве, используемые при создании объектов транспортно-логистической и таможенно-логистической инфраструктуры³.

¹ Проект Федерального закона «О внесении изменений в Закон Российской Федерации „О Государственной границе Российской Федерации“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части организации функционирования и обустройства пунктов пропуска через государственную границу Российской Федерации». Режим доступа : <https://www.mintrans.ru/documents/7/9234>.

² О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ; О концессионных соглашениях : федер. закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ.

³ Lazareva V., Vlasova N. Unused Potential of the Far East Border Areas // IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science. 2019. Vol. 272. URL : <https://doi.org/10.1088/1755-1315/272/3/032137>.

Таблица 18 – Возможные модели соглашений о ГЧП, используемые при создании объектов транспортно-логистической и таможенно-логистической инфраструктуры

Модель	Строительство	Владение	Управление	Передача в собственность
BOO (Build – Own – Operate) ¹⁾	+	+	+	–
BOT (Build – Operate – Transfer) ²⁾	+	–	+	+
BTO (Build – Transfer – Operate) ³⁾	+	–	+	+
BOOT (Build – Own – Operate – Transfer) ⁴⁾	+	+	+	+

Примечание: Составлено с дополнениями автора по: Гомилевская Г. А., Сакун В. С. Возможности государственно-частного партнерства при создании и развитии приграничных кластеров на примере кластера «Джалинда» в Амурской области // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. № 4(35). С. 92–109.

¹⁾ «Строительство – владение – управление». Концессионер строит объект и осуществляет последующую эксплуатацию, владея им на праве собственности, срок действия которого не ограничивается.

²⁾ «Строительство – управление – передача». Концессионер осуществляет строительство и эксплуатацию (в основном на праве собственности) в течение установленного срока, затем передает объект государству.

³⁾ «Строительство – передача – управление». Концессионер строит объект, передает его государству (концеденту) в собственность сразу после завершения, затем объект передается в эксплуатацию концессионера.

⁴⁾ «Строительство – владение – управление – передача». Владение и пользование построенным объектом на праве частной собственности в течение определенного срока, по истечении которого объект переходит в собственность государства.

Логистические центры могут быть расположены в следующих населенных пунктах:

1) Шимановск (ГО Шимановск), являющийся опорным пунктом строительства двух магистралей – Транссибирской и Байкало-Амурской. Крупнейшая железнодорожная станция «Шимановск» Транссибирской железнодорожной магистрали связывает город с областным центром и населенными пунктами Приамурья и других регионов;

2) Белогорск (ГО Белогорск - внутреннее МО). Белогорск является крупным транспортным узлом Дальнего Востока, расположенным на пересечении транспортных коридоров – Транссибирской магистрали, федеральной трассы «Амур» и автомагистрали Белогорск – Благовещенск. Город находится в южной части Амурской области, где производится 70 % сельхозпродукции.

Стратегические возможности и риски. Определяются внешними (геоэкономическими, геополитическими) и внутренними факторами (инфраструктурными, технологическими, экономико-правовыми).

Бюджет проекта. Реализация проекта предполагает софинансирование из федерального бюджета. Формами оказания финансовой поддержки субъектам Российской Федерации в целях достижения результатов нацпроектов являются: субсидии бюджетам субъектов Российской Федерации; консолидированные субсидии бюджетам субъектов Российской Федерации; иные межбюджетные трансферты (гранты) в целях стимулирования субъектов Российской Федерации в достижении целевых показателей государственных программ субъектов Российской Федерации, соответствующих целевым показателям федеральных проектов.

Предложенная автором концепция проекта предполагает реконструкцию пунктов пропуска через государственную границу РФ и формирование логистической инфраструктуры с терминалами и складами различных типов на пересечении железных дорог направлений «север – юг» и «запад – восток», вписанной в единую логистическую сеть страны. По существу, речь идет о восстановлении ранее имевшегося инфраструктурного комплекса, но уже на уровне международных стандартов.

Резюмируя изложенное, отметим, что реализация регионального проекта «Логистика международной торговли», направленного на развитие транзитного потенциала приграничных территорий, не только может способствовать экономическому развитию региона, но и окажет положительный эффект на приграничные муниципальные образования за счет эффектов от реализации транзитной функции, способствуя их устойчивому развитию.

Использование потенциала иностранной рабочей силы для реализации стратегии импортозамещения в сельскохозяйственном производстве.

Доминирование импортного продовольствия на региональном рынке во многом является следствием слабости сельского регионального АПК. Природно-климатические условия Амурской области, развитие системы сельских поселений свидетельствуют о наличии значительного потенциала для развития сельского хо-

зяйства. Широкие возможности имеются и для наращивания перерабатывающего комплекса. Одним из наиболее масштабных недоиспользуемых ресурсов муниципальных образований являются сельскохозяйственные земли, значительная часть которых остается выведенной из хозяйственного оборота.

Значительное падение размеров посевных площадей в сельскохозяйственных организациях отмечается в приграничных муниципальных образованиях (таблица 19).

Таблица 19 – Пахотные земли 2017 г. к 1989 г., %

Район	2017 г. к 1989 г.	Район	2017 г. к 1989 г.
Тамбовский	95,6	Архаринский	52,2
Константиновский	92,0	Селемджинский	40,2
Ивановский	81,4	Бурейский	39,2
Белогорский	78,4	Тындинский	34,1
Михайловский	78,2	Сковородинский	30,5
Благовещенский	65,2	Магдагачинский	28,6
Серышевский	63,0	Мазановский	25,3
Октябрьский	60,9	Шимановский	18,6
Ромненский	60,3	Свободненский	17,1
Завитинский	55,8	Зейский	10,9

Примечание. Рассчитано автором по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst10/DBInet.cgi>.

Складывающиеся для сельхозпредприятий условия заставляют их обеспечивать выход на рентабельность за счет предельного сужения специализации производства до выращивания сои и зерновых культур. Как следствие, на протяжении всего современного периода, начиная с 1990 г., сельскохозяйственные организации демонстрируют устойчивую неспособность к организации производства картофеля, плодово-овощной и животноводческой продукции. Для сравнения отметим, что в 1989 г. в колхозах, совхозах и других государственных хозяйствах картофель выращивался на 12,9 тыс. га, обеспечивая валовые сборы в размере 970 тыс. ц. Под овощные культуры использовалось 5,7 тыс. га, где производилось 528 тыс. ц овощей. В 2014 г. посевами картофеля и овоще-бахчевых культур

в сельскохозяйственных организациях было занято только 590 га, или 0,1 % от всей посевной площади в этой категории хозяйств. При этом валовые сборы картофеля составили 48,9 тыс. ц, а овощей открытого грунта – 11,2 тыс. ц. В настоящее время основную роль в производстве этих видов сельскохозяйственной продукции играют хозяйства населения. В производстве картофеля их доля составляет 94,2 %, овощей – 89,9 %. Этот факт важно учитывать, поскольку производство в хозяйствах населения имеет низкую товарность и ориентировано в основном на личное потребление, не оказывая существенного влияния на снабжение продуктами питания населения в целом¹.

Одним из определяющих ограничителей наращивания сельскохозяйственного производства в настоящее время выступает дефицит кадров, напрямую связанный с демографической ситуацией в муниципальных образованиях региона².

Не ставя задачу исчерпывающего описания социально-демографической ситуации в регионе, отметим лишь наиболее значимые ее элементы. По оценке, на 1 января 2018 г. численность постоянного населения области с учетом окончательных итогов Всероссийской переписи населения 2010 г. составила 798,4 тыс. чел., уменьшившись по сравнению с 2000 г. на 137,2 тыс. чел., или на 14,7 %.

Общей тенденцией последних десятилетий является уменьшение численности сельского населения и его доли в общей численности населения³. В 2018 г. доля сельского населения снизилась до 32,7 %. Село теряло население как за счет естественной убыли, так и внутриобластной и межрегиональной миграции. На долю естественной убыли в целом по области приходилось 10 % общей убыли, а на долю миграционной убыли – 90 %.

Тенденция «подпитки» городских поселений за счет сел области сохраняется, имея устойчивый характер. Складывающиеся в регионе тенденции развития демографических процессов вписываются в представления о сжатии пространства

¹ Дьяченко В. Н., Лазарева В. В. Импортзамещение в сельскохозяйственном производстве региона: демографический аспект (на примере Амурской области) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 9(342). С. 132.

² Лазарева В. В. Факторы развития регионального аграрного сектора (на примере Амурской области) // Никоновские чтения. 2016. № 21. С. 209–211.

³ Там же.

как «процессе физического сокращения обжитых и интенсивно освоенных территорий»¹.

При этом наблюдаемые на всей территории страны изменения, описанные в работах Т. Г. Нефедовой, Н. В. Зубаревич, Ж. А. Зайончковской и др., в условиях Дальнего Востока происходят в более интенсивной форме².

Оценивая ситуацию с обеспечением сельского хозяйства трудовыми ресурсами, важно учитывать, что демографические процессы в области существенно дифференцированы. Это во многом объясняется различными природно-экономическими и социально-экономическими параметрами, неравномерным размещением объектов социальной сферы, наличием рабочих мест и т. п. Если для областного центра и прилегающего к нему района в период с 1989 по 2017 г. в последнее время характерна устойчивая тенденция роста численности населения, то в других районах происходит уменьшение количества жителей. Особо остро проблема снижения численности населения стоит в приграничных муниципальных образованиях (таблица 20)³.

Таблица 20 – Динамика населения муниципальных районов Амурской области

Район	Численность, тыс. чел.					Темп роста 2017 к 1990, %
	1990	2000	2005	2010	2017	
Южная зона						
Архаринский	27,1	22,5	19,9	18,3	15,2	56,1
в том числе сельского	14,6	11,1	9,6	8,6	6,2	42,5
Белогорский	20,8	25,2	23,3	22,7	17,9	86,1
Благовещенский	18,5	18,4	19,5	28,4	24,6	132,9

¹ Лазарева В. В., Зинченко М. В., Власова Н. Ю. Демографический аспект устойчивого развития приграничных регионов // Уровень жизни населения регионов. 2017. № 2(204). С. 23–28.

² См. подробнее: Зубаревич Н. В. Мифы и реалии пространственного неравенства // Общественные науки и современность. 2009. № 1. С. 8–53; Нефедова Т. Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. М. : ЛЕНАНД, 2013. 456 с.; Зайончковская Ж. А. Демографическая ситуация и расселение. М. : Наука, 1991. 130 с.; Зайончковская Ж. А., Иоффе Г. В. Динамика расселения в Московском регионе как отражение постсоветских трансформаций // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география. М. : Кодекс, 2013. С. 188–223.

³ Лазарева В. В. Факторы развития регионального аграрного сектора (на примере Амурской области) // Никоновские чтения. 2016. № 21. С. 209–211.

Продолжение таблицы 20

Район	Численность, тыс. чел.					Темп роста 2017 к 1990, %
	1990	2000	2005	2010	2017	
Ивановский	34,1	30,6	29,7	30,6	23,9	70,1
Константиновский	16,9	15,4	14,7	14,7	12,5	73,9
Михайловский	21,4	18,1	16,4	16,4	14,0	65,4
Тамбовский	25,8	24,9	25,0	25,4	21,8	84,5
Центральная зона						
Бурейский	29,7	28,5	28,2	28,4	21,3	71,7
в том числе сельского	9,6	7,4	6,9	6,9	4,9	51,0
Завитинский	23,4	22,4	19,1	17,9	14,5	62,0
в том числе сельского	8,1	6,6	5,7	5,2	3,7	45,7
Октябрьский	13,6	23,1	22,6	23,1	18,3	134,5
Ромненский	15,3	12,7	11,1	10,4	8,3	54,2
Серышевский	34,1	31,2	28,4	27,9	24,5	71,8
в том числе сельского	22,3	18,6	16,6	15,9	14,6	65,5
Свободненский	17,0	15,5	14,2	13,3	14,6	85,9
Северная зона						
Зейский	27,1	21,3	20,3	19,9	15,1	55,7
Мазановский	20,5	16,7	15,3	14,9	13,4	65,4
Шимановский	8,5	7,6	7,1	6,9	5,5	64,7
Северная таежная и горно-таежная						
Магдагачинский	34,1	28,5	25,1	23,4	20,5	60,1
в том числе сельского	6,4	9,2	8,3	7,9	6,5	101,5
Селемджинский	14,3	12,9	11,7	8,7	6,7	46,8
в том числе сельского	4,1	2,2	1,7	2,4	3,9	95,1
Сковородинский	43,0	36,2	33,1	31,4	27,5	63,9
в том числе сельского	8,8	6,7	13,2	12,5	10,2	115,9
Тындинский	30,3	17,5	16,4	15,8	13,7	
Примечание. Рассчитано автором по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst10/DBInet.cgi .						

Так, в наиболее отдаленных муниципальных районах население в 2017 г. по сравнению с 1989 г. составило: в Селемджинском МР – 46,8 %, Зейском МР – 55,7 %, Шимановском МР – 64,7 %, Магдагачинском – 60,1 %, Сковородинском МР – 63,9 %, Архаринском МР – 56,1 %¹.

При решении проблем кадрового обеспечения сельского хозяйства следует также учитывать, что возрастно-половая структура населения Амурской области характеризуется непрекращающимся старением населения. Удельный вес лиц мо-

¹ Лазарева В. В. Факторы развития регионального аграрного сектора (на примере Амурской области) // Никоновские чтения. 2016. № 21. С. 210.

ложе трудоспособного возраста (до 16 лет), несмотря на рост рождаемости, почти не изменился, составив 19,4 % в 2017 г., а доля лиц пенсионного возраста постепенно растет (с 16,2 до 21,2 %), в периферийных селах достигая 1/3 населения, что не позволяет рассчитывать на восполнение сельскохозяйственных организаций кадрами за счет внутренних источников¹.

В еще большей мере на потери численности населения оказали влияние размеры сельских поселений, их положение в административно-территориальной и производственной структуре. Полученные нами данные свидетельствуют, что в наибольшей мере потери численности населения характерны для населенных пунктов, не имеющих статуса муниципальных образований (районных центров и центров сельских советов). В периферийных населенных пунктах убыль населения в среднем в 1,5 раза выше, чем в центрах сельсоветов. Периферийные населенные пункты на 2002 г. сосредоточивали 27 % населения Амурской области, и по переписи 2010 г. потери составили 41 % от общей численности потерь населения региона. С 2002 по 2015 г. в южной и центральной природно-климатических зонах области, где сосредоточена подавляющая часть сельскохозяйственных организаций, сокращение населения более 50 % наблюдалось в основном в мелких поселках сельскохозяйственного профиля – бывших отделениях совхозов с людностью от 7 до 563 чел. В населенных пунктах с численностью населения до 500 чел. в 2002 г. проживало 9 % населения Приамурья, в общих потерях численности их доля составила 20 %. В поселениях, являвшихся отделениями бригад и колхозов, убыль населения в 1,8 раза выше, чем в центральных усадьбах².

Важно учитывать, что на привлекательность сельских поселений значительное влияние оказывает их удаленность от поселенческих центров региона. Так,

¹ Дьяченко В. Н., Лазарева В. В. Импортзамещение в сельскохозяйственном производстве региона: демографический аспект (на примере Амурской области) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 9(342). С. 133; Лазарева В. В., Власова Н. Ю. От устойчивого развития сельских территорий к устойчивому развитию АПК приграничного региона // Перспективы устойчивого развития АПК : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 6 июня 2017 г.). Омск : Омский гос. аграр. ун-т им. П. А. Столыпина, 2017. С. 670.

² Дьяченко В. Н., Лазарева В. В. Импортзамещение в сельскохозяйственном производстве региона: демографический аспект (на примере Амурской области) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 9(342). С. 133.

в период между переписями населения 2002 и 2010 гг. в поселениях сельскохозяйственной специализации, являющихся центрами сельсоветов, находящихся на расстоянии от районного центра до 30 км, убыль населения составила в среднем 6,1 %. В населенных пунктах, находящихся на расстоянии от районного центра от 30 до 60 км, она уже составляла 12,2 %, а в поселениях, находящихся на расстоянии от районного центра от 60 км и более, – 16,1 %. В периферийных населенных пунктах, расположенных на расстоянии от районного центра до 30 км, убыль населения составила 7,0 %, 30–60 км – 24,9 %, свыше 60 км – 24,3 %¹.

Одной из важнейших причин низкой привлекательности мелких удаленных поселений являются затруднения в пользовании услугами учреждений комплекса социальной инфраструктуры, сконцентрированных, как правило, в районном центре. На этот факт, в частности, обращает внимание С. А. Ковалев².

Таким образом, имеющиеся резервы пашни сосредоточены в периферийной части области, где наиболее остро проявляется дефицит кадров³. Организация здесь трудоемкого производства сельскохозяйственной продукции в интересах обеспечения продовольственной безопасности региона и стратегии импортозамещения не представляется возможной без использования внешних источников рабочей силы. Сложившийся в регионе опыт организации переселения не позволяет рассчитывать на обеспечение достаточного по масштабам притока кадров в сельское хозяйство региона и в те поселения, где имеются резервы пахотных земель⁴.

¹ Дьяченко В. Н. Пространственная дифференциация условий жизни как фактор привлекательности российско-китайского приграничья // Управление экономическими системами. 2016. № 9(91). Режим доступа : <http://uecs.ru/demografiya/item/4085-2016-09-08-11-20-44>; Дьяченко В. Н., Лазарева В. В. Импортозамещение в сельскохозяйственном производстве региона: демографический аспект (на примере Амурской области) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 9(342). С. 134.

² Ковалев С. А. Географическое изучение сельского расселения (задачи, методика, материалы, специальные карты расселения) / под ред. Ю. Г. Саушкина. М. : МГУ, 1960. 338 с.

³ Лазарева В. В. Факторы развития регионального аграрного сектора (на примере Амурской области) // Никоновские чтения. 2016. № 21. С. 209–211.

⁴ См. подробнее: Комарцева В. В. Влияние трудовой миграции на экономическую безопасность принимающего региона // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 8(149). С. 46–52; Лазарева В. В. Китайская рабочая сила и обеспечение экономической безопасности Амурской области // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона : кол. моногр. Владивосток : Дальнаука ; Изд-во ВГУЭС, 2010. С. 570–582.

Проведенное ранее автором исследование подтверждает безальтернативность решения задачи производства сельскохозяйственной продукции за счет использования приграничного потенциала, прежде всего такого ресурса, как привлечение иностранной рабочей силы¹.

В настоящее время в стране использование иностранной рабочей силы получило широкое распространение. Анализу возникающих при этом процессов посвящено значительное количество работ, в том числе и автора диссертации².

Проведенный в разделе 3.2 анализ показал, что реализуемая в настоящее время миграционная политика направлена на сокращение объемов привлечения китайской рабочей силы, что не соответствует реальной потребности в ней и выступает серьезным сдерживающим фактором наращивания выпуска сельскохозяйственной продукции³. При квоте на привлечение иностранных работников в 2017 г. в количестве 5 056 чел., в том числе 2 959 из КНР, осуществление мер по продовольственному импортозамещению потребует значительного увеличения квоты, что связано с необходимостью корректировки проводимой региональной миграционной политики.

¹ См. подробнее: Дьяченко В. Н., Лазарева В. В. Импортозамещение в сельскохозяйственном производстве региона: демографический аспект (на примере Амурской области) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 9(342). С. 129–138; Лазарева В. В. Китайская рабочая сила и обеспечение экономической безопасности Амурской области // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона : кол. моногр. Владивосток : Дальнаука ; Изд-во ВГУЭС, 2010. С. 570–582.

² См., например: Безруков И. С., Горбенкова Е. В. Перспективы использования азиатской рабочей силы в экономике Дальнего Востока : монография. Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2006. 207 с.; Минакир П. А., Деваева Е. И. Российский Дальний Восток и Забайкалье: программа международного экономического сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 1. С. 79–91; Понкратов Р. А. Международная трудовая миграция на Дальний Восток РФ: современное состояние и тенденции // Российское предпринимательство. 2007. Т. 8, № 10. С. 135–140; Топилин А. В., Парфенцева О. А. Перспективы трудовой миграции в России: от количественных к качественным параметрам. М. : МАКС Пресс, 2008. 105 с.; Лазарева В. В. Китайская рабочая сила и обеспечение экономической безопасности Амурской области // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона : кол. моногр. Владивосток : Дальнаука ; Изд-во ВГУЭС, 2010. С. 570–582.

³ См. подробнее: Дьяченко В. Н. Использование приграничного положения в развитии внешнеэкономических связей // Управление экономическими системами. 2014. № 9(69). Режим доступа : <http://uecs.ru/uecs69-692014/item/3039-2014-09-16-11-04-05>; Лазарева В. В. Факторы развития регионального аграрного сектора (на примере Амурской области) // Никоновские чтения. 2016. № 21. С. 209–211; Дьяченко В. Н., Лазарева В. В. Импортозамещение в сельскохозяйственном производстве региона: демографический аспект (на примере Амурской области) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 9(342). С. 129–138.

Для определения объема квоты на привлечение иностранной рабочей силы для реализации стратегии импортозамещения в сельскохозяйственном производстве региона автором была рассчитана потребность в трудовых ресурсах для сельского хозяйства¹. Для расчета была использована формула (14)²:

$$З = \frac{В}{Пт}, \quad (14)$$

где $З$ – занятость в отрасли на плановый период; $В$ – объем выпуска продукции на плановый период; $Пт$ – производительность труда в отрасли.

При определении потребности в трудовых ресурсах были использованы прогнозные значения показателя выпуска сельскохозяйственной продукции, рассчитанные автором по результатам выпуска продукции за период 2010–2017 гг. (рисунок 25), и прогнозные значения производительности труда в отрасли, рассчитанные автором по данным показателей выпуска сельскохозяйственной продукции и численности занятых в отрасли за период 2010–2017 гг. (рисунок 26).

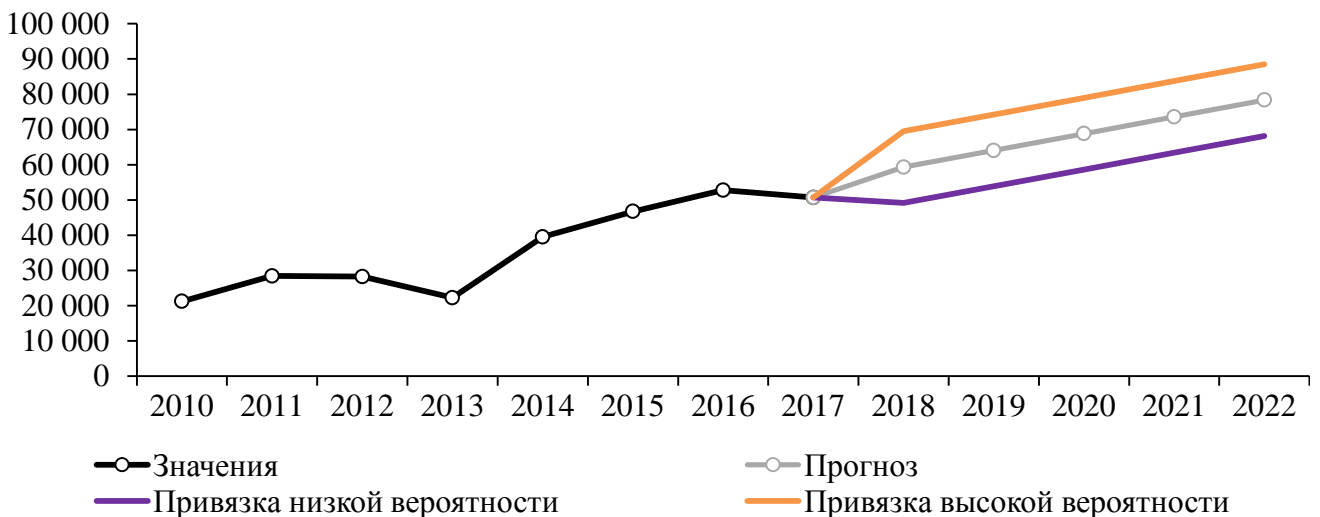

Рисунок 25 – Прогнозные значения выпуска сельскохозяйственной продукции на период 2018–2022 гг., млн р.

¹ Комарцева В. В. Влияние трудовой миграции на экономическую безопасность принимающего региона // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 8(149). С. 46–52.

² Самофалова Е. В., Кузьбожев Э. Н., Вертакова Ю. В. Государственное регулирование национальной экономики. М. : КноРус, 2005. С. 241.

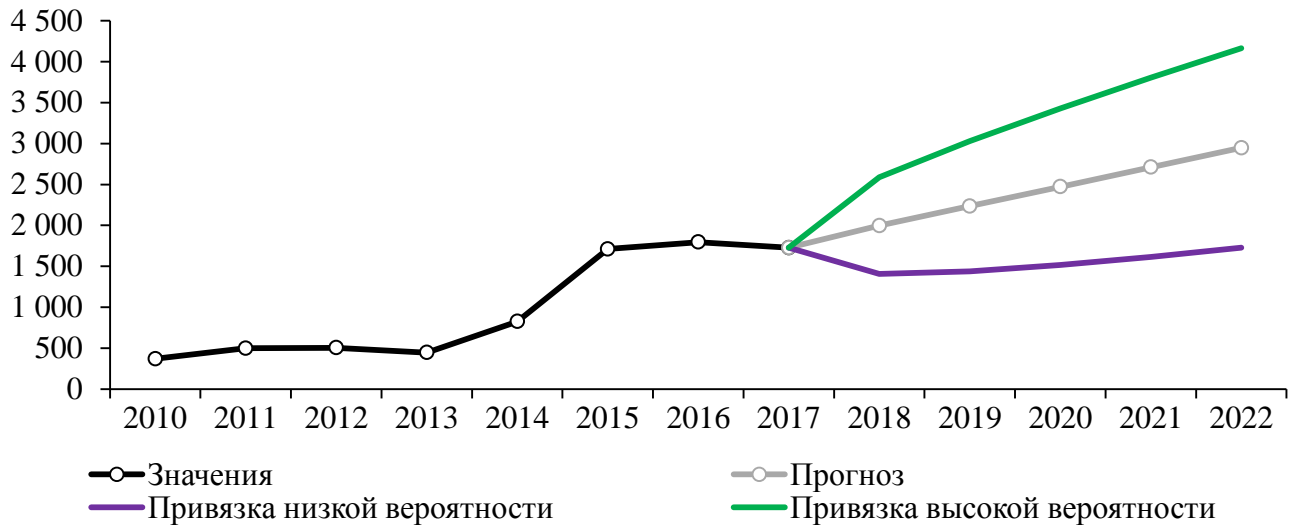

Рисунок 26 – Прогнозные значения производительности труда в отрасли на период 2018–2022 гг., млн р. на 1 000 чел.

Прогнозные значения были получены с использованием пакета Excel для Office 365. Для прогнозирования данных применена функция ПРЕДСКАЗ.ETS, прогнозирующая будущее значение на основе ретроспективных данных с использованием версии AAA алгоритма экспоненциального сглаживания (ETS)¹.

С учетом полученных прогнозных данных была рассчитана потребность в трудовых ресурсах для отрасли (таблица 21).

¹ Главное достоинство прогнозной модели состоит в том, что она способна последовательно адаптироваться к новому уровню процесса без значительного реагирования на случайные отклонения. Процедура простого экспоненциального сглаживания осуществляется по формулам:

$$S_t = X_0; S_t = \alpha \times X_{t-1} + (1 - \alpha) \times S_{t-1},$$

где X_{t-1} – фактическое наблюдение в момент $(t - 1)$; S_t – значение экспоненциального среднего в момент t ; α – параметр сглаживания, $\alpha = \text{const}$, $\alpha \in [0; 1]$. Экспоненциальное среднее в момент t выражено как взвешенная сумма текущего наблюдения и экспоненциального среднего прошлого наблюдения с весами α и $(1 - \alpha)$ соответственно. Если последовательно использовать данное рекуррентное соотношение, то значение S_t можно выразить через значения временного ряда X :

$$S_t = \alpha \times \sum_{i=1}^{\infty} (1 - \alpha)^{i-1} \times X_{t-i}.$$

Таким образом, величина S_t оказывается взвешенной суммой всех членов ряда. Причем значения весов уменьшаются экспоненциально в зависимости от удаленности наблюдения относительно момента t . Эта система, наряду с простым экспоненциальным сглаживанием, позволяет строить модели, отражающие эффекты роста (линейного, экспоненциального или затухающего) и сезонности (аддитивного или мультипликативного), которыми обладает исходный ряд. В общем виде рекуррентная формула экспоненциального сглаживания записывается следующим образом:

$$S_t = \alpha \times d_1 + (1 - \alpha) \times d_2,$$

где множители d_1 , d_2 определяются в зависимости от выбранной модели сглаживания.

Таблица 21 – Прогнозные значения показателей для расчета потребности в трудовых ресурсах для сельского хозяйства

Прогнозный показатель	2018	2019	2020	2021	2022
Прогнозный объем производства сельскохозяйственной продукции, млн р.	59 299,7	64 056,0	68 812,3	73 568,6	78 324,9
Прогнозная производительность труда в сельском хозяйстве, млн р. на 1 000 чел.	1 996,5	2 234,3	2 472,1	2 709,9	2 947,6
Прогнозная среднегодовая численность занятых в сельском хозяйстве, тыс. чел.	24,3	19,6	14,9	10,2	5,6
Потребность отрасли в трудовых ресурсах с учетом прогнозных значений	29,7	28,7	27,8	27,1	26,6
Примечание. Рассчитано и составлено автором по: Амурский статистический ежегодник, 2018 : стат. сб. / Амурстат. Благовещенск, 2018. 416 с.					

Приведенные прогнозные значения свидетельствуют о том, что к 2022 г. Амурская область может столкнуться с острейшим дефицитом кадров для сельского хозяйства. Результаты расчета необходимой численности трудовых ресурсов для реализации стратегии импортозамещения в сельском хозяйстве подтверждают необходимость пересмотра миграционной политики региона в отношении определения квоты по привлечению иностранной рабочей силы.

Отсутствие внутренних источников кадров для развития сельского хозяйства региона и реализации стратегии импортозамещения не оставляет альтернативы привлечению к сезонным работам иностранной рабочей силы.

В условиях российско-китайского приграничья решение проблемы использования иностранной рабочей силы не вызывает затруднений только при замене сезонных работников китайской рабочей силой, привлекаемой на основе различных форм кооперации сельскохозяйственных предприятий, в рамках проектов в растениеводстве и животноводстве на условиях генерального подряда и субподряда¹.

¹ См. подробнее: Дьяченко В. Н., Лазарева В. В. Импортозамещение в сельскохозяйственном производстве региона: демографический аспект (на примере Амурской области) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 9(342). С. 129–138; Дьяченко В. Н. Особенности программирования развития российско-китайского приграничья // Экономика и предпринимательство. 2016. № 3-1(68). С. 262–265.

Стратегия использования временной иностранной рабочей силы представляется наиболее перспективной, поскольку позволяет избежать резкого изменения этнического состава населения и обеспечить потребности экономики. При этом не исключается применение в приграничных населенных пунктах области маятниковой миграции, предполагающей ежедневные трудовые поездки китайских иммигрантов.

Как отмечает В. А. Колосов, в приграничных районах Северо-Восточного Китая сформировался значительный сегмент экономики, ориентированный на российский рынок. Многие граждане Китая, владеющие русским языком, могут потенциально стать фронтальерами (трансграничными маятниковыми мигрантами) в ряде российских приграничных регионов¹. Однако для этого нужны определенные шаги по формированию соответствующей нормативно-правовой базы на федеральном уровне.

Важным моментом является комплексный подход, предполагающий в том числе и развитие перерабатывающих мощностей. В частности, проведенное исследование проблем и тенденций приграничных сельских территорий Забайкалья показало, что нехватка перерабатывающих мощностей может привести к тому, что сельские территории будут находиться в положении сырьевого придатка соседних регионов России и Китая².

Пока что на всем пространстве приграничья действуют противоположные тенденции, о которых говорит Л. Л. Божко. С одной стороны, это процессы относительной изоляции экономики приграничных регионов, а с другой – попытки сформировать более открытую модель развития приграничных регионов³.

Очевидно, что нужны взвешенные решения не только на уровне соответствующих субъектов РФ, но и на федеральном уровне, в том числе в рамках про-

¹ Колосов В. А. Трансграничная регионализация и фронтальерские миграции: европейский опыт для России? // Региональные исследования. 2016. № 3(53). С. 83–93.

² Фадеева О. П. Приграничные сельские территории Забайкалья: развитие или деградация? (Заметки социолога) // ЭКО. 2014. № 11(485). С. 36–54.

³ Божко Л. Л. Методология оценки социально-экономического развития приграничья в условиях интеграционных преобразований // Региональная экономика и управление. 2013. № 1(33). Режим доступа : <https://eee-region.ru/article/3311>.

странственной стратегии РФ, поскольку подразумеваются межправительственные действия.

Как справедливо отмечается в докладе Центра интеграционных исследований ЕАБР, «такое сотрудничество может успешно развиваться только на принципах равноправия сторон, взаимных финансовых обязательств и должно базироваться на совместно разработанных механизмах совместного финансирования приграничного сотрудничества»¹.

¹ Приграничное сотрудничество регионов России, Беларуси и Украины / С. П. Глинкина, Л. Б. Вардомский, В. А. Колосов и др. СПб. : ЦИИ ЕАБР, 2013. 100 с.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования особенностей устойчивого развития муниципальных образований приграничного региона автором были получены следующие результаты.

1. Предложена авторская трактовка содержания понятия «потенциал приграничного положения», объединяющая ресурсный, результативный и целевой подходы и включающая оценку специфических факторов приграничного положения, что позволяет выявлять возможности и предпосылки устойчивого развития муниципальных образований приграничного региона. Это расширяет и обогащает научные представления о потенциале приграничного положения как способности приграничных территорий обеспечивать долговременное функционирование и достижение стратегических целей развития и повышение качества жизни населения на основе использования возможностей приграничного взаимодействия, определяемых близостью к государственной границе и зарубежной стране.

В теоретических и прикладных исследованиях нет единого мнения о характере влияния приграничного положения на развития приграничных территорий. Вместе с тем исследователи признают, что приграничное положение дает территориям специфический потенциал приграничного положения.

Несмотря на значительное количество работ, посвященных проблемам влияния приграничного положения на региональное развитие, понятие «*потенциал приграничного положения*» еще не получило четкой однозначной трактовки. В настоящее время категорию «потенциал» в экономических исследованиях применительно к различным объектам исследования принято раскрывать через совокупность ресурсов (ресурсный подход), совокупность возможностей (результативный подход), совокупность «способностей» (целевой или стратегический подход). Стоит отметить, что данные подходы не противоречат, а только дополняют друг друга. Поэтому считаем, что содержательная характеристика понятия «по-

тенциал приграничного положения территории» должна основываться на единстве названных подходов.

Применение *ресурсного подхода* позволяет интерпретировать потенциал приграничного положения как конкурентный ресурс. Когда мы говорим о потенциале приграничного положения территории, то, безусловно, отталкиваемся именно от положения по отношению к границе. Таким образом, речь идет о том, что ее отличает от других территориальных образований, являющихся внутристрановыми, удаленными от границы. *Результативный подход* предполагает рассмотрение понятия «потенциал приграничного положения» через совокупность возможностей приграничного взаимодействия. С позиции *целевого (стратегического) подхода* потенциал рассматривается как способность приграничных территорий обеспечивать долгосрочное устойчивое функционирование и развитие, используя возможности приграничного взаимодействия. При этом существенными факторами, определяющими способность использовать потенциал приграничного положения в целях развития приграничных территорий, являются уровень и характер взаимоотношений, складывающихся между сопредельными государствами, потенциалы сопредельных регионов, взаимодополняемость экономик, региональная политика органов власти всех уровней в отношении приграничных территорий.

Оценивая уровень развития и использования потенциала приграничного положения как специфических возможностей, связанных с близостью к границе и зарубежной стране, следует иметь в виду, что он может быть значительно дифференцирован в силу ряда факторов (соотношение между функциями государственной границы, фактор соседства и уровень развития соседней страны, наличие и функционирование приграничной инфраструктуры, реализующей функции охраны границы и обеспечения межгосударственных связей, характер взаимоотношений складывающихся между странами, потенциалы территорий), которые, в свою очередь, наряду с пространственными факторами (природные условия, влияющие на характер освоения территории, условия жизни населения и ресурсы для развития ключевых отраслей экономики; экономико-географическое положение, прежде всего удаленность от городов разного размера и транспортных магистралей, как

воплощение центрально-периферийных различий демографического и экономического потенциалов и т. п.) определяют особенности и предпосылки устойчивого развития приграничных муниципальных образований.

Значительное разнообразие выделенных факторов обуславливает уникальность каждого отдельно взятого участка приграничья, определяя особенности и предпосылки устойчивого развития приграничных муниципальных образований, и требует дифференцированного подхода к управлению их устойчивым развитием.

2. Разработан и апробирован методический подход к оценке устойчивого развития муниципальных образований, локализованных в границах приграничного региона, отличающийся от существующих подходов использованием двухуровневой системы индикаторов и учитывающий влияние фактора приграничности, позволяющий оценить степень территориальной асимметрии, выделить приграничные муниципальные образования в отдельный объект исследования, диагностировать проблемы и определить возможные направления их решения с учетом имеющегося потенциала.

Управление устойчивым развитием муниципальных образований предполагает необходимость выявления и оценки условий и факторов, обуславливающих их текущее состояние и тенденции развития. В связи с этим возникает необходимость проведения комплексной оценки, которая позволит разработать мероприятия организационно-экономического характера, направленные на обеспечение их устойчивого развития с учетом имеющегося потенциала.

С целью определения влияния фактора приграничности на устойчивое развитие муниципальных образований автор выделяет два типа муниципальных образований – внутренние и приграничные. Основным критерием для типологии является совпадение административных границ муниципальных образований с государственной границей.

Важным моментом при проведении оценки устойчивого развития является определение системы индикаторов. Анализ существующих методических подходов к построению индикаторов устойчивого развития показал, что наиболее часто используется подход, основанный на построении агрегированного (интегрального)

индикатора, что, по мнению автора, имеет ряд недостатков: крайне ограниченные возможности интерпретации полученных результатов, зачастую сводимых к констатации качественной оценки групп муниципальных образований по уровню устойчивого развития; существенные методологические затруднения, вытекающие из стремления учесть широкий спектр статистических показателей, фиксируемых на муниципальном уровне. Использование значительной их части в формализованном виде либо не имеет однозначной оценки, либо затруднено крайней малочисленностью населения, приводящей к значительным изменениям показателей в малых временных диапазонах, увеличивающих статистическую погрешность и искажающих происходящие процессы.

С учетом названных недостатков в работе используется двухуровневая система индикаторов, при построении которой использована комбинация двух подходов:

1) компактная система ключевых/базовых индикаторов, представленная обобщающими показателями, позволяющими судить о состоянии целой подсистемы изучаемого объекта (показатели состояния);

2) структура «тема/проблема – индикатор». Данные индикаторы позволяют оценить динамику относительно эталонного значения и таким образом определить проблемные места, требующие выработки управленческих решений.

Первый этап включает ряд последовательных шагов, позволяющих типологизировать муниципальные образования приграничного региона по уровню устойчивого развития и выявить особенности развития приграничных МО (определение обобщающих показателей, характеризующих состояние отдельных подсистем устойчивого развития МО; анализ уровня асимметрии МО приграничного региона с использованием метода вариационного анализа на основе обобщающих показателей; оценка уровня устойчивого развития МО приграничного региона с использованием классификации Р. Тернера и выявление особенностей устойчивого развития приграничных МО).

Второй этап также реализуется посредством последовательности шагов, но уже в отношении только приграничных муниципальных образований, с целью

определения проблем, препятствующих их устойчивому развитию, и возможных направлений их решения с учетом имеющегося потенциала (выделение типов приграничных МО по качественным признакам; определение индикаторов и их эталонных значений, характеризующих отдельные элементы подсистем устойчивого развития приграничных МО; нормирование индикаторов относительно эталонных значений; выделение типов приграничных МО по схожести проблемных мест с использованием метода кластерного анализа; пересечение типологии приграничных МО по качественным признакам с полученной типологией проблемности с целью определения возможных направлений решения проблем с учетом имеющегося потенциала).

Данная методика отличается универсальностью и может быть использована при оценке устойчивого развития муниципальных образований приграничных субъектов РФ. Апробация предложенной методики проведена на примере муниципальных образований Амурской области, имеющей самую протяженную границу с КНР. Выбор Амурской области в качестве объекта исследования обусловлен тем, что складывающиеся в рамках региона территориальные различия дополняются сохранявшимся до последнего времени сочетанием различных режимов границы.

Анализ уровня асимметрии пространства приграничного региона показал значительное расслоение муниципальных образований по показателям состояния отдельных подсистем устойчивого развития, что является сигналом для органов власти о необходимости разработки и реализации политики, направленной на снижение диспропорций пространственного развития.

Оценка устойчивого развития приграничных муниципальных образований показала, что 10 муниципальных образований из 13 приграничных относятся к типу со слабым и очень слабым устойчивым развитием. Одно муниципальное образование с неустойчивым развитием (ГО Свободный) и только два муниципальных образования относятся к типу с сильным устойчивым развитием (ГО Благовещенск и прилегающий к нему Благовещенский МР). Фактически мы имеем дело с агломерацией, в которой два муниципальных образования объединены произ-

водственными и социальными связями. Кроме того, следует учесть специфическую роль областного центра, являющегося главными воротами международной торговли в Приамурье благодаря своему приграничному положению и наличию непосредственно в городе пограничного перехода. Этот тип занимает менее 1 % территории области, на которой проживает 31,2 % населения области.

Процедура оценки детерминант устойчивого развития и построения типологии приграничных муниципальных образований по схожести проблемных мест с учетом предварительной типологии приграничных МО по качественным признакам позволила выделить пять кластеров приграничных муниципальных образований, среди которых наиболее проблемными являются приграничные муниципальные образования с сельскохозяйственной специализацией, низким уровнем развития социальной инфраструктуры, закрытым характером границы и отсутствием действующей приграничной инфраструктуры. Анализ изменения состава кластеров, проведенный по данным 2007–2017 гг., позволил сформулировать следующие выводы: в целом формируется стабильный состав кластера по характеру проблем; наблюдается тенденция перемещения приграничных муниципальных образований между кластерами, связанная исключительно с реализацией на их территориях крупных инвестиционных проектов, временно улучшающих ряд экономических и социальных показателей.

Пересечение типологии приграничных муниципальных образований по качественным признакам с полученной типологией проблемности позволило сделать следующие выводы:

1) дифференциация природных условий, приобретает наибольшее значение в направлении север – юг, подтверждая необходимость выделения северных приграничных муниципальных образований (V тип) в качестве отдельного объекта региональной политики. Располагая значительной сырьевой базой, муниципальные образования отличаются самой низкой плотностью населения. Освоение территорий северных приграничных муниципальных образований возможно за счет более широкого использования вахтового метода в сочетании с развитием системы опорных населенных пунктов, призванных стать базовыми для социально-культурного,

бытового и транспортного обслуживания вахтовых рабочих, а также для размещения перерабатывающих, обслуживающих и смежных производств. При этом целесообразно создать условия жизнедеятельности, отвечающие современным стандартам, тем самым способствуя закреплению населения на данных территориях;

2) происходящие в регионе процессы далеко не всегда вписываются в представления, вытекающие из теории Дж. Фридмана. Центро-периферийные взаимодействия складываются зачастую иначе, когда экономическое развитие происходит наиболее интенсивно в периферийных структурах. В частности, это определяется размещением новых производств. Поэтому уровень развития и доступности услуг, предоставляемых в центрах обслуживания населения, играет важную роль, однако, не имеющую во многих случаях доминирующего характера. Важно учитывать, что возможности ряда районных центров выполнять свою роль центров обслуживания населения прилегающих сельских поселений из-за низкого экономического и социального потенциала существенно ограничены. Это отрицательно сказывается на привлекательности районов для проживания, стимулируя отток населения. Развитие их потенциала в предоставлении услуг населению районов является одним из наиболее значимых направлений пространственной политики в регионе;

3) сложившаяся в регионе пространственная дифференциация муниципальных образований и населенных пунктов отражает последствия разных периодов развития приграничных отношений. Одним из полюсов является областной центр, имеющий уникальное местоположение – непосредственно на границе, напротив китайского города Хэйхэ, где дислоцированы таможенные переходы, выполняющие функции обеспечения перемещения людей и различных грузов. Другим полюсом являются населенные пункты, расположенные непосредственно на берегу р. Амур, применительно к которым действует режим пограничной зоны с элементами закрытости, сохранившимися со времен обострения российско-китайских отношений. Доминирование барьерной функции лишает данные территории ресурса взаимодействия с сопредельными территориями и, соответственно, фактора социально-экономического развития. Территории становятся тупиковыми и перифе-

рийными со всеми сопутствующими атрибутами: низкий уровень жизни населения, неблагоприятное течение демографических процессов, высокая социально-трудовая напряженность.

Такая дифференциация не могла не отразиться на развитии этих территориальных образований за современный период приграничного сотрудничества, определяя концентрацию внешнеэкономических связей в центре региона. Перспективным направлением в развитии приграничных муниципальных образований является снятие изоляционных мер, а также более эффективное использование потенциала приграничного положения.

3. Разработана концептуально-логическая модель управления развитием потенциала приграничного положения, предполагающая использование стратегического подхода и ориентированная на повышение уровня устойчивого развития муниципальных образований региона. В качестве приоритетных направлений развития потенциала приграничного положения предлагается: формирование транспортно-логистического комплекса и развитие транзитного потенциала муниципальных образований региона; использование потенциала иностранной рабочей силы для реализации стратегии импортозамещения в сельскохозяйственном производстве.

В целях обоснования перспективных направлений развития приграничных муниципальных образований был проведен анализ зарубежной практики региональной политики (Европейский союз и Китай). Важным принципом региональной политики названных стран является стимулирование приграничного сотрудничества и открытость экономики. Органы власти прилагают значительные усилия, создавая условия для долгосрочного поступательного развития экономики и уделяя при этом внимание решению структурных проблем, используя широкий спектр преференций для активизации инвестиционной активности, а также реализуя различные программы в отношении приграничных территорий.

Отечественная практика региональной политики показывает, что в последнее время прослеживается тенденция использования лучших зарубежных практик по развитию приграничных территорий. В то же время, как показал проведенный

анализ, потенциал приграничного положения остается значительно недоиспользуемым для реализации целей социально-экономического развития и повышения уровня жизни и благосостояния населения региона. Во многом это объясняется действиями органов региональной власти, носящих инертный и ограничительный характер.

Анализ показателей оценки социально-экономического развития Амурской области в сравнении со среднероссийскими значениями, а также рассчитанные значения коэффициента интенсивности приграничности свидетельствуют о низком уровне социально-экономического развития области и неэффективном использовании потенциала приграничного положения.

Проведенный анализ подтверждает необходимость разработки и реализации мер, как федерального, так и регионального уровня, направленных на создание условий для более эффективного использования потенциала приграничного положения.

Главной задачей для органов региональной власти должно стать недопущение снижения уровня развития потенциала приграничного положения по сравнению с достигнутым уровнем, а также создание условий для его наращивания в целях устойчивого развития приграничного пространства региона. Решение данной задачи может быть обеспечено применением стратегического подхода в управлении развитием потенциала приграничного положения.

Основой для разработки стратегических направлений развития потенциала приграничного положения, а также формулировки конкретных мероприятий по их внедрению должна стать концептуально-логическая модель, основанная на положениях стратегического подхода, который предполагает неразрывную совокупность процессов управления, обеспечивающих продвижение к желаемому будущему. Проведенная автором диагностика устойчивого развития приграничных муниципальных образований позволила определить ряд проблем, препятствующих их устойчивому развитию, решение которых, по мнению автора, может быть обеспечено за счет более эффективного использования потенциала приграничного положения. В числе важнейших направлений наращивания и использования уже

сложившегося приграничного потенциала в рамках данной работы автором рассмотрены:

1) формирование транспортно-логистического комплекса и развитие транзитного потенциала муниципальных образований. Учитывая, что более 300 инвестиционных проектов, реализуемых в рамках новых механизмов развития Дальнего Востока, предусматривают создание производств, ориентированных на экспорт продукции в страны Азиатско-Тихоокеанского региона, критическим фактором конкурентоспособности Амурской области как транзитной территории становится пропускная способность трансграничной инфраструктуры (пунктов пропуска), скорость и качество работы таможенных органов, сформированная логистическая инфраструктура. Поэтому формирование транспортно-логистической системы должно стать одним из стратегических направлений развития региона в целом и его территориальных образований в частности, реализация которого может быть осуществлена с использованием методов проектного управления.

Предложенная автором концепция проекта предполагает реконструкцию пунктов пропуска через государственную границу РФ и формирование логистической инфраструктуры с терминалами и складами различных типов на пересечении железных дорог направлений «север – юг» и «запад – восток», вписанной в единую логистическую сеть страны. По существу, речь идет о восстановлении ранее имевшегося инфраструктурного комплекса, но уже на уровне международных стандартов. Реализация регионального проекта «Логистика международной торговли», направленного на развитие транзитного потенциала региона, не только будет способствовать экономическому развитию региона, но и окажет положительное влияние на приграничные муниципальные образования за счет эффектов от реализации транзитной функции, способствуя их устойчивому развитию;

2) использование потенциала иностранной рабочей силы для реализации стратегии импортозамещения в сельскохозяйственном производстве.

Одним из наиболее масштабных недоиспользуемых ресурсов приграничных муниципальных образований являются сельскохозяйственные земли, значительная часть которых остается выведенной из хозяйственного оборота, при этом

в качестве одного из ограничителей наращивания сельскохозяйственного производства в настоящее время выступает дефицит кадров, напрямую связанный с демографической ситуацией в муниципальных образованиях. Сложившийся в регионе опыт организации переселения не позволяет рассчитывать на обеспечение достаточного по масштабам притока кадров в сельское хозяйство региона и в те поселения, где имеются резервы пахотных земель, что определяет необходимость использования приграничного потенциала и, прежде всего, такого ресурса, как привлечение сезонной рабочей силы из Китая.

Для определения объема квоты на привлечение иностранной рабочей силы для реализации стратегии импортозамещения в сельскохозяйственном производстве региона автором была рассчитана потребность в трудовых ресурсах на основе спрогнозированных значений показателей производства сельскохозяйственной продукции и производительности труда в отрасли. Результаты расчетов свидетельствуют о том, что к 2022 г. Амурская область столкнется с острым дефицитом трудовых ресурсов для сельского хозяйства. Полученные результаты могут быть использованы в деятельности межведомственной комиссии при определении квоты на привлечение иностранной рабочей силы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдурахманов, Г. М. Еще раз об устойчивом развитии с позиции экологических измерений / Г. М. Абдурахманов, Ш. Ш. Гасанов, Л. Ш. Ахмедова, Р. Т. Раджабова // Юг России: экология, развитие. 2014. № 4. С. 7–16.
2. Аганбегян, А. Г. Модернизация реального сектора экономики: пространственный аспект / А. Г. Аганбегян // Регион: экономика и социология. 2012. № 4(76). С. 7–44.
3. Амурский статистический ежегодник, 2018 : стат. сб. / Амурстат. Благовещенск, 2018. 416 с.
4. Анимица, Е. Г. Региональная политика: сущность, основные цели, проблемы / Е. Г. Анимица // Экономика региона. 2005. № 1. С. 7–19.
5. Анимица, Е. Г. Теории регионального и местного развития / Е. Г. Анимица, Я. П. Силин, Н. В. Сбродова. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2015. 151 с.
6. Анимица, Е. Г. Программно-проектный подход – важнейший инструмент регулирования регионального развития / Е. Г. Анимица, Н. В. Новикова, В. А. Сухих // Известия Уральского государственного экономического университета. 2008. № 2(21). С. 50–57.
7. Анимица, Е. Г. Феномен территориальной границы / Е. Г. Анимица // Географический вестник. 2007. № 1–2. С. 5–10.
8. Антонюк, В. С. Совершенствование таможенной инфраструктуры как фактор развития приграничных территорий РФ / В. С. Антонюк, Г. В. Эрлих // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Экономика и менеджмент. 2016. № 10(4). С. 7–11.
9. Антонюк, В. С. Теоретические аспекты устойчивого социально-экономического развития приграничных территорий / В. С. Антонюк, Е. Л. Корниенко // Инновации и инвестиции. 2016. № 12. С. 181–183.

10. Арсентьева, И. И. Понятие «приграничье» в современном научном дискурсе / И. И. Арсентьева // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 6. С. 24–29.

11. Артёменко, С. В. Граница и приграничность как характеристики региона / С. В. Артёменко // Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. 2009. № 4. С. 180–184.

12. Артоболевский, С. С. Приграничные ареалы и региональная политика в Российской Федерации / С. С. Артоболевский, Л. Б. Вардомский // Проблемы общественной географии : сб. науч. тр. / под общ. ред. П. Г. Подглушного. Киев : Ин-т географии НАН Украины, 2010. Вып. 5. С. 14–26.

13. Артоболевский, С. С. Стратегии пространственного развития в Российской Федерации: географические ресурсы и ограничения / С. С. Артоболевский, В. Л. Бабурин, П. Я. Бакланов, Н. С. Касимов, В. А. Колосов, В. М. Котляков, Д. И. Люри, А. А. Тишков // Известия Российской академии наук. Сер. геогр. 2009. № 3. С. 8–17.

14. Бадарчи, Х. Б. Типологический анализ приграничных регионов России по уровню социально-экономического развития (на примере Республики Тыва) / Х. Б. Бадарчи, Д. Ф. Дабиев // Проблемы прогнозирования. 2012. № 2. С. 89–101.

15. База данных муниципальных образований [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst10/DBInet.cgi>.

16. Бакланов, П. Я. Географические и геополитические проблемы устойчивого развития приграничных регионов Азиатской России / П. Я. Бакланов, Ю. И. Винокуров, В. А. Снытко, А. К. Тулохонов, А. А. Чибилев // Трансграничные проблемы стран СНГ. М. : ОПУС, 2003. С. 138–151.

17. Бакланов, П. Я. Геополитическая асимметрия России как стратегический фактор развития Дальневосточного региона / П. Я. Бакланов // Народонаселение. 2005. № 2(28). С. 116–120.

18. Бакланов, П. Я. Приграничные и трансграничные территории как объект географических исследований / П. Я. Бакланов, С. С. Ганзей // Известия РАН. Сер. геогр. 2004. № 4. С. 27–34.
19. Бакланов, П. Я. Структурные особенности и потенциал развития приграничных и трансграничных районов: теоретические аспекты / П. Я. Бакланов // Региональные исследования. 2018. № 3(61). С. 19–24.
20. Баранский, Н. Н. Становление советской экономической географии: избр. тр. / Н. Н. Баранский. М. : Мысль, 1980. 287 с.
21. Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / под ред. Л. Б. Вардомского, С. В. Годунова. М.–Волгоград : НОФМО, 2002. 572 с.
22. Безруков, И. С. Перспективы использования азиатской рабочей силы в экономике Дальнего Востока : монография / И. С. Безруков, Е. В. Горбенкова. Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2006. 207 с.
23. Белозерова, Т. П. Методический подход к формированию системы комплексной оценки устойчивого развития муниципальных образований / Т. П. Белозерова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Экономика и управление. 2012. № 3(10). С. 11–13.
24. Бильчак, М. В. Интеграция в приграничном регионе : монография / М. В. Бильчак. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. 185 с.
25. Бирмамитова, А. А. Экологически устойчивое развитие экономики: предметно-сущностное содержание, эволюция критериев, направления исследований / А. А. Бирмамитова, Б. А. Губачиков, А. Х. Дикинов // Вестник экспертного совета. 2017. № 1(8). С. 92–99.
26. Близоруков, М. Г. Статистические методы анализа рынка / М. Г. Близоруков. Екатеринбург : Ин-т управления и предпринимательства Урал. гос. ун-та, 2008. 75 с.
27. Бобылев, С. Н. Индикаторы устойчивого развития: региональное измерение: пособие по региональной экологической политике / С. Н. Бобылев. М. : Акрополь ; ЦЭПР, 2007. 60 с.

28. Богачев, А. И. Комплексная оценка социо-эколого-экономического развития сельских территорий : монография / А. И. Богачев, И. В. Гальянов, Н. С. Студенникова. Орел : ФГБОУ ВО Орловский ГАУ, 2016. 312 с.

29. Божко, Л. Л. Методология оценки социально-экономического развития приграничья в условиях интеграционных преобразований / Л. Л. Божко // Региональная экономика и управление. 2013. № 1(33). Режим доступа : <https://eee-region.ru/article/3311>.

30. Божко, Л. Л. Теоретико-методологические основы исследования процессов экономического развития приграничных территорий : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / Божко Лариса Леонидовна. Екатеринбург, 2011. 399 с.

31. Большая советская энциклопедия : в 30 т. / под ред. А. М. Прохорова. М. : Сов. энцикл., 1975. Т. 20. 608 с.

32. Борисова, Т. Г. Социально-экономическое развитие сельской местности в условиях приграничного положения: на примере Курганской области : дис. ... канд. геогр. наук : 25.00.24 / Борисова Татьяна Геннадьевна. Пермь, 2010. 204 с.

33. Булаев, В. М. Этнонациональные особенности формирования населения Восточного Забайкалья (социально-географическая интерпретация) / В. М. Булаев. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. 171 с.

34. Булашов, С. Н. Экономико-правовой анализ сущности государственной границы и пограничного экономического пространства Российской Федерации / С. Н. Булашов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 21. С. 51–57.

35. Буфетова, А. Н. Неравномерность пространственного развития: региональные центры и региональная периферия / А. Н. Буфетова // Регион: экономика и социология. 2009. № 4. С. 55–68.

36. Быстрова, Н. П. Зона активного взаимодействия города и села / Н. П. Быстрова, Л. А. Кранц // Проблемы формирования и развития региональных социально-экономических систем «город – село» в республиках и областях Нечерноземной зоны РСФСР : материалы Всерос. науч. конф. Саранск : МГУ, 1981. С. 149–153.

37. Вардомский, Л. Б. К проблеме изучения границ экономико-географических систем / Л. Б. Вардомский, Н. С. Мироненко // Географические границы : сб. ст. М. : Изд-во МГУ, 1982. С. 38–46.

38. Вардомский, Л. Б. Новые приграничные регионы России в меняющемся постсоветском пространстве / Л. Б. Вардомский // Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации : монография / под ред. Л. Б. Вардомского, Л. И. Попковой, Ц. Мадры. Курск : Изд-во Курского гос. ун-та, 2017. С. 209–221.

39. Вардомский, Л. Б. Особенности формирования потребительского рынка белорусско-российского приграничья / Л. Б. Вардомский, А. С. Кузавко // Экономический журнал. 2018. № 2(50). С. 6–25.

40. Вардомский, Л. Б. Приграничное сотрудничество на «новых и старых» границах России / Л. Б. Вардомский // Евразийская экономическая интеграция. 2008. № 1. С. 90–108.

41. Вардомский, Л. Б. Приграничное сотрудничество: механизмы, факторы и тенденции развития / Л. Б. Вардомский // Проблемы приграничных регионов России / под ред. Ю. Г. Липеца. М. : ИГ РАН, 2004. С. 11–18.

42. Вардомский, Л. Б. Российская политика соседства / Л. Б. Вардомский // Социально-экономическая география – 2011: теория и практика : материалы Междунар. науч. конф. Калининград : Изд-во Балт. федер. ун-та им. И. Канта, 2011. С. 225–228.

43. Вардомский, Л. Б. Российское порубежье в условиях глобализации / Л. Б. Вардомский. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 216 с.

44. Власова, Н. Ю. Проблемы и перспективы устойчивого развития сельских территорий приграничного региона / Н. Ю. Власова, В. В. Лазарева // Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации : монография / под ред. Л. Б. Вардомского, Л. И. Попковой, Ц. Мадры. Курск, 2017. С. 52–62.

45. Внешняя торговля субъектов РФ в Дальневосточном федеральном округе [Электронный ресурс] / ФТС России Дальневосточное таможенное управление.

Режим доступа : http://dvtu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=303&Itemid=282.

46. Вовенда А. В., Плотников В. А. Еврорегионы как фактор успешной международной интеграции в современных условиях // Балтийский регион. 2011. № 4. С. 60–68.

47. Волчкова, И. В. Методические подходы к оценке дифференциации в уровне социально-экономического развития муниципальных образований агломерации / И. В. Волчкова, М. Н. Данилова, А. М. Елисеев, Ю. В. Подопригора, А. А. Селиверстов, Е. В. Уфимцева, Н. Р. Шадейко // Вопросы управления. 2017. № 2(45). С. 57–69.

48. Ворошилов, Н. В. Тенденции и проблемы развития муниципальных районов Вологодской области [Электронный ресурс] / Н. В. Ворошилов // Вопросы территориального развития. 2014. № 1(11). Режим доступа : <http://vtr.isert-ran.ru/article/1377>.

49. Вязьмина Н. Р. Повышение устойчивости социально-экономического развития приграничного региона : автореф. дис. ... кан. экон. наук : 08.00.05 / Вязьмина Наталья Романовна. Н. Новгород, 2009. 25 с.

50. Гаджиев, Ю. А. Зарубежные теории регионального экономического роста и развития / Ю. А. Гаджиев // Экономика региона. 2009. № 2. С. 45–62.

51. Ганзей, С. С. Трансграничные геосистемы юга Дальнего Востока России и Северо-Востока КНР / С. С. Ганзей. Владивосток : Дальнаука, 2004. 231 с.

52. Гапоненко, А. Л. Стратегическое планирование социально-экономического развития регионов и городов / А. Л. Гапоненко, С. В. Пирогов, И. Ф. Чернявский // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 3(1). С. 15–19.

53. Гафарова, Е. А. Валовой муниципальный продукт как показатель уровня экономического развития муниципальных образований региона (на материалах Республики Башкортостан) / Е. А. Гафарова // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2017. Т. 10, № 4. С. 91–103.

54. География / гл. ред. А. П. Горкин. М. : РОСМЭН, 2006. 623 с.

55. Глазырина, И. П. Приграничное сотрудничество в свете инвестиционных процессов: пока минусов больше, чем плюсов / И. П. Глазырина, А. А. Фалейчик, Л. М. Фалейчик // ЭКО. 2011. № 9. С. 50–70.

56. Гончарова, Н. П. Миграционные процессы и социальная безопасность рынка труда приграничных регионов России / Н. П. Гончарова, О. Е. Ноянзина, Г. С. Авдеева // Национальная безопасность / Nota Bene. 2014. № 1(30). С. 50–60.

57. Горячко, М. Д. Потенциал приграничного взаимодействия и развитие регионов на юге Дальнего Востока и Сибири / М. Д. Горячко, В. А. Колосов // Российское пограничье: социально-политические и инфраструктурные проблемы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 11 февраля 2016 г.) / под ред. В. А. Колосова, А. Б. Володина. М. : ИП Матушкина И. И., 2016. С. 55–72.

58. Гранберг, А. Г. Основы региональной экономики / А. Г. Гранберг. 4-е изд. М. : Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2004. 495 с.

59. Грибова, Е. В. Качество жизни населения как аспект устойчивого социально-экономического развития общества / Е. В. Грибова // Актуальные вопросы экономических наук. 2014. № 37. С. 157–161.

60. Грибова, С. Н. Развитие приграничных регионов: методология и практика : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / Грибова Светлана Николаевна. Улан-Удэ, 2011. 404 с.

61. Грицай, О. В. Центр и периферия в региональном развитии / О. В. Грицай, Г. В. Иоффе, А. И. Трейвиш. М. : Наука, 1991. 167 с.

62. Гриценко, С. В. Статистический анализ уровня социально-экономического развития муниципальных районов / С. В. Гриценко // Экономический анализ: теория и практика. 2009. № 22. С. 15–22.

63. Громов, Е. И. Методика социо-эколого-экономической оценки и прогнозирования параметров устойчивого развития аграрно-ориентированных территорий / Е. И. Громов // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5: Экономика. 2014. № 3(150). С. 125–132.

64. Данилов-Данильян, В. И. Устойчивое развитие – будущее Российской Федерации / В. И. Данилов-Данильян // Россия на пути к устойчивому развитию. М. : РЭФИА, 1996. С. 00–00.

65. Данилов-Данильян, В. И. Экологический вызов и устойчивое развитие / В. И. Данилов-Данильян, К. С. Лосев. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 416 с.

66. Дворядкина, Е. Б. Региональная периферия: место в пространстве : монография / Е. Б. Дворядкина, Е. И. Кайбичева. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2017. 155 с.

67. Дворядкина, Е. Б. Экономическая безопасность / Е. Б. Дворядкина, Н. В. Новикова. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2010. 177 с.

68. Драгилева, И. И. Трансграничная кооперация в Балтийском регионе / И. И. Драгилева // Балтийский регион как полюс экономической интеграции Северо-Запада Российской Федерации и Европейского союза : монография / под ред. В. П. Гутника, А. П. Клемешева. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. – С. 70–92.

69. Дьяченко, В. Н. Демографический аспект устойчивого развития приграничных территорий в условиях Дальнего Востока [Электронный ресурс] / В. Н. Дьяченко, Е. А. Бурлаев // Управление экономическими системами. 2016. № 10(92). Режим доступа : <http://uecs.ru/uecs-92-922016/item/4115-2016-10-21-06-18-41>.

70. Дьяченко, В. Н. Использование приграничного положения в развитии внешнеэкономических связей [Электронный ресурс] / В. Н. Дьяченко // Управление экономическими системами. 2014. № 9(69). Режим доступа : <http://uecs.ru/uecs69-692014/item/3039-2014-09-16-11-04-05>.

71. Дьяченко, В. Н. Особенности программирования развития российско-китайского приграничья / В. Н. Дьяченко // Экономика и предпринимательство. 2016. № 3-1(68). С. 262–265.

72. Дьяченко, В. Н. Проблемы использования статистического инструментария при оценке развития муниципальных образований [Электронный ресурс] /

В. Н. Дьяченко // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2018. № 4(56). Режим доступа : <https://eee-region.ru/article/5603/>.

73. Дьяченко, В. Н. Пространственная дифференциация условий жизни как фактор привлекательности российско-китайского приграничья [Электронный ресурс] / В. Н. Дьяченко // Управление экономическими системами. 2016. № 9(91). Режим доступа : <http://uecs.ru/demografiya/item/4085-2016-09-08-11-20-44>.

74. Дьяченко, В. Н. Развитие Приамурья в свете потерь и упущенных возможностей / В. Н. Дьяченко, В. В. Лазарева // Россия и Китай в АТР: трансграничное взаимодействие : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Благовещенск, 20–23 апреля 2016 г.) : в 2 ч / под общ. ред. Л. А. Понкратовой. Благовещенск : Изд-во Амур. гос. ун-та, 2016. Вып. 3. Ч. 1. С. 157–162.

75. Дьяченко, В. Н. Развитие территориальной асимметрии в формировании населения муниципальных образований Амурской области / В. Н. Дьяченко, Е. А. Бурлаев, В. В. Лазарева // Экономика и предпринимательство. 2017. № 9-2(86). С. 371–377.

76. Дьяченко, В. Н. Роль пространственных факторов в миграционной привлекательности сельских территорий [Электронный ресурс] / В. Н. Дьяченко, Е. А. Бурлаев // Управление экономическими системами. 2018. № 4(110). Режим доступа : <http://uecs.ru/demografiya/item/4859-2018-04-17-07-03-08>.

77. Дьяченко, В. Н. Импортзамещение в сельскохозяйственном производстве региона: демографический аспект (на примере Амурской области) / В. Н. Дьяченко, В. В. Лазарева // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 9(342). С. 129–138.

78. Егорычев, С. А. Методическое обеспечение комплексного анализа устойчивого развития муниципальных образований / С. А. Егорычев // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 5(166). С. 251–257.

79. Елисеева, И. И. Общая теория статистики / И. И. Елисеева, М. М. Юзбашев / под ред. И. И. Елисеевой. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Финансы и статистика, 2004. 656 с.

80. Железняков, С. С. Диагностика территориальной дифференциации регионов ЦФО / С. С. Железняков, Е. Ю. Подосинников // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10, № 11. С. 13–22.

81. Зайончковская, Ж. А. Демографическая ситуация и расселение / Ж. А. Зайончковская. М. : Наука, 1991. 130 с.

82. Зайончковская, Ж. А. Динамика расселения в Московском регионе как отражение постсоветских трансформаций / Ж. А. Зайончковская, Г. В. Иоффе // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география. М. : Кодекс, 2013. С. 188–223.

83. Зайцева, О. О. Применение методики трехмерных ранжировок для оценки уровня устойчивости сельских муниципальных образований республики Мордовия [Электронный ресурс] / О. О. Зайцева // Системное управление. 2013. Вып. 4(21). Режим доступа : http://sisupr.mrsu.ru/2013-4/PDF/zajceva_o_o_statya.pdf.

84. Зубаревич, Н. В. Эволюция приоритетов региональной политики России / Н. В. Зубаревич // Вопросы географии. Сб. 141: Проблемы регионального развития России. М. : Кодекс, 2015 (2016). С. 151–165.

85. Зубаревич, Н. В. Мифы и реалии пространственного неравенства / Н. В. Зубаревич // Общественные науки и современность. 2009. № 1. С. 8–53.

86. Изотов, Д. А. Экономика провинции Хэйлунцзян: перспективы развития в контексте реализации целевых программ / Д. А. Изотов // Регионалистика. 2015. Т. 2, № 4. С. 31–50.

87. Информация о действующих резидентах территорий опережающего социально-экономического развития Амурской области по состоянию на 1 августа 2018 г. [Электронный ресурс] / Агентство по привлечению инвестиций Амурской области. Режим доступа : <http://invest.amurobl.ru/info/investor-tor>.

88. Калугина, З. И. Восточное приграничье России: альтернативы сельского развития / З. И. Калугина, О. П. Фадеева // Восток России: проблемы освоения – преодоления пространства : сб. науч. тр. Новосибирск : Ин-т экономики и орг. пром. пр-ва СО РАН, 2017. С. 220–232.

89. Катровский, А. П. Смоленское приграничье: от депрессии и стагнации к устойчивому развитию? / А. П. Катровский // Региональные исследования. 2010. № 4. С. 70–75.

90. Катровский, А. П. Пространственная экономическая асимметрия как фактор развития российско-белорусского трансграничного региона / А. П. Катровский, Г. В. Ридевский // Региональные исследования. 2013. № 3(41). С. 128–136.

91. Киреев, А. А. Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (середина XIX – начало XXI в.): монография / А. А. Киреев. Владивосток : Изд-во ДВФУ, 2011. 474 с.

92. Киселева, Н. Н. Устойчивое развитие социально-экономической системы региона: методология, исследования, модели, управление / Н. Н. Киселева. Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2008. 288 с.

93. Ковалев, С. А. Географическое изучение сельского расселения (задачи, методика, материалы, специальные карты расселения) / С. А. Ковалев ; под ред. Ю. Г. Саушкина. М. : МГУ, 1960. 338 с.

94. Коваленко, М. А. Расчет интегрального показателя устойчивого развития муниципального образования туристско-рекреационной специализации (на примере города-курорта Сочи) [Электронный ресурс] / М. А. Коваленко // Наукovedение. 2014. Вып. 3. Режим доступа : <https://naukovedenie.ru/PDF/148E VN314.pdf>.

95. Колосов, В. А. Геополитика и политическая география / В. А. Колосов, Н. С. Мироненко. М. : Аспект Пресс, 2002. 478 с.

96. Колосов, В. А. Российское пограничье: сотрудничество и вызовы соседства / В. А. Колосов // Российское пограничье: социально-политические и инфраструктурные проблемы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 11 февраля 2016 г.) / под ред. В. А. Колосова, А. Б. Володина. М. : ИП Матушкина И. И., 2016. С. 8–25.

97. Колосов, В. А. Трансграничная регионализация и фронтальерские миграции: европейский опыт для России? / А. В. Колосов // Региональные исследования. 2016. № 3(53). С. 83–93.

98. Колосовский, Н. Н. Избранные труды / Н. Н. Колосовский. Смоленск : Ойкумена, 2006. 336 с.

99. Комарцева, В. В. Влияние трудовой миграции на экономическую безопасность принимающего региона / В. В. Комарцева // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2012. – № 8(149). – С. 46–52.

100. Корабейников, И. Н. Методика оценки региональных тенденций устойчивого развития муниципальных образований / И. Н. Корабейников, С. А. Егорычев // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2014. № 4(48). С. 210–214.

101. Кораблева, А. А. Индикаторы экономической безопасности региона / А. А. Кораблева, В. В. Карпов // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2017. № 3(23). С. 36–42.

102. Костюченко, М. И. Приграничное положение как фактор регионального развития Смоленской области : дис. ... канд. геогр. наук : 25.00.24 / Костюченко Максим Иванович. М., 2003. 177 с.

103. Криничанский, К. В. Политико-экономические аспекты формирования модели регионального развития в России / К. В. Криничанский // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 7. С. 2–12.

104. Кудияров, В. Пограничные пространства России / В. Кудияров // Границы России. 1996. № 2. С. 77–83.

105. Кусакина, О. Н. Методика оценки устойчивого развития сельских территорий / О. Н. Кусакина, Ю. А. Дыкань // Фундаментальные исследования. 2015. № 5-4. С. 748–752.

106. Лавровский, Б. Л. К вопросу о методологии и технике региональной классификации / Б. Л. Лавровский, В. В. Масаков // Региональная политика, направления на сокращение социально-экономической и правовой асимметрии: сб. тр. / под ред. В. Е. Селиверстова. Новосибирск : НГТУ, 2000. Вып. 2. С. 65–86.

107. Лазарева В. В. Концептуально-логическая модель управления устойчивым развитием муниципальных образований дальневосточного приграничья

/ В. В. Лазарева // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2018. № 8. С. 160–167.

108. Лазарева, В. В. Демографический аспект устойчивого развития приграничных регионов / В. В. Лазарева, М. В. Зинченко, Н. Ю. Власова // Уровень жизни населения регионов. 2017. № 2(204). С. 23–28.

109. Лазарева, В. В. Китайская рабочая сила и обеспечение экономической безопасности Амурской области / В. В. Лазарева, А. В. Долгушева // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона : кол. моногр. Владивосток : Дальнаука ; Изд-во ВГУЭС, 2010. С. 570–582.

110. Лазарева, В. В. Методика оценки устойчивого развития муниципальных образований дальневосточного приграничья / В. В. Лазарева // Российский экономический интернет-журнал. 2018. № 4. Режим доступа : <http://www.e-rej.ru/Articles/2018/Lazareva.pdf>.

111. Лазарева, В. В. Мониторинг как инструмент повышения эффективности управления устойчивым развитием сельских территорий / В. В. Лазарева // Оценка регулирующего воздействия: стратегическое партнерство органов власти, бизнеса и НКО : сб. науч. тр. Междунар. молодежн. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 18–20 апреля 2018 г). Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2018. С. 142–145.

112. Лазарева, В. В. Неравномерность развития муниципальных образований Дальневосточного приграничья / В. В. Лазарева, Н. Ю. Власова, В. Н. Дьяченко // Известия Уральского государственного экономического университета. 2019. Т. 20, № 1. С. 61–77.

113. Лазарева, В. В. Проблемы развития и эффективного использования экономического потенциала приграничных регионов (на материалах Амурской области) / В. В. Лазарева, В. Н. Дьяченко // Россия: тенденции и перспективы развития : ежегодник. Вып. 12. М., 2017. Ч. 2. С. 862–866.

114. Лазарева, В. В. Трансформация системы расселения пограничной зоны Амурской области / В. В. Лазарева // Вестник Амурского государственного университета. Сер.: Естественные и экономические науки. 2017. № 77. С. 119–123.

115. Лазарева, В. В. Факторы развития регионального аграрного сектора (на примере Амурской области) / В. В. Лазарева // Никоновские чтения. 2016. № 21. С. 209–211.

116. Лазарева, В. В. От устойчивого развития сельских территорий к устойчивому развитию АПК приграничного региона / В. В. Лазарева, Н. Ю. Власова // Перспективы устойчивого развития АПК : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 6 июня 2017 г.). Омск : Омский гос. аграр. ун-т им. П. А. Столыпина, 2017. С. 667–674.

117. Лазарева, В. В. Региональные особенности устойчивого развития приграничных муниципальных образований (на примере Амурской области) / В. В. Лазарева // Региональная экономика и управление. 2019. № 2(58). Режим доступа : <https://eee-region.ru/article/5808>.

118. Латушко, Н. А. Эволюция моделей региональной политики в контексте теорий региональной экономики / Н. А. Латушко // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2017. Т. 7, № 11А. С. 46–52.

119. Леонов, С. Н. Становление муниципальной статистики, ее современное состояние и соответствие потребностям исследования региональной экономики / С. Н. Леонов // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 400. С. 223–230.

120. Леонтьева, А. Г. Демографические аспекты социальной защиты населения региона / А. Г. Леонтьева // Экономика региона. 2012. № 2. С. 320–326.

121. Лёш, А. Пространственная организация хозяйства / А. Лёш ; под ред. А. Г. Гранберга. М. : Наука, 2007. 663 с.

122. Лоскутова, М. В. Устойчивое развитие: социально-экономический аспект / М. В. Лоскутова, Р. В. Кулаев // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2006. № 3-2(43). С. 104–108.

123. Маергойз, И. М. Методика мелкомасштабных экономико-географических исследований / И. М. Маергойз. М. : Изд-во МГУ, 1981. 137 с.
124. Маергойз, И. М. Уникальность экономико-географического положения советского Дальнего Востока и некоторые проблемы его использования в перспективе / И. М. Маергойз // Вестник Московского университета. 1974. № 4. С. 3–8.
125. Машбиц, Я. Г. Географическое положение / Я. Г. Машбиц // Комплексное страноведение. Смоленск : Изд-во Смол. гуманитар. ун-та, 1998. С. 101–112.
126. Межевич Н. М. Региональная экономическая политика в Российской Федерации: влияние трансграничного сотрудничества на традиционные и новые механизмы реализации : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / Межевич Николай Маратович. СПб., 2003. 372 с.
127. Минакир, П. А. Очерки по пространственной экономике / П. А. Минакир, А. Н. Демьяненко. Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2014. 272 с.
128. Минакир, П. А. Российский Дальний Восток и Забайкалье: программа международного экономического сотрудничества / П. А. Минакир, Е. И. Деваева // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 1. С. 79–91.
129. Мингалева, Ж. А. Идеи устойчивого развития: «яблоко раздора» или платформа для объединения? / Ж. А. Мингалева // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. 2017. № 6. С. 23–41.
130. Митяков, С. Н. Экономическая безопасность регионов Приволжского федерального округа / С. Н. Митяков, Е. С. Митяков, Н. А. Романова // Экономика региона. 2013. № 3(35). С. 81–91.
131. Михайленко, А. Н. Современные тенденции развития российско-белорусского приграничья / А. Н. Михайленко // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2014. № 3. С. 23–30.
132. Михайлова, Е. В. Сотрудничество в трансграничных системах на примере городов-близнецов России и стран-соседей : дис. ... канд. геогр. наук : 25.00.24 / Михайлова Екатерина Владимировна. М., 2018. 252 с.

133. Мотовиц, Т. Г. Иностраный опыт приграничного сотрудничества и возможности его использования в России / Т. Г. Мотовиц, Е. А. Зубарева // Ученые заметки Тихоокеанского государственного университета. 2013. Т. 4, № 4. С. 398–401.

134. Мотрич, Е. Л. Население Амурской области по городам, поселкам городского типа, сельским населенным пунктам и населенным местам (1889–2010 гг.): справ. / Е. Л. Мотрич, А. В. Лепехин, В. В. Лазарева. Благовещенск : Изд-во Амур. гос. ун-та, 2015. 200 с.

135. Надарин, Э. С. Пограничное пространство Российской Федерации / Э. С. Надарин // Законность и правопорядок в современном обществе. 2013. № 13. С. 105–109.

136. Наше общее будущее : доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) : пер. с англ. / под ред. С. А. Евтеева и Р. А. Перелета. М. : Прогресс, 1989. 376 с.

137. Небылова, Я. Г. Экологический аспект устойчивого социально-экономического развития региона (на примере Краснодарского края) / Я. Г. Небылова // Проблемы современной экономики. 2014. № 17. С. 65–72.

138. Нефедова, Т. Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа / Т. Г. Нефедова. М. : ЛЕНАНД, 2013. 456 с.

139. Новиков А. Н. Диалектическая сущность приграничного геополитического положения регионов // Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран (проблемы и предпосылки устойчивого развития) : монография / отв. ред. П. Я. Бакланов, А. К. Тулохонов. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2010. С. 22–28.

140. Новиков, А. Н. Гуманитарно-географические основы приграничьеведения / А. Н. Новиков. Чита : Изд-во ЗабГГПУ, 2009. 104 с.

141. Новиков, А. Н. Региональные особенности приграничного положения юго-восточного Забайкалья / А. Н. Новиков, М. С. Новикова // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Естественные науки. 2008. Т. 150, № 3. С. 229–240.

142. О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 7 ноября 2016 г. № 113.

143. О внесении изменений в приказ ФСБ России от 14 апреля 2006 г. № 157 «О пределах пограничной зоны на территории Амурской области» : приказ Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 8 апреля 2013 г. № 189.

144. О Государственной границе Российской Федерации : закон РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-1.

145. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ.

146. О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 3 декабря 2011 г. № 392-ФЗ.

147. О концессионных соглашениях : федер. закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ.

148. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г. : указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204.

149. О Правительственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона : постановление Правительства РФ от 17 сентября 2013 г. № 810.

150. О Программе развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке Российской Федерации на 2018–2024 гг. (с проектом программы) [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://kremlin.ru/supplement/5341/print>.

151. О свободном порте Владивосток : федер. закон от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ.

152. О Совете при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам : указ Президента РФ от 30 июня 2016 г. № 306.

153. О структуре федеральных органов исполнительной власти : указ Президента РФ от 21 мая 2012 г. № 636.

154. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации : федер. закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ.

155. О Фонде развития Дальнего Востока и Байкальского региона [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.fondvostok.ru>.

156. Об организации проектной деятельности в Правительстве Амурской области : постановление Правительства Амурской области от 25 декабря 2018 г. № 642.

157. Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 31 октября 2018 г. № 1288.

158. Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» : федер. закон от 1 мая 2016 г. № 119-ФЗ.

159. Об особой экономической зоне в Магаданской области : федер. закон от 31 мая 1999 г. № 104-ФЗ.

160. Об особых экономических зонах в Российской Федерации : федер. закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ.

161. Об упорядочении деятельности совещательных органов при Правительстве Амурской области (вместе с «Положением о Совете при Правительстве Амурской области по стратегическому развитию и проектной деятельности») : постановление Правительства Амурской области от 23 ноября 2018 г. № 546.

162. Об управляющей компании, осуществляющей функции по управлению территориями опережающего социально-экономического развития в субъектах Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и свободным портом Владивосток : постановление Правительства РФ от 30 апреля 2015 г. № 432.

163. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. : распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2009 г. № 2094-р.

164. Об утверждении государственной программы «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия Амурской области» : постановление правительства Амурской области от 25 сентября 2013 г. № 447 (с изм. на 1 февраля 2019 г.).

165. Об утверждении государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика Амурской области» : постановление Правительства Амурской области от 25 сентября 2013 г. № 445.

166. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа»: постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 308.

167. Об утверждении Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации : распоряжение Правительства РФ от 9 февраля 2001 г. № 196-р.

168. Об утверждении Концепции развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа и Байкальского региона : распоряжение от 28 октября 2015 г. № 2193-р.

169. Об утверждении Основ государственной пограничной политики Российской Федерации : указ Президента РФ от 25 апреля 2018 г. № 174.

170. Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 г. : указ Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13.

171. Об утверждении перечня моногородов : распоряжение Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р.

172. Об утверждении плана комплексного социально-экономического развития г. Свободного Амурской области : распоряжение Правительства РФ от 22 июля 2017 г. № 1566-р.

173. Об утверждении Плана мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития Амурской области на период до 2025 г. (Комплекс-

ного плана социально-экономического развития Амурской области до 2025 г.) : распоряжение Правительства Амурской области от 31 января 2018 г. № 12-р.

174. Об утверждении Правил пограничного режима : приказ ФСБ от 7 августа 2017 г. № 454.

175. Об утверждении Правил режима в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации : приказ Федерального агентства по обустройству государственной границы РФ от 27 декабря 2010 г. № 451-ОД.

176. Об утверждении Правил установления, открытия, функционирования (эксплуатации), реконструкции и закрытия пунктов пропуска через государственную границу Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 26 июня 2008 г. № 482 (ред. от 31 марта 2018 г.).

177. Об утверждении программы «Развитие приграничных территорий Амурской области до 2025 г.» : постановление Правительства Амурской области от 28 сентября 2016 г. № 420.

178. Об утверждении Программы развития приграничных территорий Амурской области до 2025 г. : постановление Правительства Амурской области от 28 сентября 2016 г. № 420.

179. Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. : распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р.

180. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Амурской области на период до 2025 г. : постановление Правительства Амурской области от 13 июля 2012 г. № 380.

181. Об утверждении федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 гг. и до 2010 г.»: постановление Правительства РФ от 19 марта 2002 года № 169 (с изм. на 21 ноября 2007 г.).

182. Об учреждении АНО «Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта» : распоряжение Правительства РФ от 2 сентября 2015 г. № 1712-р.

183. Об учреждении АНО «Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке»: распоряжение Правительства РФ от 2 сентября 2015 г. № 1713-р.

184. Озем, Г. З. Приграничное положение как фактор социально-экономического развития сельской местности / Г. З. Озем // Региональные исследования. 2004. № 1(3). С. 48–54.

185. Осмоловская, Л. Г. Функции границы как фактор развития приграничных регионов / Л. Г. Осмоловская // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2016. № 1. С. 45–54.

186. Особенности социально-экономического развития и модернизации приграничного региона / под общ. ред. Ю. В. Савельева, О. В. Толстогузова. Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2014. 490 с.

187. Оценка потенциала саморазвития муниципальных образований: теория и практика : монография / И. Д. Тургель, А. А. Победин, О. М. Трофимова и др. Екатеринбург : УрИ РАНХиГС, 2012. 212 с.

188. Павлов, П. В. Приграничная торговля как часть приграничного сотрудничества России с иностранными государствами: проблемы административно-правового регулирования [Электронный ресурс] / П. В. Павлов // ВВ: Административное право и практика администрирования. 2013. № 2. Режим доступа : https://e-notabene.ru/al/article_607.html.

189. Панкова, С. В. О формировании особых экономических зон на территориях муниципальных образований / С. В. Панков, В. В. Попов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 7(292). С. 16–24.

190. Паспорт национального проекта «Международная кооперация и экспорт»: протокол президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г. № 16.

191. Перру, Ф. Экономическое пространство: теория и приложения / Ф. Перру // Пространственная экономика. 2007. № 2. С. 77–93.

192. Пилясов, А. Н. И последние станут первыми: северная периферия на пути к экономике знания / А. Н. Пилясов. М. : Либроком, 2009. 544 с.
193. Пилясов, А. Н. Новая экономическая география: предпосылки, идейные основы и применимость моделей / А. Н. Пилясов // Известия Российской академии наук. Сер. геогр. 2011. № 4. С. 7–17.
194. Победин, А. А. Внутрирегиональная дифференциация муниципальных образований как проблема социально-экономического развития Свердловской области / А. А. Победин // Научный вестник Уральской академии государственной службы: политология, экономика, социология, право. 2010. № 4(13). С. 100–116.
195. Польшнев, А. О. Межрегиональная экономическая дифференциация: методология анализа и государственного регулирования / А. О. Польшнев. М. : УРСС, 2003. 208 с.
196. Понкратов Р. А. Международная трудовая миграция на Дальний Восток РФ: современное состояние и тенденции // Российское предпринимательство. 2007. Т. 8, № 10. С. 135–140.
197. Попкова, Л. И. Географические аспекты устойчивого развития приграничного пространства / Л. И. Попкова // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Естественные и технические науки. 2013. № 2. С. 684–687.
198. Пределы роста [Текст] : докл. по проекту рим. клуба «Сложное положение человечества» : пер. с англ. / Д. Х. Медоуз, Д. Л. Медоуз, Й. Рэндерс, В. В. Беренс ; науч. ред. Д. Н. Кавтарадзе. М. : Изд-во МГУ, 1991. 205.
199. Приграничное сотрудничество регионов России, Беларуси и Украины / С. П. Глинкина, Л. Б. Вардомский, В. А. Колосов и др. СПб. : ЦИИ ЕАБР, 2013. 100 с.
200. Приграничное сотрудничество российского Дальнего Востока с Китайской Народной Республикой: маркетинговый анализ и проблемы развития : монография / А. П. Латкин, П. Я. Бакланов, В. И. Суржиков и др. ; под общ. ред. А. П. Латкина. Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2017. 138 с.
201. Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран (проблемы и предпосылки устойчивого развития) : монография

/ отв. ред. П. Я. Бакланов, А. К. Тулохонов. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2010. 598 с.

202. Прогноз социально-экономического развития Амурской области на 2017 г. и на плановый период 2018 и 2019 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа : https://www.amurobl.ru/upload/iblock/9a6/Prognoz-sotsialno_ekonomicheskogo-razvitiya-oblasti-na-2017-god-i-na-period-do-2019-goda.pdf.

203. Программа действий. Встреча на высшем уровне «Планета Земля». «Повестка дня на XXI век» и другие документы конференции в Рио-де-Жанейро в популярном изложении / пер. : Е. Миридонов, И. Погуляев ; сост. М. Китинг. Женева : Центр «За наше общее будущее», 1993. 70 с.

204. Программа развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке Российской Федерации на 2018–2024 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://russian.mofcom.gov.cn/article/speechheader/201811/20181102808776.shtml>.

205. Проект СИРЕНА: методы измерения и оценки региональной асимметрии / В. И. Клисторин, А. М. Поздняков, Л. М. Самков и др. ; под ред. С. А. Суспицына. Новосибирск : Изд-во ИЭиОПП СО РАН, 2002, 2002. 248 с.

206. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Закон Российской Федерации „О Государственной границе Российской Федерации“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части организации функционирования и обустройства пунктов пропуска через государственную границу Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.mintrans.ru/documents/7/9234>.

207. Прокофьева, Т. А. Региональные транспортно-логистические системы: стратегическое планирование и управление функционированием и развитием : монография / Т. А. Прокофьева, В. В. Клименко. М. : ОАО «ИТКОР», 2016. 630 с.

208. Пункты пропуска через государственную границу Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.mintrans.ru/activities/168>.

209. Путь в XXI век (стратегические проблемы и перспективы российской экономики) / под ред. Д. С. Львова. М. : Экономика, 1999. 793 с.

210. Пылин, А. Г. Соседство как фактор развития торгово-экономических связей стран СНГ: возможности и перспективы / А. Г. Пылин // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2010. № 2. С. 333–342.

211. Рабканова М. А. Устойчивое социально-экономическое развитие сельских территорий (на материалах Омской области): автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Рабканова Мария Андреевна. Новосибирск, 2014. 27 с.

212. Ратцель, Ф. Политическая география (в изложении Л. Синицкого) / Ф. Ратцель // Геополитика : хрестоматия / сост. Б. А. Исаев. СПб., 2007. С. 15–36.

213. Региональное развитие России и опыт Европейского союза : монография / А. Г. Гранберг, И. М. Бусыгина, В. Г. Введенский и др. М. : Экономика, 2000. 438 с.

214. Региональное развитие: опыт России и Европейского союза : монография / А. Г. Гранберг, И. М. Бусыгина, В. Г. Введенский и др. М. : Экономика, 2000. 438 с.

215. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2018 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_14p/Main.htm.

216. Российский статистический ежегодник, 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_13/Main.htm.

217. Рыжова Н. П. Развитие окраинных регионов КНР: роль «приграничного пояса открытости» // Пространственная экономика. 2008. № 4. С. 36–59.

218. Рыжова, Н. П. Процессы региональной интеграции в российско-китайском приграничье / Н. П. Рыжова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2008. № 1. С. 107–113.

219. Рыжова, Н. П. Экономическая интеграция приграничных регионов : монография. Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2013. 352 с.

220. Рыжова, Н. П. Эффекты международной экономической интеграции на региональном уровне: на примере России и Китая : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05, 08.00.14 / Рыжова Наталья Петровна. Хабаровск, 2013. 274 с.

221. Рыжова, Н. П. Пространственные эффекты международной экономической интеграции (случай российских регионов) / Н. П. Рыжова // Пространственная экономика. 2012. № 4. С. 28–48.

222. Самофалова, Е. В. Государственное регулирование национальной экономики / Е. В. Самофалова, Э. Н. Кузьбожев, Ю. В. Вертакова. М. : КноРус, 2005. 261 с.

223. Сандомирская, И. К. Методы оценки и механизмы управления устойчивым развитием регионов приграничного типа: на примере Ленинградской области : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Сандомирская Ирина Кямаловна. СПб., 2011. 173 с.

224. Седов, А. А. Правовое содержание понятия приграничной территории: теория и история вопроса / А. А. Седов // Евразийский юридически журнал. 2016. № 4(95). С. 112–119.

225. Сенчагов, В. К. Инновационные преобразования как императив экономической безопасности региона: система индикаторов / В. К. Сенчагов, Ю. М. Максимов, С. Н. Митяков, О. И. Митякова // Инновации. 2011. № 5. С. 56–61.

226. Сербулов А. В., Беляева О. И. Интеграционный подход к разработке методики оценки эффективности реализации стратегии социально-экономического развития муниципального образования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 4-1. С. 126–135.

227. Смолькин, В. П. Устойчивое экологическое развитие: основные подходы и понятия / В. П. Смолькин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 5. С. 135–139.

228. Суспицын, С. А. Барометры социально-экономического положения регионов России / С. А. Суспицын. Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2004. 121 с.

229. Сухомиров, Г. И. К проблеме импортозамещения продукции сельского хозяйства в ДФО / Г. И. Сухомиров // Проблемы развития территории. 2018. № 5 (97). С. 110-123.

230. Таможенные органы и пункты пропуска через государственную границу Российской Федерации, расположенные в регионе деятельности Дальнево-

сточного таможенного управления [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://dvtu.customs.ru/document/text/164236>.

231. Татаркин, А. И. Социально-экономический статус срединного региона России / А. И. Татаркин // *Пространственная экономика*. 2005. № 4. С. 21–39.

232. Территории опережающего развития [Электронный ресурс] / Инвестиционный портал Амурской области. Режим доступа : <http://invest.amurobl.ru/info/investor-tor>.

233. Типология российских регионов / Б. Бутс, С. Дробышевский, О. Кочеткова и др. М. : Ин-т экономики переходного периода, 2002. 157 с.

234. Топилин А. В. Перспективы трудовой миграции в России: от количественных к качественным параметрам / А. В. Топилин, О. А. Парфенцева. М. : МАКС Пресс, 2008. 105 с.

235. Трансграничный регион: понятие, сущность, форма : монография / под ред. П. Я. Бакланова, М. Ю. Шинковского. Владивосток : Дальнаука, 2010. 276 с.

236. Трансформационные процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае / А. Я. Троцковский, Л. В. Родионова, А. М. Сергиенко и др. ; под ред. А. Я. Троцковского. Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2017. 424 с.

237. Троцковский, А. Я. Исследование пространственных трансформаций в хозяйственной системе региона / А. Я. Троцковский, И. В. Мищенко // *Известия Алтайского государственного университета* . 2015. № 2(86). Т. 1. С. 181–187.

238. Управление сбалансированным развитием территориальных систем: вопросы теории и практики : монография / под ред. А. И. Татаркина. Челябинск : ЧелГУ, 2016. 294 с.

239. Урсул, А. Д. О разработке концепции устойчивого развития / А. Д. Урсул // *Использование и охрана природных ресурсов в России*. 2014. № 6(138). С. 95–99.

240. Ускова Т. В. О потенциале развития российских территорий // *Проблемы развития территории*. 2018. № 5(97). С. 7–17.

241. Фадеева, О. П. Приграничные сельские территории Забайкалья: развитие или деградация? (Заметки социолога) / О. П. Фадеева // ЭКО. 2014. № 11(485). С. 36–54.

242. Факторы устойчивого развития регионов России : монография / В. В. Виноцына, О. С. Гайфутдинова, П. М. Горшенина и др. ; под общ. ред. С. С. Чернова. Новосибирск : ЦРНС, 2009. Кн. 6. 326 с.

243. Фартушняк, Л. Л. Пограничное пространство как параметр геополитического статуса современной Российской Федерации / Л. Л. Фартушняк // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3: Общественные науки. 2007. Т. 48, № 2. С. 72–78.

244. Фролов, В. И. Методические подходы к разработке показателей устойчивого развития сельских территорий / В. И. Фролов, Е. О. Агафонова // Экономическое возрождение России. 2011. № 4(30). С. 76–89.

245. Хаматханов, Т. М. Оценка эколого-экономической устойчивости Республики Ингушетия на основе применения показателя истинных сбережений / Т. М. Хаматханов // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 29. С. 69–77.

246. Хандажапова, Л. М. Восточное приграничье России: современные вызовы и угрозы / Л. М. Хандажапова, Н. Б. Лубсанова, С. Д. Дагбаева // Московский экономический журнал. 2018. № 5. С. 70–77.

247. Хвощев, В. Е. Пограничная политика и безопасность. Опыт регионального анализа : монография / В. Е. Хвощев, Р. Ш. Муллаянов. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2001. 345 с.

248. Хмелева, Г. А. Социально-экономическое развитие регионов на основе использования потенциала приграничного положения / Г. А. Хмелева, С. К. Умербаева. Самара : САГМУ, 2016. 220 с.

249. Хмелева, Г. А. Экономический потенциал приграничного расположения как фактор повышения уровня социально-экономического развития региона / Г. А. Хмелева, С. К. Умербаева // Вестник Самарского государственного университета. Сер.: Экономика и управление. 2015. № 9/1(131). С. 48–54.

250. Черная, И. П. Приграничное сотрудничество как конкурентный ресурс регионов ДВФО / И. П. Черная // Региональная экономика: теория и практика. 2007. № 7. С. 25–33.

251. Швецов, А. Инструменты политики поляризованного пространственного развития / А. Швецов // Федерализм. 2018. № 1. С. 82–103.

252. Шишкин, А. А. Стратегическое планирование в приграничных регионах России / А. А. Шишкин // Экономика и управление. 2015. № 5(115). С. 28–33.

253. Шувалов, В. Е. Географическая граница как фактор районообразования // Географические границы : сб. ст. / под ред. Б. Б. Родомана, Б. М. Эккеля. М. : Изд-во МГУ, 1982. С. 33–34.

254. Akgün, A. A. Baycan T., Nijkamp P. Re-thinking on sustainable rural development / A. A. Akgün, T. Baycan, P. Nijkamp // European Planning Studies. 2014. No. 23(4). P. 1–15.

255. Akgün, A. A. Rethinking on sustainable rural development / A. A. Akgün, T. Baycan, P. Nijkamp // European Planning Studies. 2014. No. 23(4). P. 1–15.

256. Choi, Y. Sustainable governance in Northeast Asia: challenges for the sustainable frontier / Y. Choi // Sustainability. 2017. Vol. 9, no. 191. P. 1–7.

257. Christaller, W. Central Places in Southern Germany / W. Christaller ; translated by C. W. Baskin. N. Y. : Prentice Hall, 1933. 230 p.

258. Dyachenko V. The practice of use and development of boarder situation potential (based on the materials of the Amur region) [Electronic resource] / V. Dyachenko, V. Lazareva // IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science. 2019. Vol. 272. URL : <https://doi.org/10.1088/1755-1315/272/3/032204>.

259. Friedmann, J. Regional development as a policy issue / J. Friedmann, W. Alonso // Regional Development and Planning. Cambridge, 1964. 220 p.

260. Friedmann, J. Regional Development Policy / J. Friedmann. Boston : MIT Press, 1966. 317 p.

261. Fujita, M. The role of ports in the making of major cities: self-agglomeration and hub-effect / M. Fujita, T. Mori // Journal of Development Economics. 1996. Vol. 49. P. 93–120.

262. Fujita, M. The Spatial Economy: cities, regions, and international trade / M. Fujita, P. R. Krugman, A. J. Venables. Cambridge : MIT Press, 1999. 367 p.
263. Giersch, H. Economic Union between nations and the location of industries / H. Giersch // Review of Economic Studies. 1949–1950. Vol. 17(43). P. 87–97.
264. Hansen, N. Border regions: a critique of spatial theory and a European case study / N. Hansen // Annals of Regional Science. 1977. Vol. 11. P. 1–14.
265. Hansen, N. The economic development of border regions / N. Hansen // Growth and Change. 1977. Vol. 8. P. 2–8.
266. Hanson, G. H. Regional adjustment to trade liberalization / G. H. Hanson Regional Science and Urban Economics. 1998. Vol. 28. P. 419–444.
267. Hoover, E. M. The Location of Economic Activity / E. M. Hoover. N. Y. : McGraw Hill, 1948. 310 p.
268. Krugman, P. Increasing returns and economic geography / P. Krugman // Journal of Political Economy. 1991. Vol. 99, no. 3. P. 483–499.
269. Krugman, P. On the relationship between trade theory and location theory / P. Krugman // Review of International Economics. 1993. Vol. 1, no. 2. P. 110–122.
270. Krugman, P. Trade policy and the third world metropolis / P. Krugman, R. Elizondo // Journal of Development Economics. 1996. Vol. 49. P. 137–150.
271. Lazareva V. Unused Potential of the Far East Border Areas / V. Lazareva, N. Vlasova [Electronic resource] // IOP Conf. Series: Earth and Environmental. 2019. Vol. 272. URL : <https://doi.org/10.1088/1755-1315/272/3/032137>.
272. Lösch, A. The Economic of Location / A. Lösch. New Haven : Yale University Press, 1954. 558 p.
273. Mun, S. Pricing and investment of cross-border transport infrastructure / S. Mun, S. Nakagama // Regional Science and Urban Economics. 2010. Vol. 40. P. 228–240.
274. Niebuhr, A. Integration effect in border region – a survey of economic theory and empirical studies: HWWA Discussion paper [Electronic resource] / A. Niebuhr, S. Stiller. Hamburg Institute of International Economics, 2002. URL : <https://core.ac.uk/download/pdf/7010873.pdf>.

275. Ohlin, B. *Interregional and International Trade. Revised Edition* / B. Ohlin. Cambridge : Harvard University Press, 1967. 324 p.

276. Rauch, J. E. Comparative advantage, geographic advantage and the volume of trade / J. E. Rauch // *The Economic Journal*. 1991. Vol. 101. P. 1230–1244.

277. Rauch, J. E. Increasing returns to scale and the pattern of trade / J. E. Rauch // *Journal of International Economics*. 1989. Vol. 26. P. 359–369.

278. Sohn, C. The border as a resource in the global urban space: a contribution to the cross-border metropolis hypothesis / C. Sohn // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2013. No. 38(5). P. 1697–1711.

279. Turner, R. *Environment and ethics* / R. Turner, D. Pearce, I. Bateman // *Environmental Economics*. Baltimore : The John Hopkins University Press, 1993. P. 28–40.

280. Van der Velde, B. So many regions, so many borders / B. van der Velde, R. Martin // *A behavioural approach in the analysis of border effects: Paper prepared for the 37th European Congress of the European Regional Science Association (Rome, Italy, Aug. 26–29)*. Rome, 1997. 18 p.

281. Venables, A. J. Equilibrium locations of vertically linked industries / A. J. Venables // *International Economic Review*. 1996. Vol. 37, no. 2. P. 341–359.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ПРИГРАНИЧНЫЕ ТЕРРИТОРИИ» И КРИТЕРИИ ИХ ВЫДЕЛЕНИЯ

Таблица А.1 – Определения понятия «приграничные территории»

Автор	Определение	Подход (критерии выделения)
Закон «О Государственной границе Российской Федерации»; Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации ¹	«Приграничная территория включает пограничную зону, российскую часть вод пограничных рек, озер и иных водных объектов, внутренних морских вод и территориального моря РФ, пункты пропуска через Государственную границу, а также территории административных районов и городов, санаторно-курортных зон, особо охраняемых природных территорий, объектов и другие территории, прилегающие к Государственной границе, пограничной зоне, берегам пограничных рек, озер и иных водных объектов, побережью моря или пунктам пропуска»	Территориальный (совпадение административных границ с государственными)
Х. Б. Бадарчи, Д. Ф. Дабиев ²	«Приграничные территории – это территории, у которых имеется совпадение административных границ с участками государственной границы страны»	Территориальный (совпадение административных границ с государственными)
И. И. Драгилева ³	Под приграничными регионами могут пониматься административные единицы государства, примыкающие к его внешним границам	Административный (принцип использования административно-территориального деления)

¹ О Государственной границе Российской Федерации : закон РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-І; Об утверждении Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации : распоряжение Правительства РФ от 9 февраля 2001 г. № 196-р.

² Бадарчи Х. Б., Дабиев Д. Ф. Типологический анализ приграничных регионов России по уровню социально-экономического развития (на примере Республики Тыва) // Проблемы прогнозирования. 2012. № 2. С. 89.

³ Драгилева И. И. Трансграничная кооперация в Балтийском регионе // Балтийский регион как полюс экономической интеграции Северо-Запада Российской Федерации и Европейского союза : монография / под ред. В. П. Гутника, А. П. Клемешева. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. С. 77–78.

Автор	Определение	Подход (критерии выделения)
Совет Европы и ЕС ¹	Приграничный регион – государственный территориальный субъект, расположенный сразу ниже общегосударственного уровня и имеющий общую территорию на границе с одним или несколькими подобными субъектами государства (государств) – соседей	Административный (принцип использования административно-территориального деления)
И. И. Драгилева ²	Приграничный регион рассматривается как пространство с сообществами и группами, которые уже вовлечены в трансграничное сотрудничество или могут стать действующими лицами (акторами) такого сотрудничества	Функциональный (трансграничное сотрудничество)
А. Г. Гранберг ³	«Приграничный регион» – территория, испытывающая существенное влияние государственной границы, основными функциями которой являются барьерная, фильтрующая, контактная»	Функциональный (влияние государственной границы)
П. Я. Бакланов, С. С. Ганзей ⁴	«Приграничные территории – территории, непосредственно прилегающие к государственной границе, испытывающие на себе наибольшее влияние границы и соседней страны и обладающие особым дополнительным потенциалом развития и международного сотрудничества»	Комплексный (прилегание к государственной границе, влияние границы и соседней страны, обладанием специфическим потенциалом)
Л. Л. Божко ⁵	«Приграничная территория – территория, которая является частью геосистемы региональной размерности, прилегающей к государственной границе (или выходящей за ее пределы) и – одновременно – частью целостного природно-хозяйственного района (или их сочетаний), экономическая, социальная, культурная и экологическая ситуации в котором зависят от состояния прилегающей территории соседнего государства и, в свою очередь, оказывают на нее влияние»	Комплексный (прилегание к государственной границе, свойства взаимовлияния, специфичность протекающих процессов)

¹ Драгилева И. И. Трансграничная кооперация в Балтийском регионе // Балтийский регион как полюс экономической интеграции Северо-Запада Российской Федерации и Европейского союза : монография / под ред. В. П. Гутника, А. П. Клемешева. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. С. 79.

² Там же. С. 78.

³ Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. 4-е изд. М. : Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2004. С. 66

⁴ Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран (проблемы и предпосылки устойчивого развития) : монография / отв. ред. П. Я. Бакланов, А. К. Тулохонов. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2010. С. 13.

⁵ Божко Л. Л. Методология оценки социально-экономического развития приграничья в условиях интеграционных преобразований // Региональная экономика и управление. 2013. № 1(33). Режим доступа : <https://eee-region.ru/article/3311>.

Автор	Определение	Подход (критерии выделения)
С. В. Артёменко ¹	«Приграничные регионы (территории) – это территории государства, прилегающие к государственной границе, выполняющие особые приграничные функции и обладающие в связи с этим специфическими особенностями. Здесь наблюдаются пограничные процессы и явления, связанные интересами соседних стран и взаимодействием между их экономическими, культурными, правовыми и политическими системами»	Комплексный (прилегание к государственной границе, взаимодействие и взаимовлияние соседней страны)
С. С. Ганзей ²	«Приграничная территория – определенная территория, которая является частью геосистемы региональной размерности, разделенной государственной границей и одновременно природно-хозяйственным районом (или их сочетанием), политическая, экономическая, социальная, культурная и экологическая ситуация в пределах которого в существенной мере зависит от развития прилегающей территории соседнего государства и, в свою очередь, оказывает влияние на нее»	Комплексный (свойство взаимовлияния, наличие государственной границы)
А. Н. Новиков ³	«Приграничная территория – это территория, непосредственно прилегающая к государственной границе, в пределах которой реализуются инфраструктурные, экономические, культурные и некоторые административные функции взаимодействия соседних стран. Здесь в наибольшей степени проявляется влияние соседнего государства на все сферы жизнедеятельности населения»	Комплексный (прилегание к государственной границе, взаимодействие и взаимовлияние соседней страны)
П. Я. Бакланов ⁴	Приграничная территория в целом может быть выделена как территория, прилегающая к государственной границе, в пределах которой наблюдается реальное или предполагается потенциальное взаимодействие и взаимовлияние с территорией соседних государств	Функциональный (свойства взаимодействия и взаимовлияния)

¹ Артёменко С. В. Граница и приграничность как характеристики региона // Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. 2009. № 4. С. 182.

² Ганзей С. С. Трансграничные геосистемы юга Дальнего Востока России и Северо-Востока КНР. Владивосток : Дальнаука, 2004. С. 13.

³ Новиков А. Н. Гуманитарно-географические основы приграничьеведения. Чита : Изд-во ЗабГГПУ, 2009. С. 27–28.

⁴ Бакланов П. Я. Структурные особенности и потенциал развития приграничных и трансграничных районов: теоретические аспекты // Региональные исследования. 2018. № 3(61). С. 20.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Рисунок Б.1 – Теоретические подходы в рамках концепции устойчивого развития¹

¹ Теории полного подчинения природы интересам человека и производства рассматривают экологическую подсистему как внешнюю по отношению к социальной и экономической, ее целевое назначение – использование и эксплуатация в интересах промышленного и сельскохозяйственного производства. Теории и подходы экономии ресурсов, их рационального использования и возобновления, экологической безопасности и производства базируются на идее возможности экономического роста при использовании достижений научно-технического развития и сохранении экологического равновесия. Данный подход является в настоящее время преобладающим в большинстве экономически развитых стран мира. Теории полного слияния с природой, отказа от промышленного производства основаны на идеях о необходимости полного слияния с природой, отказа от промышленного производства, перехода к натуральному хозяйству, достижения экологического равновесия на основе социальной справедливости. В теориях равного благосостояния для всех в качестве важнейшего принципа выдвигается социальная справедливость. Основные цели теорий – «искоренение бедности, удовлетворение человеческих потребностей и обеспечения того, чтобы все получали справедливую долю ресурсов». Теории соблюдения всех экологических стандартов, ведения здорового образа жизни построены на идеях экологической устойчивости и социальной справедливости.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ (ПО А. А. КИРЕЕВУ)

Таблица В.1 – Содержательный анализ функций государственной границы

Подсистемы	Барьерная		Контактная	
	Внешний аспект	Внутренний аспект	Внешний аспект	Внутренний аспект
Политическая	Нацелена на решение задач по защите государственного суверенитета и территориальной целостности страны, безопасности национальной политической системы от любого рода внешних посягательств	Воспрепятствование попыткам нарушения и ограничения государственного суверенитета со стороны отдельных граждан и групп (например, в форме незаконной эмиграции) или целых территориальных единиц, регионов (сецессия), а также блокирование тех действий своих граждан, которые способны представлять угрозу внешнеполитическим интересам страны	Создание условий для реализации на территории данного государства политических интересов внешнего происхождения, для ограничения в той или иной степени и форме его суверенитета	Создание условий для реализации национальных интересов за пределами данного государства, вплоть до распространения его суверенитета на новые территории
Экономическая	Защита внутреннего рынка страны, интересов национальных производителей и потребителей, поддержание экономической (продовольственной, сырьевой, технологической и др.) безопасности государства и общества	Ограничение вывоза из страны товаров, услуг, капиталов, трудовых ресурсов и сырья и поддержание тем самым автаркии национальной экономики	Функционирование государственной границы нацелено на либерализацию доступа зарубежных товаров и услуг, капиталов и рабочей силы на национальный рынок	Обеспечение системой границы условий для осуществления данным государством и обществом внешней товарной, валютной и иной экспансии, захвата новых рынков, втягивания соседей в свою сферу влияния вплоть до их экономической колонизации
	Инструменты ¹⁾ , институты, материально-технические средства		Инструменты ²⁾ , институты, материально-технические средства	

Подсистемы	Барьерная		Контактная	
	Внешний аспект	Внутренний аспект	Внешний аспект	Внутренний аспект
Социальная	Защита нации от нежелательного проникновения внешних социальных субъектов, обеспечение национальной безопасности в сфере производства и социализации личности и воспроизводства общественной целостности	Воспрепятствование участию индивидуальных и коллективных субъектов данного общества в социальной жизни зарубежных стран, что также может быть продиктовано интересами национальной безопасности	Создание условий для участия в социальной жизни данного общества (государства) иных обществ (государств) и их представителей	Обеспечение возможностей реализации социальных интересов данного общества (государства) и его представителей за рубежом
Культурная	Предотвращение проникновения в сознание данного общества культурных и идеологических ценностей иных обществ	Препятствование распространению (вывозу) собственных духовных ценностей общества, независимо от конкретной формы их носителей, за пределы его государственной территории	Открытие общественной системы для международных культурных процессов, для приходящих извне ценностей и представлений	Создание возможностей для духовной экспансии данного общества и государства «вовне», для максимального расширения и интенсификации им своего культурно-идеологического присутствия на территориях других стран

Примечание.

¹⁾ Инструменты – тарифные ограничения и административные запреты на ввоз зарубежных товаров и услуг, регламентация валютно-финансовых операций, законодательные фильтры на пути движения капиталов, квотирование и запрещение использования иностранной рабочей силы, национальные правила ведения предпринимательской деятельности. Институты – государственные организации, обладающие монопольным контролем над внешней торговлей, сотрудничеством и инвестициями, или ассоциации предпринимателей, решающие подобные протекционистские задачи с помощью более гибких договорных процедур. Материально-технические средства – ограничение числа пограничных переходов и пропускной способности транспортных артерий, центростремительная, замкнутая география путей сообщения, специфика технических стандартов и условий национальных перевозок и т. д.

²⁾ Инструменты – стимулирующие экспорт пошлины и тарифы, свободная конвертация валюты, либеральная внешняя кредитная политика, упрощенный порядок вывоза рабочей силы, унифицированные (гармонизированные) с законодательством стран-партнеров нормы ведения экономической деятельности. Институты – создаваемые при участии государства или без него внешние торговые представительства, двусторонние и многосторонние комиссии, а также крупные компании, способные к активному продвижению на внешние рынки. Материально-технические средства – трансгранично-ориентированная транспортная инфраструктура, с достаточно большим количеством хорошо оборудованных погранпереходов, высокой пропускной способностью всех видов магистралей, соответствием национальных транспортных стандартов международным, а также развитая система информационных коммуникаций с внешними экономическими партнерами.

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ АСИММЕТРИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Таблица Г.1 – Методические подходы к анализу асимметрии социально-экономического развития муниципальных образований

Подход	Сущность	Достоинства / недостатки
Сравнительный С. В. Гриценко ¹ ; А. И. Буфетова ²	Предполагает сравнение имеющихся в наличии данных о социально-экономическом развитии территорий	+ Прост в применении. – Трудно получить точные сведения о степени различий между территориями, а также сложным оказывается отслеживание изменений территориальных диспропорций в течение нескольких лет
Вариационный анализ А. А. Победин ³ ; А. О. Польшев ⁴ ; С. А. Суспицын ⁵ ; Н. В. Ворошилов ⁶	Предполагает получение достоверных и обоснованных результатов, дает возможность сопоставления особенностей процессов дифференциации в различных регионах	+ Высокая степень достоверности и точности получаемых результатов благодаря детальной проработке соответствующих методов в статистической литературе. – Часто недостаточен для решения задач анализа социально-экономической дифференциации

¹ Гриценко С. В. Статистический анализ уровня социально-экономического развития муниципальных районов // Экономический анализ: теория и практика. 2009. № 22. С. 15–22.

² Буфетова А. Н. Неравномерность пространственного развития: региональные центры и региональная периферия // Регион: экономика и социология. 2009. № 4. С. 55–68.

³ Оценка потенциала саморазвития муниципальных образований: теория и практика : монография / И. Д. Тургель, А. А. Победин, О. М. Трофимова и др. Екатеринбург : УрИ РАНХиГС, 2012. 212 с.; Победин А. А. Методика анализа дифференциации социально-экономического развития муниципальных образований // Муниципалитет: экономика и управление. 2011. № 1 (1). С. 29–37.

⁴ Польшев А. О. Межрегиональная экономическая дифференциация: методология анализа и государственного регулирования. М. : УРСС, 2003. 208 с.

⁵ Проект СИРЕНА: методы измерения и оценки региональной асимметрии / В. И. Клисторин, А. М. Поздняков, Л. М. Самков и др. ; под ред. С. А. Суспицына. Новосибирск : Изд-во ИЭиОПП СО РАН, 2002, 2002. 248 с.

⁶ Ворошилов Н. В. Тенденции и проблемы развития муниципальных районов Вологодской области // Вопросы территориального развития. 2014. № 1(11). Режим доступа : <http://vtr.isert-ran.ru/article/1377>.

Подход	Сущность	Достоинства / недостатки
Ранжирование С. А. Суспицын ¹ ; С. С. Железняков, Е. Ю. Подосинников ²	Предполагает присвоение каждой территории определенного ранга, по значению которого можно сравнить различные территории, а также оценить успехи развития того или иного территориального образования	+ Простота использования и отсутствие громоздкого математического аппарата. – Четкую количественную оценку степени территориальных различий данный подход не обеспечивает
Комплексный подход А. Я. Троцковский ³ ; А. А. Победин ⁴ ; А. И. Богачев, И. В. Гальянов, Н. С. Студенникова ⁵	Основан на использовании интеграции различных методов. Предполагает максимальное расширение перечня анализируемых факторов, а также – при наличии соответствующей возможности – учет динамики социально-экономических показателей	+ Позволяет получить наиболее объективные результаты, поскольку учитывается большое количество показателей социально-экономического развития. – При широком охвате изучаемого объекта неизбежно использование некоторых упрощений, что снижает степень достоверности окончательных выводов
Проблемный подход Б. Бутс ⁶	Предполагает классификацию территориальных единиц на основе определения типичных социально-экономических проблем	+ Получение в итоге понятных и легко интерпретируемых результатов, поскольку группировка часто основывается на перечне конкретных социально-экономических проблем. – Существует опасность сильной зависимости полученных результатов от начальной исследовательской гипотезы и используемого теоретического аппарата

¹ Суспицын С. А. Барометры социально-экономического положения регионов России. Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2004. 121 с.

² Железняков С. С., Подосинников Е. Ю. Диагностика территориальной дифференциации регионов ЦФО // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10, № 11. С. 13–22.

³ Троцковский А. Я., Мищенко И. В. Исследование пространственных трансформаций в хозяйственной системе региона // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 2(86). Т. 1. С. 181–187; Трансформационные процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае / А. Я. Троцковский, Л. В. Родионова, А. М. Сергиенко и др. ; под ред. А. Я. Троцкого. Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2017. 424 с.

⁴ Победин А. А. Методика анализа дифференциации социально-экономического развития муниципальных образований // Муниципалитет: экономика и управление. 2011. № 1 (1). С. 29–37.

⁵ Богачев А. И., Гальянов И. В., Студенникова Н. С. Комплексная оценка социо-эколого-экономического развития сельских территорий : монография. Орел : ФГБОУ ВО Орловский ГАУ, 2016. 312 с.

⁶ Типология российских регионов / Б. Бутс, С. Дробышевский, О. Кочеткова и др. М. : Ин-т экономики переходного периода, 2002. 157 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

ДИНАМИКА ЗНАЧЕНИЙ ОБОБЩАЮЩИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В СРАВНЕНИИ СО СРЕДНИМИ ПО ВЫБОРКЕ

Таблица Д.1 – Показатель валового муниципального продукта на душу населения, тыс. р. на 1 чел.

Район	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017*
Архаринский МР	65,7	84,4	96,3	98,3	116,6	126,1	110,0	107,6	115,5	132,1	135,7
Благовещенский МР	24,9	23,8	26,2	29,2	40,5	51,5	49,4	49,9	48,3	46,7	45,4
Бурейский МР	181,8	203,3	180,7	161,7	224,5	221,3	208,5	256,1	321,8	306,5	306,1
Константиновский МР	50,7	45,9	56,7	68,4	109,3	110,6	102,0	124,8	153,3	154,3	157,6
Магдагачинский МР	199,7	306,2	279,4	426,8	717,7	674,1	550,1	573,3	769,4	755,4	761,1
Михайловский МР	28,4	38,1	41,3	157,6	65,9	75,0	83,2	91,3	99,8	106,7	108,4
Свободненский МР	13,3	17,3	19,7	47,8	58,8	43,7	68,5	90,1	114,5	179,3	189,7
Сковородинский МР	115,8	133,8	160,8	309,2	388,8	376,3	339,7	396,7	459,1	481,3	501,3
Тамбовский МР	74,7	75,5	96,0	103,6	146,2	146,8	124,7	180,2	218,8	235,6	242,6
Шимановский МР	21,7	19,7	25,5	67,5	98,4	179,8	190,1	215,3	265,3	276,9	298,7
Благовещенск ГО	130,8	145,8	165,0	200,7	245,1	262,4	259,2	282,6	283,0	290,5	292,6
Свободный ГО	173,4	122,7	131,9	134,6	189,3	155,5	139,4	141,0	149,4	167,0	166,3
Шимановск ГО	66,6	72,1	82,7	100,9	136,6	145,3	150,7	155,8	157,9	146,7	148,1
Белогорский МР	14,7	27,4	28,9	78,2	55,9	60,9	63,6	75,4	92,1	80,4	79,3
Завитинский МР	64,3	73,8	80,3	94,8	118,7	133,5	138,9	142,4	163,0	168,5	166,9
Зейский МР	46,3	51,7	53,7	56,4	81,0	109,0	91,8	103,1	153,2	193,1	191,9
Ивановский МР	40,2	47,2	50,7	62,5	93,0	88,0	88,7	113,1	120,6	128,3	129,9
Мазановский МР	37,6	35,3	38,8	38,6	48,9	58,7	66,3	68,4	68,2	67,0	67,3
Октябрьский МР	44,5	59,0	65,9	78,2	131,5	142,9	152,0	165,9	205,3	205,6	201,9
Ромненский МР	27,0	29,1	34,5	43,0	52,0	57,3	64,7	60,8	68,8	69,7	68,1
Селемджинский МР	107,6	165,0	195,6	273,1	246,3	256,3	256,6	342,6	1 142,7	1 282,7	1 295,6
Серышевский МР	31,8	35,2	41,3	45,1	71,9	82,8	89,3	96,3	104,9	98,8	98,8

Район	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017*
Тындинский МР	178,5	265,9	389,3	500,8	827,0	814,1	633,9	721,0	1 279,0	1 254,1	1 272,3
Белогорск ГО	133,9	164,5	146,2	183,4	235,1	239,6	223,9	231,4	242,4	243,6	243,6
Зея ГО	106,7	101,0	102,9	126,8	158,0	166,9	184,3	197,2	220,0	241,6	232,2
Райчихинск ГО	81,8	81,9	103,5	113,7	173,0	173,0	148,5	157,5	211,3	222,8	218,9
Тында ГО	323,4	426,1	590,6	668,3	761,2	763,1	608,6	655,4	726,6	761,7	765,0
Прогресс ГО	31,7	35,0	39,2	47,1	59,3	58,0	75,9	76,1	94,7	103,9	103,0
<i>Среднее значение по МО</i>	<i>86,4</i>	<i>103,1</i>	<i>118,7</i>	<i>154,2</i>	<i>201,8</i>	<i>206,2</i>	<i>187,9</i>	<i>209,7</i>	<i>287,5</i>	<i>300,0</i>	<i>303,2</i>

Примечание. Рассчитано автором по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst10/DBInet.cgi>; Амурский статистический ежегодник, 2018 : стат. сб. / Амурстат. Благовещенск, 2018. 416 с.; Прогноз социально-экономического развития Амурской области на 2017 г. и на плановый период 2018 и 2019 гг. Режим доступа : https://www.amurobl.ru/upload/iblock/9a6/Prognoz-sotsialno_ekonomicheskogo-razvitiya-oblasti-na-2017-god-i-na-period-do-2019-goda.pdf.

Таблица Д.2 – Объем инвестиций в основной капитал на душу населения, млн р. на 1 чел.

Район	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Архаринский МР	1,59	0,93	1,89	2,25	3,59	5,30	22,72	7,70	0,76	4,81	352,38
Благовещенский МР	9,01	6,39	2,27	1,69	8,06	1,30	5,46	8,75	4,94	77,12	392,23
Бурейский МР	229,25	201,30	133,64	94,21	167,28	156,53	168,33	430,28	628,11	421,39	263,18
Константиновский МР	3,79	5,54	10,22	9,89	15,19	24,02	16,76	10,40	18,98	43,81	27,40
Магдагачинский МР	51,70	72,55	167,35	117,67	169,59	250,22	257,45	125,92	92,27	357,66	1 002,78
Михайловский МР	1,03	2,33	2,17	5,33	9,70	6,03	15,60	2,27	7,18	15,62	5,44
Свободненский МР	0,56	0,25	0,51	40,36	29,00	41,13	14,38	36,77	19,63	1 448,24	3 507,39
Сковородинский МР	19,62	110,13	258,01	228,71	95,68	81,37	100,25	79,29	146,56	370,88	408,53
Тамбовский МР	7,72	13,57	12,39	16,26	35,29	24,04	31,30	14,77	24,97	28,56	47,38
Шимановский МР	0,29	0,22	13,85	12,74	7,57	5,64	9,60	11,11	13,11	6,27	184,92
Благовещенск ГО	32,69	31,88	44,65	61,98	148,51	115,40	84,55	75,41	78,01	54,49	59,17
Свободный ГО	4,44	8,61	7,06	56,91	137,08	357,95	120,41	166,59	246,92	109,45	88,80
Шимановск ГО	1,06	19,50	11,30	3,47	17,95	14,75	41,25	24,97	4,31	301,55	37,02
Белогорский МР	0,17	0,39	6,50	2,18	1,85	2,09	1,90	1,13	2,45	7,28	3,06
Завитинский МР	0,40	6,35	5,53	7,25	5,11	5,47	11,43	1,15	46,00	0,97	4,48
Зейский МР	0,53	7,29	1,69	4,53	2,29	1,22	2,07	12,27	81,94	36,33	77,52

Район	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Ивановский МР	14,35	10,66	9,63	13,61	24,58	49,41	34,15	13,85	44,76	71,27	32,93
Мазановский МР	2,46	2,10	3,23	2,83	6,52	7,22	5,23	7,10	2,30	20,27	30,37
Октябрьский МР	4,88	5,65	9,57	14,61	18,42	15,14	6,15	4,16	7,43	13,93	15,54
Ромненский МР	2,14	0,92	3,09	3,21	8,40	1,97	3,16	0,40	0,45	17,71	0,93
Селемджинский МР	3,55	10,51	12,19	15,31	34,61	15,83	113,78	238,82	115,69	123,94	79,29
Серышевский МР	1,17	1,27	1,47	1,87	3,13	6,66	25,97	77,49	2,63	3,90	5,00
Тындинский МР	119,24	161,07	121,04	104,97	63,96	77,93	35,42	66,51	163,77	356,22	1 703,59
Белогорск ГО	2,72	15,15	12,73	6,44	5,01	6,76	17,16	76,02	47,10	44,05	28,59
Зея ГО	21,02	12,09	12,77	14,28	41,84	44,13	46,77	44,05	23,22	70,25	92,91
Райчихинск ГО	6,07	2,95	5,84	10,17	14,29	11,89	8,01	18,12	12,35	9,78	13,19
Тында ГО	7,64	14,44	14,66	41,96	45,01	43,71	51,47	126,69	174,47	471,97	315,17
Прогресс ГО	1,51	0,50	1,21	4,90	2,82	1,38	1,89	1,86	1,20	6,31	1,67
<i>Среднее значение по МО</i>	<i>19,66</i>	<i>25,88</i>	<i>31,66</i>	<i>32,13</i>	<i>40,08</i>	<i>49,09</i>	<i>44,74</i>	<i>60,14</i>	<i>71,84</i>	<i>160,50</i>	<i>313,60</i>
Примечание. Рассчитано автором по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst10/DBInet.cgi ; Амурский статистический ежегодник, 2018 : стат. сб. / Амурстат. Благовещенск, 2018. 416 с.											

Таблица Д.3 – Миграционный прирост (убыль) на 1 000 населения, ‰

Район	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Архаринский МР	-10,90	-5,90	-5,00	-8,20	-20,20	-18,20	-22,30	-22,80	-13,90	-16,60	-12,40
Благовещенский МР	11,50	16,80	12,80	16,90	22,40	31,80	37,20	67,10	52,00	50,80	32,60
Бурейский МР	9,30	-1,20	-4,90	-4,60	-26,20	-23,00	-27,70	-15,80	-17,00	-25,80	-11,70
Константиновский МР	-5,20	-3,70	-4,20	-5,70	-14,80	-13,10	-7,20	-6,20	-9,70	-3,20	-3,40
Магдагачинский МР	-7,70	-8,80	-5,90	-11,20	-26,90	-17,20	-21,40	-15,70	-1,70	-2,30	-1,90
Михайловский МР	3,20	-1,50	-1,90	-2,20	2,20	-3,90	-15,70	-21,00	-9,80	-4,10	-15,30
Свободненский МР	-16,30	-11,70	-0,50	4,80	17,60	3,60	4,60	8,40	7,80	-17,90	-3,90
Сковородинский МР	-6,80	-11,50	-8,30	-12,30	-16,30	-10,50	-16,60	-8,20	-4,80	-7,40	-5,70
Тамбовский МР	5,80	1,10	0,10	3,30	2,60	-10,70	-16,90	-13,70	-2,00	-9,20	-3,20
Шимановский МР	3,30	-1,40	3,00	-1,30	2,50	-2,20	-4,60	-30,50	-15,60	-16,90	-7,20
Благовещенск ГО	-9,10	-3,70	-1,80	1,00	5,20	6,10	8,70	16,40	-2,90	-2,70	0,40

Район	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Свободный ГО	-7,90	-6,70	-5,10	-6,40	-11,20	-7,80	-10,70	-16,10	-7,60	-2,70	-4,00
Шимановск ГО	-0,50	-1,60	-3,50	-1,70	-7,50	-8,10	-12,10	-6,30	-5,00	-1,50	2,40
Белогорский МР	-2,90	-6,30	-3,90	-21,70	-29,70	-17,00	-18,70	-14,70	-11,20	-7,40	-11,10
Завитинский МР	-13,00	-9,70	-7,70	-12,10	-15,20	-14,80	-16,70	-6,40	-3,90	-6,40	-2,70
Зейский МР	-0,50	-4,30	-6,80	-9,70	-4,90	-6,20	-16,40	-27,10	-17,60	-15,20	-22,30
Ивановский МР	6,30	1,20	3,20	-11,60	-18,30	-19,10	-28,00	-17,90	-12,10	-9,80	0,60
Мазановский МР	-0,60	-2,70	4,30	-5,60	-18,70	-20,60	-17,90	-13,00	-5,30	-8,20	-6,80
Октябрьский МР	10,50	-0,40	2,90	-9,70	-17,00	-5,80	-15,40	-12,50	-17,40	-4,70	0,50
Ромненский МР	-12,40	-12,20	-13,10	-15,90	-26,70	-16,40	-16,00	-16,50	-16,90	-10,00	-14,00
Селемджинский МР	-4,10	-13,10	-9,30	-10,20	-13,80	-20,30	-22,50	-29,90	-6,40	-15,30	-12,90
Серышевский МР	-1,50	-4,60	-6,30	-13,00	-19,80	-10,60	-15,70	-7,70	-1,70	-0,04	-1,80
Тындинский МР	-16,70	-13,10	-5,40	-16,30	-34,40	-34,90	-34,60	-19,90	-14,80	-14,20	-19,60
Белогорск ГО	5,70	2,60	-1,60	-0,30	-2,90	2,50	-5,30	-3,30	-3,80	-4,70	-1,90
Зея ГО	-1,60	-2,50	-2,00	-1,00	-10,90	-7,80	-10,10	-0,90	-6,80	-4,70	-6,00
Райчихинск ГО	-12,00	-7,60	-8,00	-5,30	-11,50	-6,70	-16,40	-5,80	-0,20	-6,10	-5,40
Тында ГО	-12,90	-11,80	-9,20	-16,70	-22,00	-20,90	-20,80	-12,90	-12,80	-8,70	-5,80
Прогресс ГО	1,90	5,90	0,60	-0,10	-5,90	-8,00	-14,70	-12,80	-6,50	-4,60	-7,10
<i>Среднее значение по МО</i>	<i>-3,04</i>	<i>-4,23</i>	<i>-3,13</i>	<i>-6,31</i>	<i>-11,51</i>	<i>-9,99</i>	<i>-13,35</i>	<i>-9,49</i>	<i>-5,99</i>	<i>-6,41</i>	<i>-5,34</i>

Примечание. Рассчитано автором по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst10/DBInet.cgi>; Амурский статистический ежегодник, 2018 : стат. сб. / Амурстат. Благовещенск, 2018. 416 с.

Таблица Д.4 – Плотность населения, чел. на 1 км²

Район	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Архаринский МР	1,3	1,3	1,3	1,3	1,2	1,2	1,1	1,1	1,1	1,0	1,0
Благовещенский МР	6,0	6,1	6,2	6,3	6,4	6,6	6,8	7,1	7,6	8,5	8,8
Бурейский МР	4,0	4,0	4,0	4,0	3,4	3,3	3,2	3,1	3,1	2,9	2,9
Константиновский МР	8,1	8,1	8,1	8,1	7,1	7,1	7,0	7,0	7,0	6,9	6,9
Магдагачинский МР	1,7	1,6	1,6	1,6	1,5	1,5	1,5	1,4	1,4	1,4	1,4
Михайловский МР	5,4	5,4	5,4	5,4	4,9	4,9	4,9	4,8	4,7	4,6	4,5

Район	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Свободненский МР	1,9	1,8	1,8	1,8	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	1,9
Сковородинский МР	1,6	1,6	1,5	1,5	1,4	1,4	1,4	1,4	1,4	1,3	1,3
Тамбовский МР	10,0	10,0	10,0	10,0	8,9	8,9	8,9	8,7	8,6	8,5	8,5
Шимановский МР	0,5	0,5	0,5	0,5	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4
Благовещенск ГО	667,6	662,2	660,0	659,3	684,9	689,0	694,8	702,4	715,2	715,7	715,8
Свободный ГО	270,6	267,0	263,7	261,2	260,1	256,7	253,8	250,2	245,3	242,6	240,9
Шимановск ГО	441,9	439,3	436,5	432,9	396,8	392,6	388,4	383	379,5	376,9	374,8
Белогорский МР	8,9	8,9	8,8	8,8	7,7	7,5	7,3	7,2	7,1	7,0	6,9
Завитинский МР	5,7	5,6	5,5	5,5	4,8	4,7	4,7	4,6	4,5	4,5	4,4
Зейский МР	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
Ивановский МР	11,4	11,5	11,5	11,5	9,9	9,7	9,6	9,3	9,2	9,1	9,0
Мазановский МР	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5
Октябрьский МР	6,7	6,8	6,8	6,8	5,8	5,7	5,7	5,6	5,5	5,4	5,4
Ромненский МР	1,1	1,1	1,0	1,0	0,9	0,9	0,9	0,9	0,9	0,8	0,8
Селемджинский МР	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
Серышевский МР	7,4	7,4	7,4	7,3	6,8	6,6	6,6	6,5	6,4	6,4	6,4
Тындинский МР	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
Белогорск ГО	502,1	503,6	502,9	500,6	506,4	504,5	505,2	502,1	499,5	496,7	493,8
Зея ГО	684,0	668,2	663,5	661,0	619,7	610,5	603,1	596,1	593,2	587,5	581,8
Райчихинск ГО	112,3	110,4	108,8	107,4	98,5	97,1	96,1	94,1	92,8	92,3	91,4
Тында ГО	310,5	307,4	304,7	302,4	285,5	284,9	279,8	274,9	272,1	269,1	267
Прогресс ГО	93,0	92,5	92,1	91,8	77,4	76,0	74,8	73,3	71,9	70,9	70,0
<i>Среднее значение по МО</i>	<i>4,1</i>	<i>4,1</i>	<i>4,1</i>	<i>4,1</i>	<i>3,7</i>	<i>3,7</i>	<i>3,7</i>	<i>3,6</i>	<i>3,6</i>	<i>3,6</i>	<i>3,6</i>
Примечание. Рассчитано автором по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst10/DBInet.cgi ; Амурский статистический ежегодник, 2018 : стат. сб. / Амурстат. Благовещенск, 2018. 416 с.											

Таблица Д.5 – Доля улавливаемых и обезвреживаемых загрязняющих атмосферу веществ в общем объеме, %

Район	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Архаринский МР	4,30	4,90	1,10	1,30	11,60	11,80	12,30	13,70	14,30	10,60	12,60

Район	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Благовещенский МР	23,70	22,10	18,70	25,60	29,30	24,30	26,70	28,90	26,90	28,20	49,60
Бурейский МР	17,30	16,10	19,70	17,90	66,80	64,00	63,90	64,10	68,10	51,70	50,90
Константиновский МР	0,70	0,30	0,30	0,30	0,30	0,20	0,20	0,30	1,10	0,90	0,90
Магдагачинский МР	10,30	9,00	12,10	18,50	27,40	44,20	49,80	16,60	59,90	26,30	50,10
Михайловский МР	4,10	2,20	4,30	14,40	7,30	23,40	18,00	10,40	35,50	17,10	15,80
Свободненский МР	41,30	44,20	41,90	44,00	42,50	32,40	26,40	23,80	32,90	27,30	36,60
Сковородинский МР	16,00	19,90	16,20	16,70	39,50	44,30	41,70	47,40	67,90	59,80	67,00
Тамбовский МР	13,60	12,90	7,60	7,90	8,50	5,00	5,60	6,00	22,20	9,70	3,20
Шимановский МР	10,60	8,70	7,30	8,90	7,50	9,20	9,70	8,60	12,40	11,80	10,90
Благовещенск ГО	84,10	85,20	86,10	84,60	84,30	84,30	94,00	84,40	84,20	85,30	83,30
Свободный ГО	32,00	33,70	35,90	29,70	30,80	4,20	2,30	8,10	4,80	5,10	27,00
Шимановск ГО	20,70	14,60	83,00	18,10	36,40	11,00	58,10	18,80	20,80	64,00	62,40
Белогорский МР	12,00	13,10	15,40	4,90	11,50	11,70	25,20	11,40	13,00	11,50	9,70
Завитинский МР	25,90	19,30	34,90	23,20	12,50	10,20	2,70	0,50	22,40	12,70	10,70
Зейский МР	42,40	41,40	46,10	45,70	47,50	46,30	72,30	44,20	23,40	23,80	23,80
Ивановский МР	33,10	5,80	5,50	4,60	3,00	2,30	4,50	1,90	6,60	6,40	5,70
Мазановский МР	26,90	27,30	26,30	16,10	11,80	22,40	50,20	23,60	26,40	34,50	18,90
Октябрьский МР	1,00	1,00	1,50	3,40	3,10	2,10	1,90	2,40	0,50	2,10	2,40
Ромненский МР	13,60	12,90	7,60	7,90	8,50	5,00	5,60	6,00	22,20	9,70	3,20
Селемджинский МР	19,40	20,10	21,40	18,90	26,70	32,20	52,10	42,70	35,70	26,20	22,40
Серышевский МР	20,80	16,40	25,90	23,00	7,60	1,40	2,00	0,60	2,10	0,60	0,30
Тындинский МР	2,50	7,10	61,50	64,50	64,30	64,60	73,70	69,10	67,80	57,90	21,10
Белогорск ГО	38,20	31,80	35,80	37,40	38,60	32,70	65,10	34,90	40,90	40,70	11,10
Зея ГО	45,20	50,40	50,30	50,00	48,00	42,80	83,10	52,90	52,90	53,50	49,60
Райчихинск ГО	33,90	35,80	34,40	34,30	35,80	36,10	50,90	9,00	8,30	9,50	2,60
Тында ГО	72,10	71,70	72,10	72,20	72,60	71,60	84,60	68,40	72,90	72,30	75,00
Прогресс ГО	88,80	88,20	90,00	89,00	87,70	84,80	93,70	84,50	84,70	84,20	84,10
<i>Среднее значение по МО</i>	26,95	25,58	30,82	27,96	31,12	29,45	38,44	27,97	33,24	30,12	28,96

Примечание. Рассчитано автором по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst10/DBInet.cgi>; Амурский статистический ежегодник, 2018 : стат. сб. / Амурстат. Благовещенск, 2018. 416 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ Е

НАРАСТАНИЕ И ОТСТАВАНИЕ ПРЕИМУЩЕСТВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ
ПО ОБОБЩАЮЩИМ ПОКАЗАТЕЛЯМ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИМ СОСТОЯНИЕ ПОДСИСТЕМ
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ, ПО СРАВНЕНИЮ СО СРЕДНИМ ЗНАЧЕНИЕМ ПО ВЫБОРКЕ

Район	Показатель валового муниципального продукта на душу населения, млн р.	Объем инвестиций в основной капитал на душу населения, млн р.	Миграционный прирост (убыль), на 1 000 чел.	Плотность населения, чел. на 1 км ²	Доля улавливаемых и обезвреживаемых загрязняющих атмосферу веществ в общем объеме, %
Архаринский МР	Ниже среднего↓	Выше среднего↑	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	Выше среднего ↑
Благовещенский МР	Ниже среднего↓	Выше среднего↑	Выше среднего↑	Выше среднего ↑	Ниже среднего ↓
Бурейский МР	Выше среднего↑	Выше среднего↑	Выше среднего↑	Ниже среднего↓	Выше среднего↑
Константиновский МР	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	Выше среднего↑	Ниже среднего ↓
Магдагачинский МР	Выше среднего↑	Выше среднего↑	Выше среднего↑	Ниже среднего↓	Выше среднего↑
Михайловский МР	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	Выше среднего↑	Ниже среднего ↓
Свободненский МР	Ниже среднего↓	Выше среднего↑	Выше среднего↑	Ниже среднего↓	Выше среднего↑
Сковородинский МР	Выше среднего↑	Выше среднего↑	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	Выше среднего↑
Тамбовский МР	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	Выше среднего↑	Ниже среднего ↓
Шимановский МР	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	Ниже среднего ↓
Благовещенск ГО	Выше среднего↑	Ниже среднего↓	Выше среднего↑	*	Выше среднего↑
Свободный ГО	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	Выше среднего↑	*	Ниже среднего ↓
Шимановск ГО	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	Выше среднего↑	*	Выше среднего↑
Белогорский МР	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	Выше среднего↑	Ниже среднего ↓
Завитинский МР	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	Выше среднего↑	Ниже среднего ↓
Зейский МР	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	Ниже среднего ↓
Ивановский МР	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	Выше среднего↑	Ниже среднего ↓
Мазановский МР	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓		Ниже среднего ↓
Октябрьский МР	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	Выше среднего↑	Ниже среднего ↓
Ромненский МР	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	Ниже среднего ↓
Селемджинский МР	Выше среднего↑	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	Ниже среднего ↓
Серышевский МР	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	Выше среднего↑	Ниже среднего ↓

Район	Показатель валового муниципального продукта на душу населения, млн р.	Объем инвестиций в основной капитал на душу населения, млн р.	Миграционный прирост (убыль), на 1 000 чел.	Плотность населения, чел. на 1 км ²	Доля улавливаемых и обезвреживаемых загрязняющих атмосферу веществ в общем объеме, %
Тындинский МР	Выше среднего↑	Выше среднего↑	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	Выше среднего↑
Белогорск ГО	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	Выше среднего↑	*	Ниже среднего ↓
Зея ГО	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	*	Выше среднего↑
Райчихинск ГО	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	*	Ниже среднего ↓
Тында ГО	Выше среднего↑	Выше среднего↑	Ниже среднего↓	*	Выше среднего↑
Прогресс ГО	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	Ниже среднего↓	*	Выше среднего↑
<i>Тип развития</i>	<i>Асимметричный</i>	<i>Асимметричный</i>	<i>Асимметричный</i>	<i>Асимметричный</i>	<i>Асимметричный</i>
Примечание. ↓ – отставание территории по данному показателю нарастает по сравнению со средним; ↑ – преимущество территории по данному показателю нарастает по сравнению со средним; * при расчете средних значений не учитывались значения показателя по городским округам					

ПРИЛОЖЕНИЕ Ж

РАССЧИТАННЫЕ КОЭФФИЦИЕНТЫ ДЛЯ ОЦЕНКИ УРОВНЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Таблица Ж.1 – Цепной коэффициент роста, среднегодовой коэффициент роста и среднегодовой темп прироста валового муниципального продукта на душу населения, тыс р. на 1 чел.

Район	Коэффициент роста цепной										Среднегодовой коэффициент роста	Среднегодовой темп прироста
	2008/ 2007	2009/ 2008	2010/ 2009	2011/ 2010	2012/ 2011	2013/ 2012	2014/ 2013	2015/ 2014	2016/ 2015	2017/ 2016		
Архаринский МР	1,28	1,14	1,02	1,19	1,08	0,87	0,98	1,07	1,14	1,03	1,08	0,08
Благовещенский МР	0,95	1,10	1,11	1,39	1,27	0,96	1,01	0,97	0,97	1,04	1,07	0,07
Бурейский МР	1,12	0,89	0,89	1,39	0,99	0,94	1,23	1,26	0,95	1,00	1,05	0,05
Константиновский МР	0,91	1,23	1,21	1,60	1,01	0,92	1,22	1,23	1,01	1,02	1,12	0,12
Магдагачинский МР	1,53	0,91	1,53	1,68	0,94	0,82	1,04	1,34	0,98	1,01	1,14	0,14
Михайловский МР	1,34	1,08	3,82	0,42	1,14	1,11	1,10	1,09	1,07	1,02	1,14	0,14
Свободненский МР	1,30	1,14	2,43	1,23	0,74	1,57	1,31	1,27	1,57	1,06	1,30	0,30
Сковородинский МР	1,16	1,20	1,92	1,26	0,97	0,90	1,17	1,16	1,05	1,04	1,16	0,16
Тамбовский МР	1,01	1,27	1,08	1,41	1,00	0,85	1,44	1,21	1,08	1,03	1,13	0,13
Шимановский МР	0,91	1,29	2,64	1,46	1,83	1,06	1,13	1,23	1,04	1,08	1,30	0,30
Благовещенск ГО	1,11	1,13	1,22	1,22	1,07	0,99	1,09	1,00	1,03	1,01	1,08	0,08
Свободный ГО	0,71	1,07	1,02	1,41	0,82	0,90	1,01	1,06	1,12	1,00	1,00	0,00
Шимановск ГО	1,08	1,15	1,22	1,35	1,06	1,04	1,03	1,01	0,93	1,01	1,08	0,08
Белогорский МР	1,87	1,05	2,71	0,71	1,09	1,04	1,19	1,22	0,87	0,99	1,18	0,18
Завитинский МР	1,15	1,09	1,18	1,25	1,12	1,04	1,03	1,14	1,03	0,99	1,10	0,10
Зейский МР	1,12	1,04	1,05	1,44	1,35	0,84	1,12	1,49	1,26	0,99	1,15	0,15

¹ Рассчитано автором по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst10/DBInet.cgi>; Амурский статистический ежегодник, 2018 : стат. сб. / Амурстат. Благовещенск, 2018. 416 с.

Район	Коэффициент роста цепной										Среднегодовой коэффициент роста	Среднегодовой темп прироста
	2008/ 2007	2009/ 2008	2010/ 2009	2011/ 2010	2012/ 2011	2013/ 2012	2014/ 2013	2015/ 2014	2016/ 2015	2017/ 2016		
Ивановский МР	1,17	1,07	1,23	1,49	0,95	1,01	1,27	1,07	1,06	1,01	1,12	0,12
Мазановский МР	0,94	1,10	1,00	1,27	1,20	1,13	1,03	1,00	0,98	1,00	1,06	0,06
Октябрьский МР	1,33	1,12	1,19	1,68	1,09	1,06	1,09	1,24	1,00	0,98	1,16	0,16
Ромненский МР	1,08	1,19	1,25	1,21	1,10	1,13	0,94	1,13	1,01	0,98	1,10	0,10
Селемджинский МР	1,53	1,19	1,40	0,90	1,04	1,00	1,33	3,34	1,12	1,01	1,28	0,28
Серышевский МР	1,11	1,17	1,09	1,59	1,15	1,08	1,08	1,09	0,94	1,00	1,12	0,12
Тындинский МР	1,49	1,46	1,29	1,65	0,98	0,78	1,14	1,77	0,98	1,01	1,22	0,22
Белогорск ГО	1,23	0,89	1,25	1,28	1,02	0,93	1,03	1,05	1,00	1,00	1,06	0,06
Зея ГО	0,95	1,02	1,23	1,25	1,06	1,10	1,07	1,12	1,10	0,96	1,08	0,08
Райчихинск ГО	1,00	1,26	1,10	1,52	1,00	0,86	1,06	1,34	1,05	0,98	1,10	0,10
Тында ГО	1,32	1,39	1,13	1,14	1,00	0,80	1,08	1,11	1,05	1,00	1,09	0,09
Прогресс ГО	1,10	1,12	1,20	1,26	0,98	1,31	1,00	1,24	1,10	0,99	1,13	0,13

Таблица Ж.2 – Цепной коэффициент роста, среднегодовой коэффициент роста и среднегодовой темп прироста показателя инвестиций в основной капитал на душу населения млн р. на 1 чел.

Район	Коэффициент роста цепной										Среднегодовой коэффициент роста	Среднегодовой темп прироста
	2008/ 2007	2009/ 2008	2010/ 2009	2011/ 2010	2012/ 2011	2013/ 2012	2014/ 2013	2015/ 2014	2016/ 2015	2017/ 2016		
Архаринский МР	0,58	2,04	1,19	1,60	1,48	4,28	0,34	0,10	6,32	73,21	1,72	0,72
Благовещенский МР	0,71	0,36	0,75	4,76	0,16	4,21	1,60	0,56	15,61	5,09	1,46	0,46
Бурейский МР	0,88	0,66	0,70	1,78	0,94	1,08	2,56	1,46	0,67	0,62	1,01	0,01
Константиновский МР	1,46	1,84	0,97	1,54	1,58	0,70	0,62	1,83	2,31	0,63	1,22	0,22
Магдагачинский МР	1,40	2,31	0,70	1,44	1,48	1,03	0,49	0,73	3,88	2,80	1,35	0,35
Михайловский МР	2,27	0,93	2,46	1,82	0,62	2,59	0,15	3,16	2,18	0,35	1,18	0,18
Свободненский МР	0,45	2,04	78,93	0,72	1,42	0,35	2,56	0,53	73,77	2,42	2,40	1,40
Сковородинский МР	5,61	2,34	0,89	0,42	0,85	1,23	0,79	1,85	2,53	1,10	1,35	0,35
Тамбовский МР	1,76	0,91	1,31	2,17	0,68	1,30	0,47	1,69	1,14	1,66	1,20	0,20
Шимановский МР	0,75	64,32	0,92	0,59	0,75	1,70	1,16	1,18	0,48	29,50	1,91	0,91
Благовещенск ГО	0,98	1,40	1,39	2,40	0,78	0,73	0,89	1,03	0,70	1,09	1,06	0,06

Район	Коэффициент роста цепной										Среднегодовой коэффициент роста	Среднегодовой темп прироста
	2008/ 2007	2009/ 2008	2010/ 2009	2011/ 2010	2012/ 2011	2013/ 2012	2014/ 2013	2015/ 2014	2016/ 2015	2017/ 2016		
Свободный ГО	1,94	0,82	8,06	2,41	2,61	0,34	1,38	1,48	0,44	0,81	1,35	0,35
Шимановск ГО	18,45	0,58	0,31	5,18	0,82	2,80	0,61	0,17	69,91	0,12	1,43	0,43
Белогорский МР	2,26	16,60	0,34	0,85	1,13	0,91	0,59	2,16	2,98	0,42	1,33	0,33
Завитинский МР	16,05	0,87	1,31	0,70	1,07	2,09	0,10	39,88	0,02	4,63	1,27	0,27
Зейский МР	13,81	0,23	2,68	0,50	0,53	1,70	5,92	6,68	0,44	2,13	1,65	0,65
Ивановский МР	0,74	0,90	1,41	1,81	2,01	0,69	0,41	3,23	1,59	0,46	1,09	0,09
Мазановский МР	0,85	1,54	0,87	2,31	1,11	0,72	1,36	0,32	8,81	1,50	1,29	0,29
Октябрьский МР	1,16	1,69	1,53	1,26	0,82	0,41	0,68	1,79	1,87	1,12	1,12	0,12
Ромненский МР	0,43	3,37	1,04	2,62	0,23	1,60	0,13	1,13	39,09	0,05	0,92	-0,08
Селемджинский МР	2,96	1,16	1,26	2,26	0,46	7,19	2,10	0,48	1,07	0,64	1,36	0,36
Серышевский МР	1,08	1,16	1,27	1,67	2,13	3,90	2,98	0,03	1,48	1,28	1,16	0,16
Тындинский МР	1,35	0,75	0,87	0,61	1,22	0,45	1,88	2,46	2,18	4,78	1,30	0,30
Белогорск ГО	5,57	0,84	0,51	0,78	1,35	2,54	4,43	0,62	0,94	0,65	1,27	0,27
Зея ГО	0,58	1,06	1,12	2,93	1,05	1,06	0,94	0,53	3,02	1,32	1,16	0,16
Райчихинск ГО	0,49	1,98	1,74	1,41	0,83	0,67	2,26	0,68	0,79	1,35	1,08	0,08
Тында ГО	1,89	1,01	2,86	1,07	0,97	1,18	2,46	1,38	2,71	0,67	1,45	0,45
Прогресс ГО	0,33	2,41	4,03	0,58	0,49	1,37	0,98	0,64	5,26	0,26	1,01	0,01

Таблица Ж.3 – Цепной коэффициент роста, среднегодовой коэффициент роста и среднегодовой темп прироста показателя плотности населения, на км²

Район	Коэффициент роста цепной										Среднегодовой коэффициент роста	Среднегодовой темп прироста
	2008/ 2007	2009/ 2008	2010/ 2009	2011/ 2010	2012/ 2011	2013/ 2012	2014/ 2013	2015/ 2014	2016/ 2015	2017/ 2016		
Архаринский МР	1,00	1,00	1,00	0,92	1,00	0,92	1,00	1,00	0,91	1,00	0,97	-0,03
Благовещенский МР	1,02	1,02	1,02	1,02	1,03	1,03	1,04	1,07	1,12	1,04	1,04	0,04
Бурейский МР	1,00	1,00	1,00	0,85	0,97	0,97	0,97	1,00	0,94	1,00	0,97	-0,03
Константиновский МР	1,00	1,00	1,00	0,88	1,00	0,99	1,00	1,00	0,99	1,00	0,98	-0,02
Магдагачинский МР	0,94	1,00	1,00	0,94	1,00	1,00	0,93	1,00	1,00	1,00	0,98	-0,02
Михайловский МР	1,00	1,00	1,00	0,91	1,00	1,00	0,98	0,98	0,98	0,98	0,98	-0,02

Район	Коэффициент роста цепной										Среднегодовой коэффициент роста	Среднегодовой темп прироста
	2008/ 2007	2009/ 2008	2010/ 2009	2011/ 2010	2012/ 2011	2013/ 2012	2014/ 2013	2015/ 2014	2016/ 2015	2017/ 2016		
Свободненский МР	0,95	1,00	1,00	1,11	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	0,95	1,00	0,00
Сковородинский МР	1,00	0,94	1,00	0,93	1,00	1,00	1,00	1,00	0,93	1,00	0,98	-0,02
Тамбовский МР	1,00	1,00	1,00	0,89	1,00	1,00	0,98	0,99	0,99	1,00	0,98	-0,02
Шимановский МР	1,00	1,00	1,00	0,80	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	0,98	-0,02
Благовещенск ГО	0,99	1,00	1,00	1,04	1,01	1,01	1,01	1,02	1,00	1,00	1,01	0,01
Свободный ГО	0,99	0,99	0,99	1,00	0,99	0,99	0,99	0,98	0,99	0,99	0,99	-0,01
Шимановск ГО	0,99	0,99	0,99	0,92	0,99	0,99	0,99	0,99	0,99	0,99	0,98	-0,02
Белогорский МР	1,00	0,99	1,00	0,88	0,97	0,97	0,99	0,99	0,99	0,99	0,97	-0,03
Завитинский МР	0,98	0,98	1,00	0,87	0,98	1,00	0,98	0,98	1,00	0,98	0,97	-0,03
Зейский МР	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	0,00
Ивановский МР	1,01	1,00	1,00	0,86	0,98	0,99	0,97	0,99	0,99	0,99	0,98	-0,02
Мазановский МР	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	0,00
Октябрьский МР	1,01	1,00	1,00	0,85	0,98	1,00	0,98	0,98	0,98	1,00	0,98	-0,02
Ромненский МР	1,00	0,91	1,00	0,90	1,00	1,00	1,00	1,00	0,89	1,00	0,97	-0,03
Селемджинский МР	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	0,00
Серышевский МР	1,00	1,00	0,99	0,93	0,97	1,00	0,98	0,98	1,00	1,00	0,99	-0,01
Тындинский МР	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	0,00
Белогорск ГО	1,00	1,00	1,00	1,01	1,00	1,00	0,99	0,99	0,99	0,99	1,00	0,00
Зея ГО	0,98	0,99	1,00	0,94	0,99	0,99	0,99	1,00	0,99	0,99	0,98	-0,02
Райчихинск ГО	0,98	0,99	0,99	0,92	0,99	0,99	0,98	0,99	0,99	0,99	0,98	-0,02
Тында ГО	0,99	0,99	0,99	0,94	1,00	0,98	0,98	0,99	0,99	0,99	0,99	-0,01
Прогресс ГО	0,99	1,00	1,00	0,84	0,98	0,98	0,98	0,98	0,99	0,99	0,97	-0,03

Таблица Ж.4 – Цепной коэффициент роста, среднегодовой коэффициент роста и среднегодовой темп прироста показателя доли улавливаемых и обезвреживаемых загрязняющих атмосферу веществ в общем объеме, %

Район	Коэффициент роста цепной										Среднегодовой коэффициент роста	Среднегодовой темп прироста
	2008/ 2007	2009/ 2008	2010/ 2009	2011/ 2010	2012/ 2011	2013/ 2012	2014/ 2013	2015/ 2014	2016/ 2015	2017/ 2016		
Архаринский МР	0,95	0,59	1,04	1,08	0,59	1,12	1,07	3,70	0,44	1,01	0,97	-0,03

Район	Коэффициент роста цепной										Среднегодовой коэффициент роста	Среднегодовой темп прироста
	2008/ 2007	2009/ 2008	2010/ 2009	2011/ 2010	2012/ 2011	2013/ 2012	2014/ 2013	2015/ 2014	2016/ 2015	2017/ 2016		
Благовещенский МР	0,93	0,85	1,37	1,14	0,83	1,10	1,08	0,93	1,05	1,76	1,08	0,08
Бурейский МР	0,93	1,22	0,91	3,73	0,96	1,00	1,00	1,06	0,76	0,98	1,11	0,11
Константиновский МР	0,43	1,00	1,00	1,00	0,67	1,00	1,50	3,67	0,82	1,00	1,03	0,03
Магдагачинский МР	0,87	1,34	1,53	1,48	1,61	1,13	0,33	3,61	0,44	1,90	1,17	0,17
Михайловский МР	0,54	1,95	3,35	0,51	3,21	0,77	0,58	3,41	0,48	0,92	1,14	0,14
Свободненский МР	1,07	0,95	1,05	0,97	0,76	0,81	0,90	1,38	1,01	1,10	0,99	-0,01
Сковородинский МР	1,24	0,81	1,03	2,37	1,12	0,94	1,14	1,43	0,88	1,12	1,15	0,15
Тамбовский МР	1,14	0,22	1,18	8,92	1,02	1,04	1,11	1,04	0,74	1,19	1,11	0,11
Шимановский МР	0,82	0,84	1,22	0,84	1,23	1,05	0,89	1,44	0,95	1,09	1,02	0,02
Благовещенск ГО	1,01	1,01	0,98	1,00	1,00	1,12	0,90	1,00	1,01	1,01	1,00	0,00
Свободный ГО	1,05	1,07	0,83	1,04	0,14	0,55	3,52	0,59	1,06	0,94	0,83	-0,17
Шимановск ГО	0,71	5,68	0,22	2,01	0,30	5,28	0,32	1,11	3,08	0,98	1,12	0,12
Белогорский МР	1,09	1,18	0,32	2,35	1,02	2,15	0,45	1,14	0,88	1,03	1,00	0,00
Завитинский МР	0,75	1,81	0,66	0,54	0,82	0,26	0,19	44,80	0,57	0,84	0,92	-0,08
Зейский МР	0,98	1,11	0,99	1,04	0,97	1,56	0,61	0,53	1,02	1,00	0,94	-0,06
Ивановский МР	0,18	0,95	0,84	0,65	0,77	1,96	0,42	3,47	0,97	0,89	0,84	-0,16
Мазановский МР	1,01	0,96	0,61	0,73	1,90	2,24	0,47	1,12	1,31	0,55	0,97	-0,03
Октябрьский МР	1,00	1,50	2,27	0,91	0,68	0,90	1,26	0,21	4,20	1,14	1,09	0,09
Ромненский МР	0,95	0,59	1,04	1,08	0,59	1,12	1,07	3,70	0,44	0,33	0,87	-0,13
Селемджинский МР	1,04	1,06	0,88	1,41	1,21	1,62	0,82	0,84	0,73	0,85	1,01	0,01
Серышевский МР	0,79	1,58	0,89	0,33	0,18	1,43	0,30	3,50	0,29	0,50	0,65	-0,35
Тындинский МР	2,84	8,66	1,05	1,00	1,00	1,14	0,94	0,98	0,85	0,36	1,24	0,24
Белогорск ГО	0,83	1,13	1,04	1,03	0,85	1,99	0,54	1,17	1,00	0,27	0,88	-0,12
Зея ГО	1,12	1,00	0,99	0,96	0,89	1,94	0,64	1,00	1,01	0,93	1,01	0,01
Райчихинск ГО	1,06	0,96	1,00	1,04	1,01	1,41	0,18	0,92	1,14	0,27	0,77	-0,23
Тында ГО	0,99	1,01	1,00	1,01	0,99	1,18	0,81	1,07	0,99	1,04	1,00	0,00
Прогресс ГО	0,99	1,02	0,99	0,99	0,97	1,10	0,90	1,00	0,99	1,00	0,99	-0,01

ПРИЛОЖЕНИЕ И

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИГРАНИЧНЫХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ПО КАЧЕСТВЕННЫМ ПРИЗНАКАМ

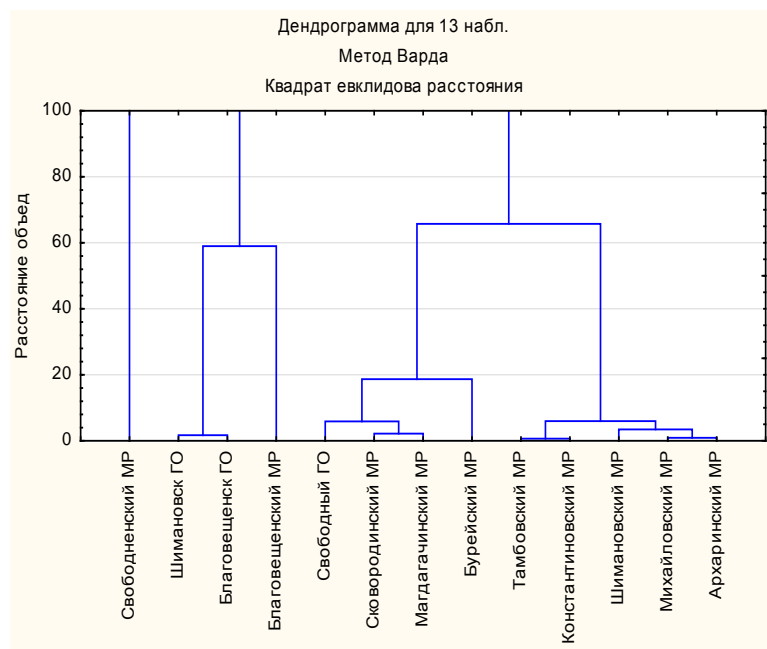
Таблица И.1 – Характеристика приграничных муниципальных образований Амурской области по типологическим признакам

Район	Наименование районного центра	Расстояние до Благовещенска	Режим границы	Уровень благоприятности проживания и ведения сельскохозяйственного производства	Уровень развития комплекса социальной инфраструктуры
Областной центр					
Благовещенск ГО	г. Благовещенск	0	Открытый	Благоприятный	Высокий
Ближняя периферия (пригород областного центра)					
Благовещенский МР	г. Благовещенск	0	Закрытый	Благоприятный	Высокий
Средне удаленная периферия					
Тамбовский МР	с. Тамбовка	54	Закрытый	Благоприятный	Низкий
Константиновский МР	с. Константиновка	104	Закрытый	Благоприятный	Низкий
Свободный ГО	г. Свободный	148	Закрытый	Удовлетворительный	Средний
Свободненский МР	г. Свободный	148	Закрытый	Удовлетворительный	Средний
Михайловский МР	пгт. Поярково	157	Закрытый	Благоприятный	Низкий
Бурейский МР	пгт. Новобурейский	201	Закрытый	Удовлетворительный	Средний
Архаринский МР	пгт. Архара	249	Закрытый	Благоприятный	Низкий
Дальняя периферия					
Шимановск ГО	г. Шимановск	292	Закрытый	Неблагоприятный	Средний
Шимановский МР	г. Шимановск	292	Закрытый	Неблагоприятный	Средний
Магдагачинский МР	пгт. Магдагачи	518	Закрытый	Неблагоприятный	Средний
Сковородинский МР	г. Сковородино	681	Закрытый	Неблагоприятный	Средний

Примечание. Составлено автором по: Мотрич Е. Л., Лепехин Е. А., Лазарева В. В. Население Амурской области по городам, поселкам городского типа, сельским населенным пунктам и населенным местам (1889–2010 гг.): справ. Благовещенск : Изд-во Амур. гос. ун-та, 2015. 200 с.

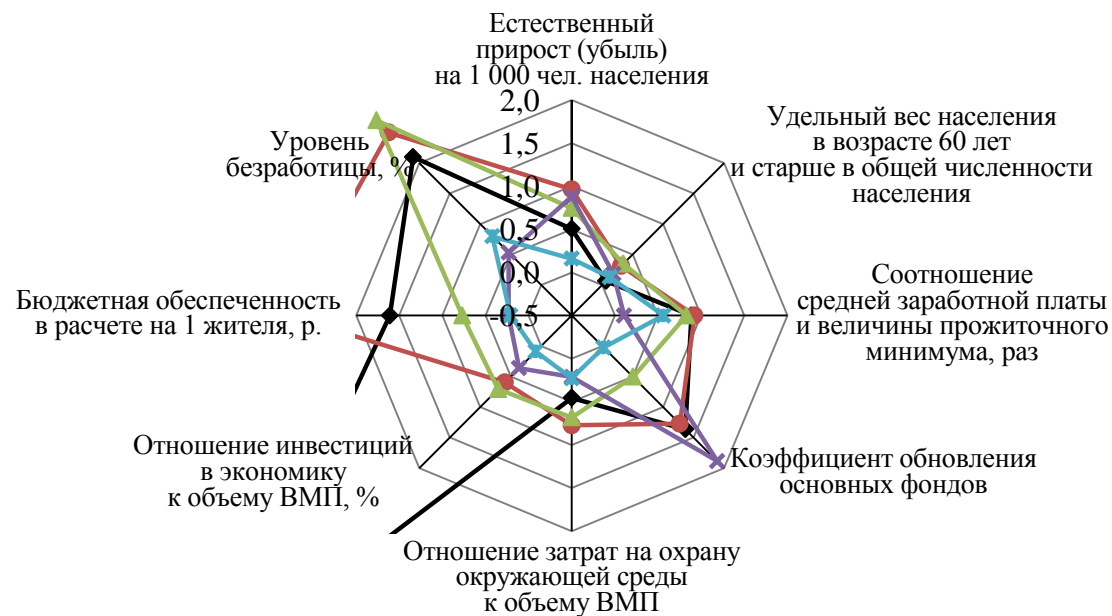
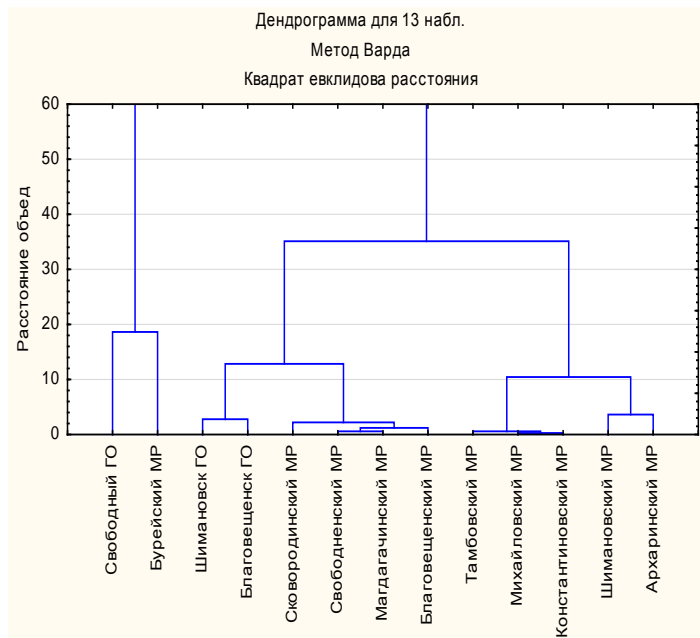
ПРИЛОЖЕНИЕ К

АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЯ СОСТАВА КЛАСТЕРОВ ЗА ПЕРИОД 2007–2016 ГГ.

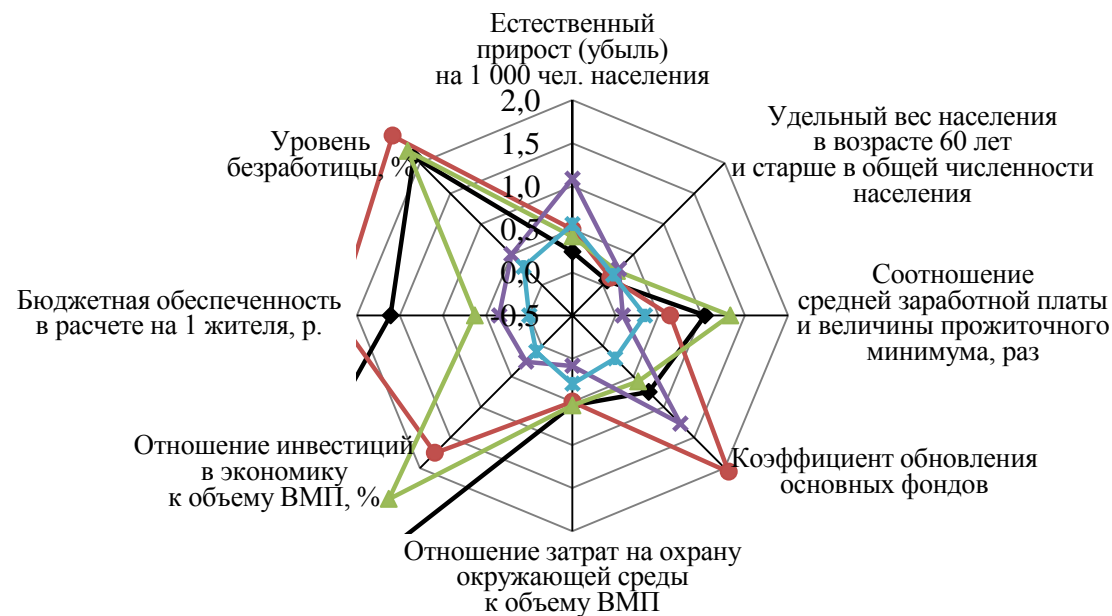
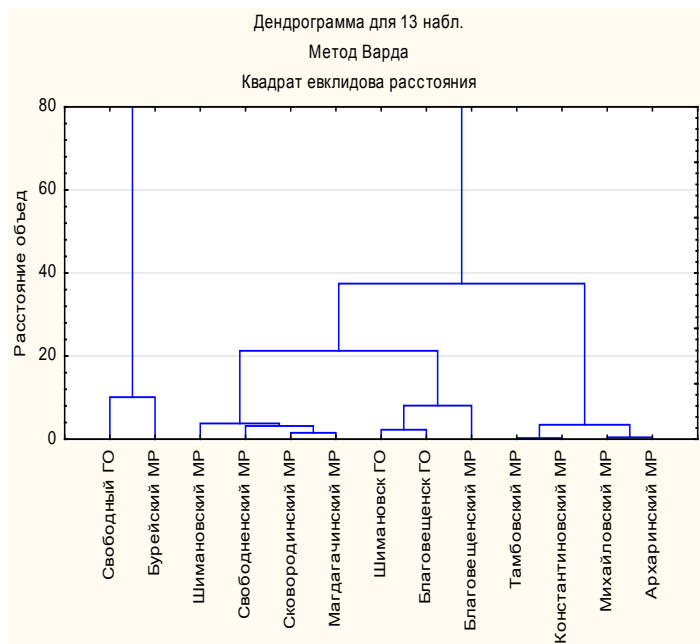
◆ 1-й кластер ● 2-й кластер ▲ 3-й кластер ✖ 4-й кластер ★ 5-й кластер

Рисунок К.1 – Дендрограмма кластеризации приграничных муниципальных образований и средние значения нормированных показателей индикаторов в выделенных кластерах, 2016 г.

◆ 1-й кластер ● 2-й кластер ▲ 3-й кластер ✖ 4-й кластер ◆ 5-й кластер

Рисунок К.2 – Дендрограмма кластеризации приграничных муниципальных образований и средние значения нормированных показателей индикаторов в выделенных кластерах, 2015 г.

◆ 1-й кластер ● 2-й кластер ▲ 3-й кластер ✖ 4-й кластер ◆ 5-й кластер

Рисунок К.3 – Дендрограмма кластеризации приграничных муниципальных образований и средние значения нормированных показателей индикаторов в выделенных кластерах, 2014 г.

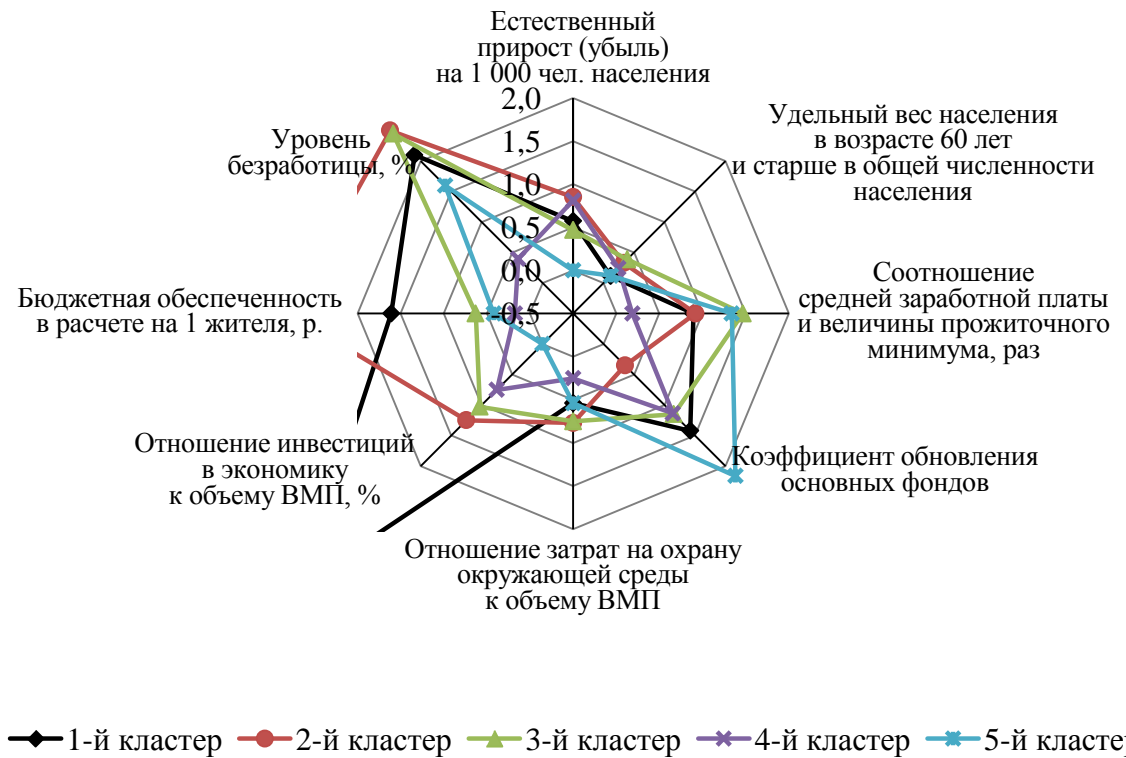
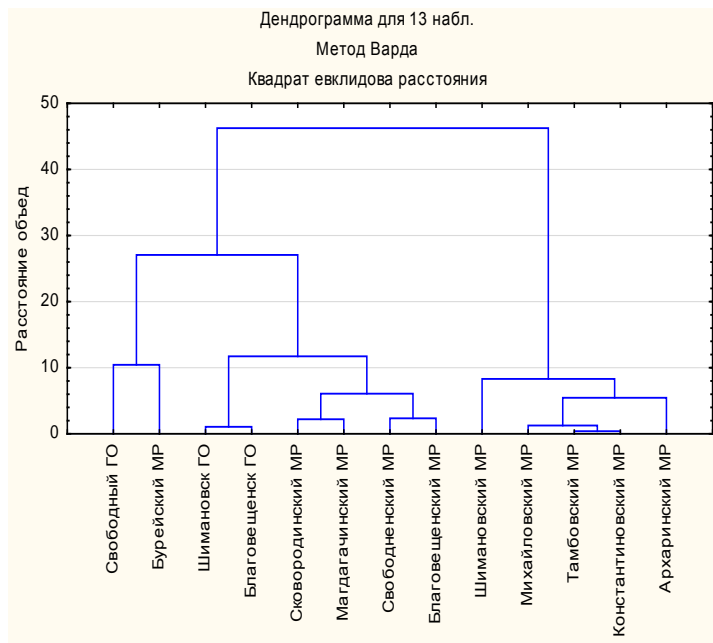
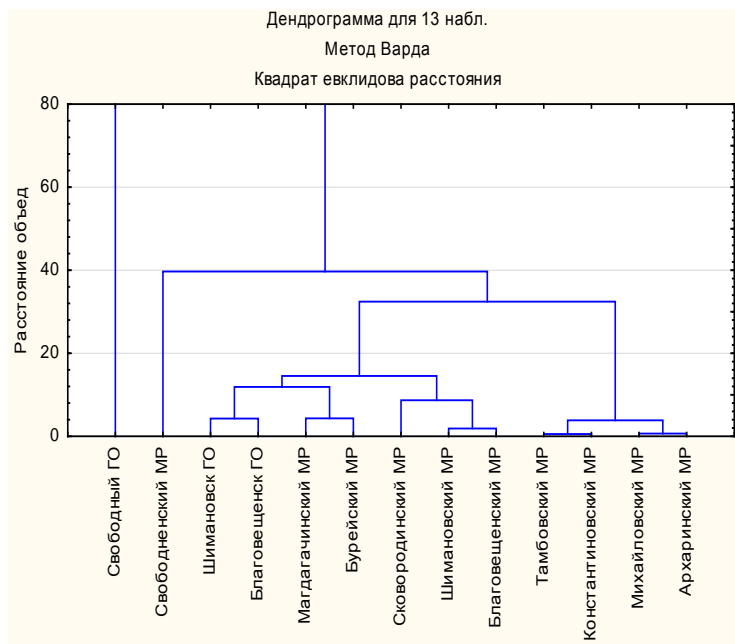
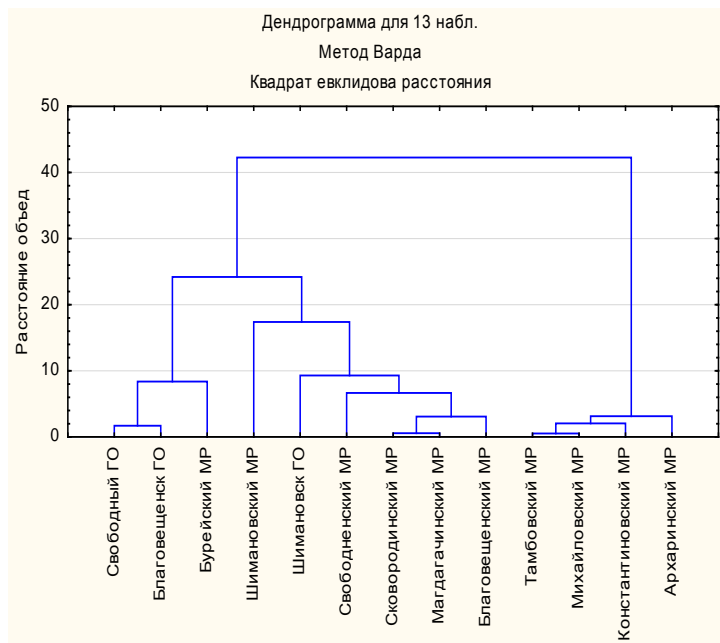

Рисунок К.4 – Дендрограмма кластеризации приграничных муниципальных образований и средние значения нормированных показателей индикаторов в выделенных кластерах, 2013 г.

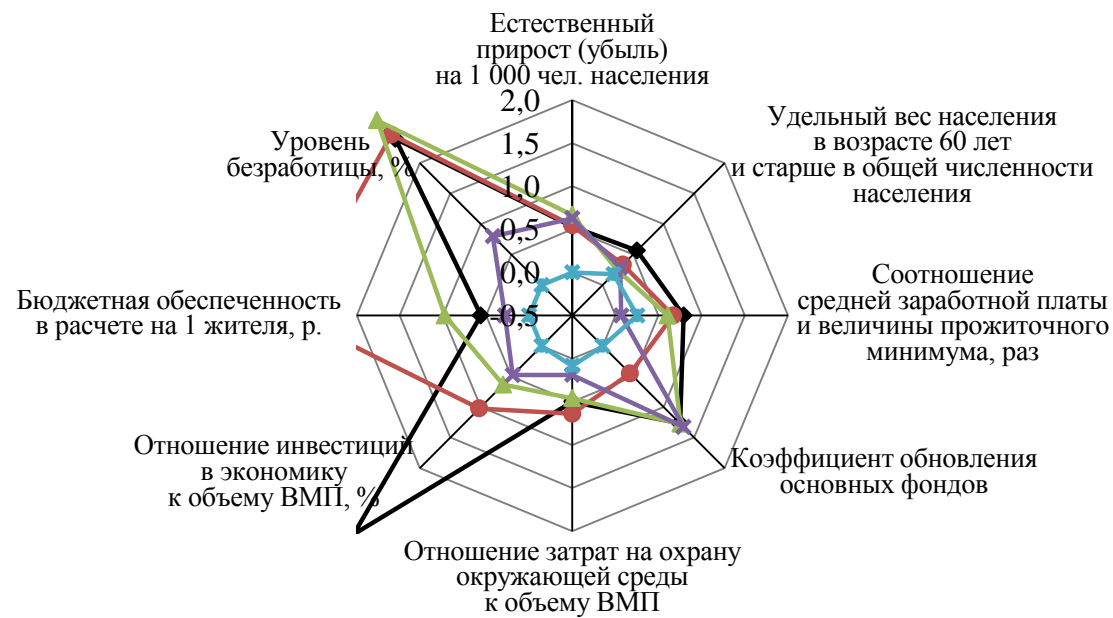
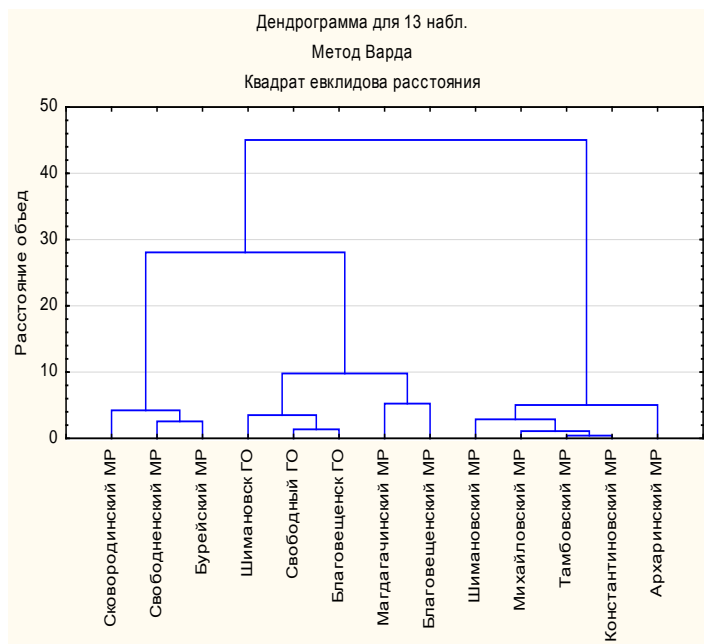
◆ 1-й кластер ● 2-й кластер ▲ 3-й кластер ✖ 4-й кластер * 5-й кластер

Рисунок К.5 – Дендрограмма кластеризации приграничных муниципальных образований и средние значения нормированных показателей индикаторов в выделенных кластерах, 2012 г.

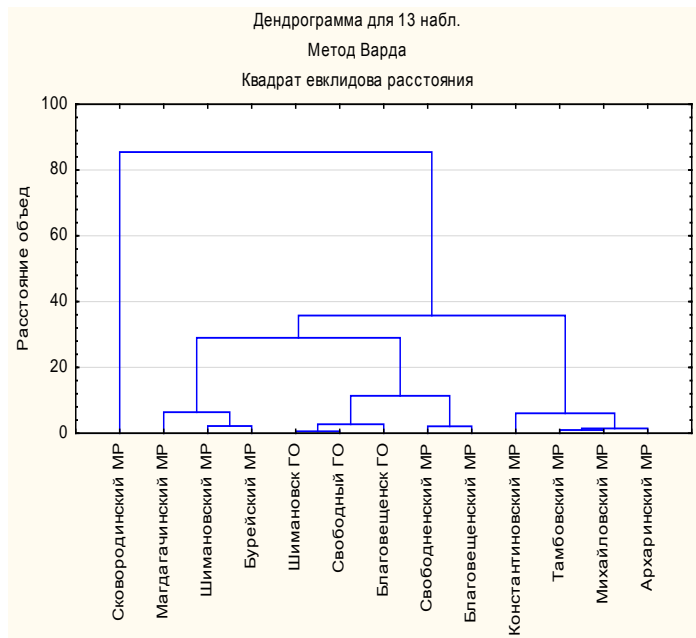
◆ 1-й кластер ● 2-й кластер ▲ 3-й кластер × 4-й кластер * 5-й кластер

Рисунок К.6 – Дендрограмма кластеризации приграничных муниципальных образований и средние значения нормированных показателей индикаторов в выделенных кластерах, 2011 г.

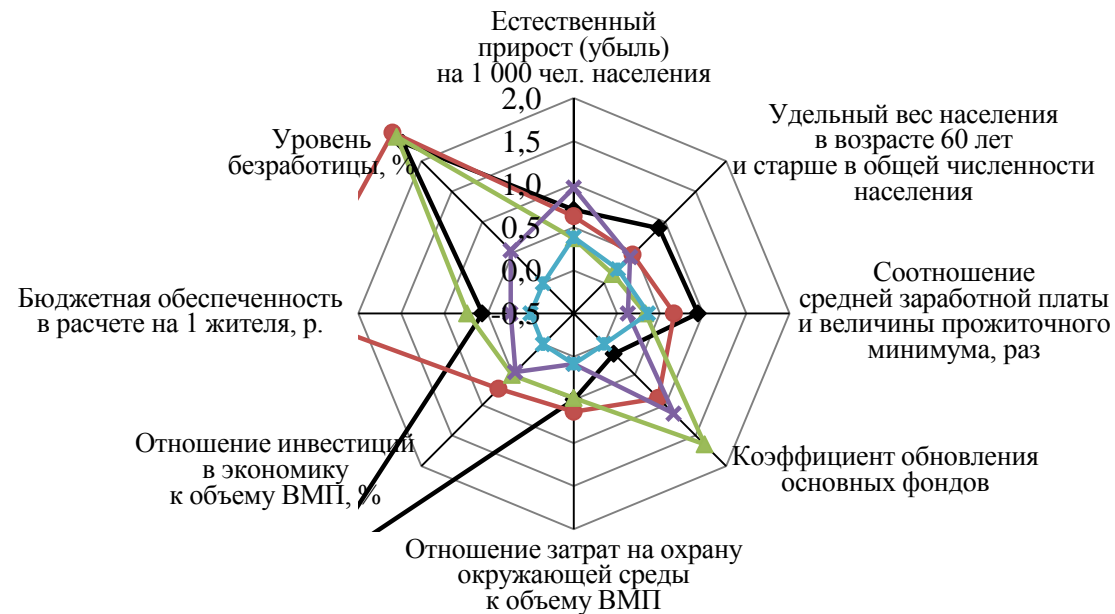
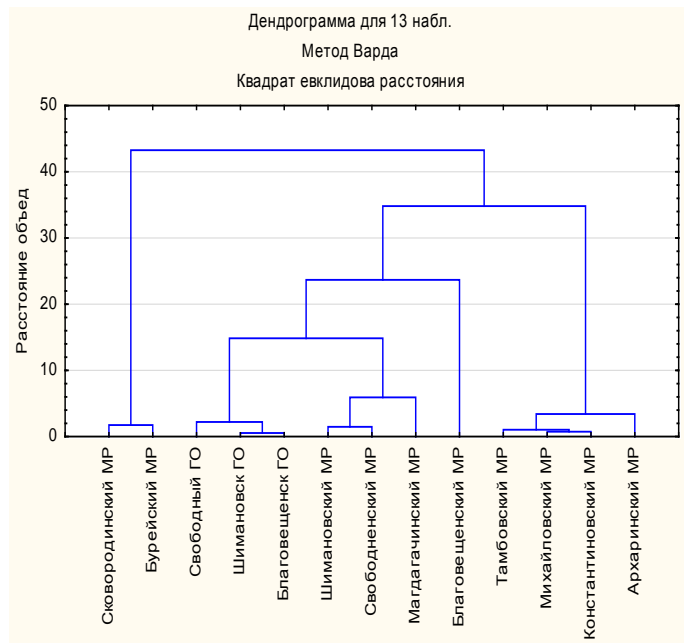
◆ 1-й кластер ● 2-й кластер ▲ 3-й кластер ✖ 4-й кластер ◆ 5-й кластер

Рисунок К.7 – Дендрограмма кластеризации приграничных муниципальных образований и средние значения нормированных показателей индикаторов в выделенных кластерах, 2010 г.

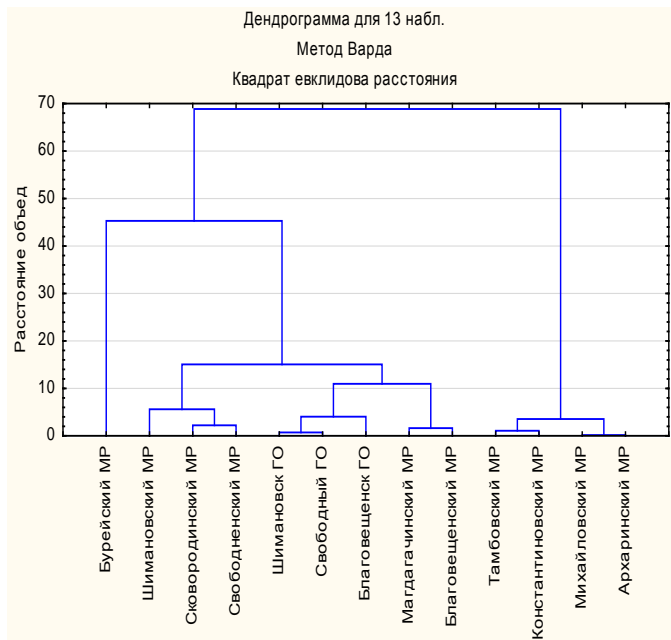
◆ 1-й кластер ● 2-й кластер ▲ 3-й кластер ✖ 4-й кластер ◆ 5-й кластер

Рисунок К.8 – Дендрограмма кластеризации приграничных муниципальных образований и средние значения нормированных показателей индикаторов в выделенных кластерах, 2009 г.

◆ 1-й кластер ● 2-й кластер ▲ 3-й кластер ✖ 4-й кластер ◆ 5-й кластер

Рисунок К.9 – Дендрограмма кластеризации приграничных муниципальных образований и средние значения нормированных показателей индикаторов в выделенных кластерах, 2008 г.

◆ 1-й кластер ● 2-й кластер ▲ 3-й кластер ✖ 4-й кластер * 5-й кластер

Рисунок К.10 – Дендрограмма кластеризации приграничных муниципальных образований и средние значения нормированных показателей индикаторов в выделенных кластерах, 2007 г.

Таблица К.1 – Изменение состава кластеров за период 2007–2017 гг.

Год	Состав кластеров				
	1-й кластер	2-й кластер	3-й кластер	4-й кластер	5-й кластер
2017	Благовещенский МР, Свободненский МР	Благовещенск ГО, Свободный ГО, Шимановск ГО	Бурейский МР, Магдагачинский МР, Сковородинский МР, Шимановский МР	Константиновский МР, Михайловский МР, Тамбовский МР	Архаринский МР
2016	Свободненский МР	Благовещенск ГО, Благовещенский МР, Шимановск ГО	Свободный ГО Бурейский МР, Магдагачинский МР, Сковородинский МР	Константиновский МР, Тамбовский МР	Шимановский МР, Архаринский МР, Михайловский МР,
2015	Бурейский МР, Свободный ГО	Шимановск ГО, Благовещенск ГО	Магдагачинский МР, Сковородинский МР, Свободненский МР, Благовещенский МР	Константиновский МР, Тамбовский МР, Михайловский МР	Шимановский МР, Архаринский МР
2014	Бурейский МР, Свободный ГО	Шимановск ГО, Благовещенск ГО, Благовещенский МР	Магдагачинский МР, Шимановский МР, Бурейский МР, Свободненский МР	Константиновский МР, Тамбовский МР	Михайловский МР, Архаринский МР
2013	Бурейский МР, Свободный ГО	Шимановск ГО, Благовещенск ГО	Магдагачинский МР, Шимановский МР, Сковородинский МР, Свободненский МР	Константиновский МР, Тамбовский МР, Михайловский МР, Архаринский МР	Шимановский МР
2012	Свободненский МР, Свободный ГО	Благовещенск ГО, Шимановск ГО, Магдагачинский МР, Бурейский МР	Сковородинский МР, Благовещенский МР, Шимановский МР	Константиновский МР, Тамбовский МР	Михайловский МР, Архаринский МР
2011	Благовещенск ГО, Свободный ГО, Бурейский МР	Шимановский МР, Шимановск ГО, Свободненский МР	Сковородинский МР, Магдагачинский МР, Благовещенский МР	Константиновский МР, Тамбовский МР, Михайловский МР	Архаринский МР
2010	Свободненский МР, Бурейский МР, Сковородинский МР	Благовещенск ГО, Свободный ГО, Шимановск ГО	Магдагачинский МР, Благовещенский МР	Шимановск ГО, Михайловский МР, Константиновский МР, Тамбовский МР	Архаринский МР
2009	Сковородинский МР	Шимановск ГО, Свободный ГО, Благовещенск ГО, Свободненский МР, Благовещенский МР	Магдагачинский МР, Шимановский МР, Бурейский МР	Константиновский МР	Тамбовский МР, Михайловский МР, Архаринский МР

Год	Состав кластеров				
	1-й кластер	2-й кластер	3-й кластер	4-й кластер	5-й кластер
2008	Сковородинский МР, Бурейский МР	Шимановск ГО, Свободный ГО, Благовещенск ГО	Шимановский МР, Свободненский МР, Магдагачинский МР, Благовещенский МР	Тамбовский МР, Михайловский МР, Константиновский МР	Архаринский МР
2007	Бурейский МР	Шимановск ГО, Свободный ГО, Благовещенск ГО, Магдагачинский МР, Благовещенский МР	Шимановский МР, Сковородинский МР, Свободненский МР	Константиновский МР, Тамбовский МР	Михайловский МР, Архаринский МР

Таблица К.2 – Пересечение типологии приграничных муниципальных образований по качественным признакам с результатами диагностики устойчивого развития

Кластер	Естественный прирост (убыль) на 1 000 чел. населения	Удельный вес населения в возрасте 60 лет и старше в общей численности населения	Соотношение средней заработной платы и величины прожиточного минимума, раз	Отношение затрат на охрану окружающей среды к объему ВМП	Отношение инвестиций в экономику к объему ВМП, %	Бюджетная обеспеченность в расчете на 1 жителя, р.	Уровень безработицы, %	Тип
1-й								II, IV, V*
2-й								I, IV, V**
3-й								II, IV, V
4-й								III
5-й								III
	Уровень жизни	Трудовые ресурсы, старение населения	Уровень обеспеченности базовых потребностей	Охрана окружающей среды	Воспроизводственный процесс	Удовлетворение минимальных муниципальных социальных стандартов	Бедность	
Примечание. * В разные периоды попадают МО данных типов, так как на их территории реализуется крупный инвестиционный проект; ** Представлен в основном городскими округами и МО, где заканчивается реализация инвестиционных проектов.								

ПРИЛОЖЕНИЕ Л

МОДЕЛИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И ВИДЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Таблица Л.1 – Модели пространственного развития и виды региональной политики

Содержание модели	Региональная политика			
	Цель	Основные параметры	Базовый механизм управления / инструменты	Проблемы
Модель рыночной организации пространства	Стимулирующая региональная политика			
Регулирование направлено на сглаживание пространственных различий в качестве жизни, а не на пространственные различия в деловой активности. Основу экономической политики составляют усилия, направленные на развитие экономической интеграции регионов с использованием всех ее средств – институтов, инфраструктуры, за счет которых улучшаются возможности коммуникаций, доступа к рынкам, а также стимулов, которые способствуют переселению населения в более динамичные регионы. Неизбежное сжатие экономического пространства станет долговременным и чрезвычайно затратным процессом	Повышение капитализации регионов в геоэкономическом масштабе, создание «точек превосходства», обеспечивающих инновационное воздействие на остальные территории. Предполагает стимулирование активности частного бизнеса в городах-лидерах, обеспечивающих реализацию агломерационных эффектов, развитие агломераций и стимулирование мобильности факторов производства (труда и капитала), а в отношении остальных регионов предлагается концепция управляемого сжатия экономического пространства	Создание «зон роста» – «опорных регионов», генерирующих инновационную волну (эффект просачивания). Ориентация на рыночное доминирование территорий. Требования к полюсам роста: географическое положение, собственные ресурсы развития, потенциальная капитализация региона	Стратегические частно-государственные партнерства, стимулирование местных инициатив, демонстрационные программы (поддержка отдельных территорий в качестве преференций за реформы и программы) / особые экономические режимы, налоговые льготы	Может привести к росту регионального неравенства и, как следствие, к усилению рисков дезинтеграции

Содержание модели	Региональная политика			
	Цель	Основные параметры	Базовый механизм управления / инструменты	Проблемы
Модель государственного сохранения («удержания») пространства (в основе – концепция выравнивающего регионального роста)	Политика выравнивания уровня развития территорий			
Каждый регион уникален с точки зрения не только его экономики, но и человеческого потенциала, экологии, культуры. Пространственная политика должна быть нацелена на рост всех регионов для того, чтобы максимизировать использование их потенциала. Такой подход обеспечивает «удержание» экономического пространства, поиск путей для экономически эффективного поддержания жизнедеятельности уже освоенных территорий, санацию территорий, утративших потенциал роста	Достижение однородности социально-экономического развития территорий, а в более поздних версиях – обеспечение равной доступности бюджетных услуг для граждан на всей территории страны. Состоит в реализации недоиспользуемого потенциала регионов, формировании их материального и нематериального капитала, стимулирование инновационных практик бизнеса и управления	Выделение регионов на основе усредненного (сбалансированного в стране) социально-экономического потенциала. Оказание государственной помощи данным регионам. Нерыночные ориентиры политики	Администрирование, перераспределение бюджетных доходов / выравнивающие дотации, субсидии	Снижается экономическая эффективность, ослабление стимулов у сильных и слабых регионов
Примечание. Составлено автором по: Аганбегян А. Г. Модернизация реального сектора экономики: пространственный аспект // Регион: экономика и социология. 2012. № 4(76). С. 7–44.				

ПРИЛОЖЕНИЕ М

ИНСТИТУТЫ И ИНСТРУМЕНТЫ ФЕДЕРАЛЬНОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ТЕРРИТОРИЙ ДВФО

Таблица М.1 – Институты и инструменты федеральной региональной политики в отношении территорий ДВФО

Название	Содержание
Институты развития	
Министерство по развитию Дальнего Востока	Федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий на территории ДВФО функции по координации деятельности по реализации государственных программ и федеральных целевых программ, в том числе долгосрочных; функции в области создания и функционирования территорий опережающего социально-экономического развития на территории ДВФО; по управлению федеральным имуществом, расположенным на территории ДВФО; функции по контролю осуществления органами государственной власти субъектов РФ полномочий РФ, переданных им в соответствии с законодательством Российской Федерации, в порядке и пределах, установленных законодательством РФ
Правительственная комиссия по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона ¹	Образована для обеспечения согласованных действий заинтересованных федеральных органов исполнительной власти, а также для координации взаимодействия федеральных органов исполнительной власти и высших исполнительных органов государственной власти субъектов РФ, расположенных на территории ДВФО и Байкальского региона, при решении вопросов социально-экономического развития субъектов РФ, расположенных на территории ДВФО и Байкальского региона
АО «Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона» ²	Государственный финансовый институт развития, обеспечивающий гибкий подход к структурированию и финансированию проектов. Осуществляет инвестиции в создание новых предприятий и объектов инфраструктуры, которые обладают значимым социально-экономическим эффектом для развития экономики региона

¹ О Правительственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона : постановление Правительства РФ от 17 сентября 2013 г. № 810.

² О Фонде развития Дальнего Востока и Байкальского региона. Режим доступа : <https://www.fondvostok.ru>.

Название	Содержание
АНО «Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта» ¹	Создано с целью привлечения новых резидентов на территории опережающего развития и в свободный порт Владивосток, прямых инвестиций, а также поддержки экспорта
АНО «Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке» ²	Комплексное решение вопросов по обеспечению ДВФО трудовыми ресурсами, достижение положительной миграционной динамики за счет дополнительного притока населения и его закрепления, а также реализация положений закона о «дальневосточном гектаре»
АНО «Корпорация развития Дальнего Востока» ³	Управляющая компания, осуществляющая функции по управлению территориями опережающего социально-экономического развития и свободного порта Владивосток в субъектах РФ, входящих в состав ДВФО
Инструменты	
Федеральные целевые (государственные) программы ⁴	«Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона», целью которой является повышение уровня социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона, обеспечение потребности в трудовых ресурсах и закрепление населения на Дальнем Востоке. Включает пять подпрограмм: 1) подпрограмма «Создание условий для опережающего социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа»; 2) подпрограмма «Поддержка реализации инвестиционных проектов в Дальневосточном федеральном округе»; 3) подпрограмма «Поддержка реализации инвестиционных проектов в Байкальском регионе»; 4) подпрограмма «Повышение инвестиционной привлекательности Дальнего Востока»; 5) подпрограмма «Обеспечение реализации государственной программы Российской Федерации „Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона и прочие мероприятия в области сбалансированного территориального развития“»

¹ Об учреждении АНО «Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта» : распоряжение Правительства РФ от 2 сентября 2015 г. № 1712-р.

² Об учреждении АНО «Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке» : распоряжение Правительства РФ от 2 сентября 2015 г. № 1713-р.

³ Об управляющей компании, осуществляющей функции по управлению территориями опережающего социально-экономического развития в субъектах Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и свободным портом Владивосток : постановление Правительства РФ от 30 апреля 2015 г. № 432.

⁴ Об утверждении Государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» : постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 308.

Название	Содержание
	«Дальневосточные» разделы в госпрограммах ¹
Бесплатное предоставление земельных участков ²	Бесплатное получение гражданами Российской Федерации земельных участков по договору безвозмездного пользования исключительно на территории Дальневосточного федерального округа, в том числе в целях ведения предпринимательской деятельности, не запрещенной законодательством
Зоны с особыми условиями хозяйствования ³	Использование особых правовых режимов ведения предпринимательской деятельности в границах отдельных территориальных образований разного уровня. Для реализации стратегии Амурской области применяется механизм формирования территорий с особым режимом развития федерального уровня, решение по созданию которых принимается Правительством Российской Федерации: это ТОСЭР, особые экономические зоны и зоны территориального развития

¹ О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 7 ноября 2016 г. № 113. С 1 января 2017 г. в обязательном порядке в 27 государственных программах должны быть выделены специальные разделы по социально-экономическому развитию Дальнего Востока. При формировании «дальневосточных разделов» первую очередь обращается внимание на развитие образования, здравоохранения, спорта и культуры, строительство и реконструкцию мостов, модернизацию энергетической инфраструктуры, реальные меры поддержки сельского хозяйства.

² Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 1 мая 2016 г. № 119-ФЗ.

³ Об особых экономических зонах в Российской Федерации : федер. закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ; О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 3 декабря 2011 г. № 392-ФЗ; Об особой экономической зоне в Магаданской области : федер. закон от 31 мая 1999 г. № 104-ФЗ; О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации : федер. закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ; О свободном порте Владивосток : федер. закон от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ.

Таблица М.2 – Ключевые индикаторы Программы развития приграничных территорий Амурской области

Цели Программы – обеспечение комплексного и устойчивого развития приграничных территорий области; создание комфортных условий для жизни и деятельности населения приграничных территорий области; формирование и удержание конкурентных преимуществ перед приграничными территориями Китайской Народной Республики	
Задачи Программы	Индикаторы
<p>«1) преодоление негативных миграционных тенденций и устойчивый рост численности населения в приграничных населенных пунктах области;</p> <p>2) обеспечение роста реальных денежных доходов населения приграничных территорий области;</p> <p>3) обеспечение занятости населения приграничных территорий за счет использования сельскохозяйственного потенциала и развития сельскохозяйственного производства области;</p> <p>4) создание условий для развития экономики приграничных территорий области, в том числе малого и среднего предпринимательства;</p> <p>5) улучшение инвестиционного климата приграничных территорий области;</p> <p>6) использование туристско-рекреационного потенциала приграничных территорий области;</p> <p>7) расширение приграничного сотрудничества и реализация совместных инвестиционных проектов, в том числе развитие производственной инфраструктуры на приграничных территориях области;</p> <p>8) развитие транспортно-логистических коридоров по обслуживанию экспортно-импортных потоков;</p> <p>9) создание условий для развития инфраструктуры в приграничных населенных пунктах;</p> <p>10) повышение качества услуг в социальной сфере в приграничных населенных пунктах;</p> <p>11) обеспечение защиты приграничных территорий от чрезвычайных ситуаций, вызванных в том числе наводнениями»</p>	<p>«1. Коэффициент миграционного прироста на 10 тыс. чел. населения до +1,0.</p> <p>2. Среднегодовую численность занятых в экономике области до 433 тыс. чел.</p> <p>3. Число субъектов малого и среднего предпринимательства до 8,3 тыс.</p> <p>4. Валовой региональный продукт (в основных ценах соответствующих лет) до 1 346,5 млрд р.</p> <p>5. Ввод в действие жилых помещений до 325 тыс. м² в год.</p> <p>6. Удельный вес автомобильных дорог с твердым покрытием в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования до 76,4 %.</p> <p>7. Количество туристических маршрутов до 78 единиц»</p>
<p>Примечание. Составлено автором по: Об утверждении программы «Развитие приграничных территорий Амурской области до 2025 г.» : постановление Правительства Амурской области от 28 сентября 2016 г. № 420.</p>	

ПРИЛОЖЕНИЕ Н

ХАРАКТЕРИСТИКА ТОСЭР, СОЗДАНЫХ НА ТЕРРИТОРИИ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Наименование ТОСЭР / НПА / география расположения	Цель создания	Действующие резиденты			
		Проект, резидент	Планируемый объем инвестиций, млн р.	Рабочие места	Мощность производства в год
ТОСЭР «Белогорск» / постановление Правительства РФ № 875 от 21 августа 2015 г. «О создании ТОСЭР „Белогорск“» / Белогорск	Создана для реализации инвестиционных проектов в сфере агропромышленного комплекса и обрабатывающих отраслей. Перспективы связаны со значительным сельскохозяйственным потенциалом. Кроме того, Белогорск является крупным железнодорожным узлом Транссибирской магистрали, находится в непосредственной близости от федеральной трассы «Амур»	«Завод по глубокой переработке сои. I очередь», ООО «Маслоэкстракционный завод „Амурский“»	1 900,0	420	240 тыс. т сои с производством 228 853 т продукции соепереработки
		«Завод по глубокой переработке сои. II очередь», ООО «Маслоэкстракционный завод „Амурский“»	2 540,0	84	10 тыс. т соевого белкового изолята; 55 тыс. т пищевого шрота; 8 тыс. т соевой клетчатки
		«Строительство хлебобулочного цеха», ООО «Белхлеб»	18,0	15	490 т хлебобулочных изделий
		«Создание лесоперерабатывающего комплекса», ООО «Беллеспром»	10,3	28	12 тыс. м ³ пиломатериалов обрезных, 6 тыс. т топливных гранул и древесного угля
		«Создание комплекса по производству леги-кирпича», ООО «Крепость»	3,7	9	600 тыс. шт.

Наименование ТОСЭР / НПА / география расположения	Цель создания	Действующие резиденты			
		Проект, резидент	Планируемый объем инвестиций, млн р.	Рабочие места	Мощность производства в год
		«Создание комплекса по переработке промышленных отходов на базе технологии вакуумной дистилляции отработанных масел и пиролиза производственных отходов», ООО «Амурэкоресурс»	32,7	16	3 000 т по переработке отработанных масел и 600 т по утилизации отходов производства
ТОСЭР «Приамурская» / Постановление Правительства РФ № 879 от 21 августа 2015 г. «О создании ТОСЭР „Приамурская“» / Благовещенский район	Создана для использования экспортных конкурентных преимуществ региона, а также ее транспортно-логистического потенциала и представлена в сфере обрабатывающей промышленности и в сфере складской деятельности. Перспективы развития связаны с функционированием с 2019 г. пограничного мостового перехода через реку Амур в районе городов Благовещенск (РФ) – Хэйхэ (КНР)	«Производство по переработке цементного клинкера в с. Березовка Амурской области», ООО «С Технология»	1 600,0	150	До 500 тыс. т цемента
		«Комплекс по переработке нефти и транспортировке нефтепродуктов «Амурский нефтеперерабатывающий завод», ООО «Амурская Энергетическая Компания»	123 000,0	1 200	4,0 млн т нефти и 2,0 млн т газового конденсата
		«Строительство логистического комплекса хранения пестицидов и агрохимикатов», ООО «Агрохим ДВ»	82,3	12	1600 тыс. л единовременного хранения
		Строительство комбикормового завода на территории элеваторного хозяйства в с. Тамбовка Амурской области», ООО «Агро Фабрика»	186,6	87	68,4 тыс. т
		Строительство модульного, энергонезависимого, экологически безопасного, мусороперерабатывающего, агропромышленного комплекса, ООО «ЭкоЛайф»	36,9	25	24,9 тыс. т мусора

Наименование ТОСЭР / НПА / география расположения	Цель создания	Действующие резиденты			
		Проект, резидент	Планируемый объем инвестиций, млн р.	Рабочие места	Мощность производства в год
ТОСЭР «Свободный» / Постановление Правительства РФ от 3 июня 2017 г. № 673 «О создании ТОСЭР „Свободный“» / г. Свободный, Свободненский район Сковородинский район	Базируется на строительстве крупнейшего в России газоперерабатывающего завода и в дальнейшем газохимического комплекса	«Амурский газоперерабатывающий завод», ООО «Газпром переработка Благовещенск»	*	2 657	До 42 млрд м ³ природного газа
		«Создание производства товарного бетона для нужд «Амурского ГПЗ», ООО «ПТК „Пчелы-Свободный“»	2,9	20	180 тыс. м ³
		«Строительство комплекса по производству бетона», ООО «Смена»	74,9	19	100 тыс. м ³
		«Строительство сети комплексов по производству бетона на базе установок Cobra-120 и HZS-50 в ТОР „Свободный“», ООО «Индустрия»	54,64	93	30 тыс. м ³
Примечание. Составлено автором по: Информация о действующих резидентах территорий опережающего социально-экономического развития Амурской области по состоянию на 1 августа 2018 г. / Агентство по привлечению инвестиций Амурской области. Режим доступа : http://invest.amurobl.ru/info/investor-tor .					